237 X 749

ЛЕНИНГРАДСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА

Ж37—749

З. ЛОЗИНСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

1 р. 65 к.

19 ПРИБОЙ 29

637-749

ЛЕНИНГРАДСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА

З. ЛОЗИНСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ПРИБОЙ / 1929

ЧИТАТЕЛЬ!

Отзыв об этой книге пошли по адресу: Москва, Ильинка, 3, Госиздат, в редакцию журнала „Книга и революция“

Государ. публичная
Историческая
Библиотека ГСФСР
№ 21384

Ленинградский Областлит № 36297
12½ л. Тираж 4 000. (С, 50. 32182/Пр.)

ОТ АВТОРА.

Задача настоящей работы — выяснить характер и социальные корни экономической политики Временного правительства. Выдвигая на первый план вопросы экономической политики, мы считаем необходимым, для лучшего уяснения проблемы, уделить известное место и данным, дающим представление об общем состоянии народного хозяйства в интересующий нас период.

Не все разбираемые в работе вопросы могли быть разработаны с надлежащей полнотой. Главным препятствием, с которым нам пришлось встретиться, являлась бедность архивных источников и недостаточность статистических материалов. Некоторые архивы погибли (особенно значительный ущерб работе нанесла гибель части архивов министерства торговли и промышленности и министерства земледелия), кой-какие архивы пока еще не выявлены. [1] Ограниченность архивных источников возмещается отчасти тем обстоятельством, что, при крайней слабости государственного аппарата в эпоху «керенщины», многие данные, против воли «начальства», просачивались в периодическую (общую и специальную) прессу.

Чрезвычайно трудно восполнить пробелы, определяе-

[1] Автору настоящей работы пришлось работать в следующих архивохранилищах: Архив Октябрьской революции — главным образом, дела канцелярии Временного правительства и министра-председателя; Архив Октябрьской революции П. — дела фабзавкомов; Архив Революции и внешней политики — дела министерства иностранных дел; Архив народного хозяйства — дела министерства земледелия; Ленинградский Центральный исторический архив — дела Гл. эк. к-та, Особ. совещ. по обороне, министерства торговли и промышленности, министерства продовольствия; Архив ИСТПРОФА ВЦСПС — дела Петрогр. о-ва зав. и фабрикантов и Донецкого совещания; Архивы ЦК и Моск. отд. союза текстильщиков, Архив б. Кредитной канцелярии, и др.

мые недостаточностью статистических материалов. Так, чтобы яснее, резче подчеркнуть влияние «керенщины» на промышленность, необходимо оперировать помесячными данными. Ведь, беря за основу данные по всему 1917 году, мы захватываем и два месяца до Февральской революции, и два месяца после Октября. Это обстоятельство не может, конечно, не отразиться на показательности наших данных. К сожалению, помесячные данные имеются только по отдельным отраслям промышленности. Но если пренебречь требованиями особой точности, то общее представление об экономике 1917 года можно получить и на основании годовых данных. Во-первых, от февраля до ноября прошло восемь месяцев — две трети года. Во-вторых, влияние Октябрьской революции на народное хозяйство не могло сказаться непосредственно на второй день после захвата власти. Следовательно, к двум третям года можно присоединить еще небольшой отрезок времени. Словом, в тех случаях, когда отсутствуют помесячные данные, нет нужды отказываться от пользования данными по всему году. Это не идеальный выход из положения, но ничего другого сделать нельзя: сводка данных по месяцам была бы под силу — да и то не по всем отраслям — лишь солидному коллективу статистиков . . .

Начало настоящей работе было положено в Институте красной профессуры — в семинаре М. Н. Покровского. Отрывок из работы, содержащий, по преимуществу, анализ промышленной политики «керенщины», был напечатан в журн. «Пролетарская революция», №№ 10 и 11 за 1927 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАСПАД НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В 1917 г.

Состояние хозяйства накануне Февральской революции. — Положение народного хозяйства при Временном правительстве. — Основные факторы распада. — Дезорганизаторская роль буржуазии.

К февралю 1917 г. народное хозяйство России находилось в состоянии глубочайшего упадка. Ряд основных отраслей индустрии, транспорт, финансовая система страны оказались после $2^1/_2$ лет войны в положении, близком к катастрофе.

Особенно скверно обстояло дело на железных дорогах. Необходимо упомянуть, что и до войны наш транспорт был одним из наиболее уязвимых элементов российского капитализма и еле-еле справлялся со своими обязанностями. Война же возложила на транспорт новые задачи, с которыми он не смог справиться даже ценой неслыханного напряжения сил и средств. Передвижение многих миллионов солдат, перевозка воинских грузов, эвакуация беженцев, усиленная «циркуляция» гражданского населения — все это легло на транспорт непосильным бременем. В то же время нехватало средств, необходимых для поддержания железнодорожного хозяйства хотя бы на уровне, соответствующем прежнему объему его обязанностей. Ощущался острый недостаток в квалифицированной рабочей силе, из-за недостатка металла приостанавливались ремонтные работы и т. д. Кроме того, ремонт транспорта должен был сократиться из-за привлечения ремонтных мастерских к непосредственным работам на «оборону». Так как транспорт не был в состоянии, при довоенных нормах эксплуатации, удовлетворить предъявленные к нему повышенные требования, то оказалось необходимым резко увеличить нагрузку подвижного состава. Это усиливало степень изнашиваемости транспорта, увеличивало

процент больных паровозов и вагонов. Накануне Февральской революции больные паровозы составляли свыше 18%, больные вагоны — около 5%. Средняя суточная погрузка на 100 верст упала перед революцией, по сравнению с 1916 годом, на 22%. Больше всего, конечно, страдал от транспортной неурядицы «тыл». Свыше 30% всей железнодорожной сети перешло в непосредственное ведение Военно-полевого управления, служа главным образом для выполнения военных заданий. Война расстроила нормальный грузооборот не только западных дорог, но и дорог, расположенных в восточном районе, вынужденных значительную часть своих ресурсов отдавать для обслуживания того же западного района. Все грузы, исключая воинские, уже в 1915 г. сократились на 32,7%.

Железнодорожная разруха создала крайне тяжелое положение для всех отраслей народного хозяйства. Помимо кризиса транспорта громадное значение для всего хозяйства страны имели те опустошения, которые были вызваны войной в топливной промышленности.

Дефицит топлива стал хроническим явлением уже в предвоенные годы, когда «отечественного» угля хватало лишь для удовлетворения 80% потребностей. В 1914 — 1916 гг. топливный кризис резко обострился, в виду отпадения Домбровского угольного бассейна и прекращения импорта. Донецкий бассейн в годы войны испытывал серьезные затруднения в связи с недостатком металла, машин, продовольствия, ухудшением состава рабочих и т. п. Создалась обстановка, при которой не было никакой возможности удержать производительность труда на прежнем уровне. И, действительно, средняя продукция на 1 рабочего составляла в 1916 г. только 7 400 пуд., против 9 200 пуд. в 1913 г.

В силу транспортного кризиса, топливной разрухи, недостатка продовольствия, нехватки квалифицированной рабочей силы и т. п. добыча чугуна в 1916 г. сократилась, по сравнению с 1914 г., на 14,2%, производство железа и стали — на 11%, полупродуктов железа и стали — на 13%. Дефицит железа достигал в середине 1916 г. $11^1/_2$ млн пуд. в месяц. В конце 1916 г. производительность заводов сильно упала, и дефицит железа

дошел до 17 млн пуд. Производство хлопчатобумажных тканей уменьшилось в 1916 г. на 14,3%.

Вышеприведенные цифры рисуют достаточно безотрадную картину. Вместе с тем необходимо констатировать, что в 1916 г. валовая продукция всей промышленности даже увеличилась на 21,5% по сравнению с довоенным временем. Но можно ли на этом основании утверждать, что в годы войны промышленность находилась в состоянии подъема, шла в гору? Конечно, нет! Верно лишь то, что в результате исключительного, беспримерного напряжения сил удалось добиться увеличения добычи в некоторых отраслях, обслуживающих нужды обороны, как, например, металлообрабатывающая, химическая. Но было бы крайне ошибочно говорить об успехе всей промышленности в целом. Война нанесла тяжелый удар таким центральным отраслям народного хозяйства, как транспорт, топливо, металлургия, и тем самым предопределила неизбежность кризиса и в тех отраслях, которые непосредственно работали на фронт и временно добивались некоторого роста продукции. С течением времени неминуемо должны были сказаться во всех отраслях промышленности плоды сокращения подготовительных работ по главным «магистралям» хозяйства, результаты усиленной эксплуатации основного капитала, недостатка ремонта и пр.

Общая разруха распространилась в годы войны и на сельское хозяйство. Несмотря на значительный процент «избыточного» населения, мобилизация 13 млн человек (по преимуществу крестьян) не могла не иметь своим результатом заметную убыль необходимой рабочей силы. Сильный ущерб причинил сельскому хозяйству разрыв связей с мировым рынком. В весьма тяжелое положение было поставлено сельское хозяйство сокращением производства (до 20% — в 1916 г.) и импорта (до 4%) с.-х. машин. Положение осложнилось в связи с той ролью, которую играли в мирное время Германия и Австрия в снабжении русского рынка с.-х. орудиями и машинами (из Германии доставлялись сложные сортировальные машины — около 90% «триеров»; потребность в косах на 74% удовлетворялась австрийским ввозом). Импорт американских машин не мог радикально улучшить положение, так

как он был затруднен чрезвычайной загруженностью архангельского порта и северных путей. К тому же недостаток металлов свел к минимальным размерам ремонт старого инвентаря. Отрицательно действовало на сельское хозяйство сокращение товарооборота, обесценение денег и т. п. моменты военной конъюнктуры. При таких условиях сокращение посевной площади было совершенно неизбежно. На основании официальных статистических данных площадь посевов 1916 г. сократилась по сравнению с площадью, засеянной в 1913 г., на 8,4%. За точность этих данных нельзя, правда, поручиться, так как, с одной стороны, приходится сопоставлять источники разнородного происхождения (переписи, материалы Центр. стат. комитета), с другой — есть основания полагать, что некоторая часть площади вовсе не была учтена. Вероятнее всего, что отмеченные цифры изображают сокращение посевов, судя по данным отдельных повторных переписей, в несколько преувеличенном виде. Согласно весьма осторожному подсчету статистической части Особого совещания по продовольствию, сокращение составляло около 6 — 7%. Приблизительно такой же размер сокращения установлен большинством исследователей.

По подсчетам проф. Калантара, Россия потеряла в 1917 г. до 20 млн голов взрослого крупного рогатого скота и лишилась части основного животноводственного капитала.[1]

За годы войны число хозяйств, не имеющих посевов и лишенных рабочего скота, заметно увеличилось. Например, в Вятской губ., по данным земской переписи 1909 — 1912 гг., насчитывалось 92 757 безлошадных хозяйств, в 1916 г. — 100 386. В Саратовской губ. количество безлошадных хозяйств увеличилось только за первый год войны на 10,3%.[2]

Уже к осени 1915 г. три четверти городов и значительное количество уездов переживали серьезные продовольственные затруднения. В 1916 г. продовольственный кризис распространился почти на всю страну. В феврале

---

[1] Труды Госплана, 1922, I.

[2] Итоги с.-х. переписи по Вятск. губ. 1917. — А. Милов з о р о в, Крестьянские и частновладельческие хозяйства Саратовской губ. после войны. 1916 г.

1917 г. было погружено хлебов и фуража на все фронты (без кавказского) — лишь 42,3% назначенного (по планам снабжения) количества, для гражданского населения — 29,6%, для железных дорог — 26,7%. На страну надвигалась продовольственная катастрофа. Причину продовольственного кризиса нельзя искать в сокращении хлебных сборов, так как дефицит, получившийся в третьем году войны, компенсировался тем избытком производства над потреблением, которым характеризовались предшествующие два года.[1] Затруднения определялись, главным образом, транспортной разрухой, недостатком «городских» товаров, разрывом связи между городом и деревней, половинчатой и бездарной политикой правительства и т. п. В продовольственном кризисе отражался кризис всей хозяйственной системы.

Финансы государства носили на себе печать тех же недугов, которыми были поражены остальные отрасли народного хозяйства. Война вызвала стремительный рост государственных расходов: одни сверхсметные чрезвычайные кредиты, ассигнованные на военные расходы, на 1 марта 1917 г. составляли 30 461,9 млн руб. Уклонившись от ограничения «военных» сверх-прибылей буржуазии, царское правительство усиленно «нажало» на печатный станок. Количество бумажных денег в обращении составляло на 1 июня 1914 г. 1 млрд 630 млн руб., на 1 марта 1917 г. — 9 950 млн руб. Внешних займов было заключено на сумму 7 300 млн руб., и тяжесть золотой цепи, приковывавшей Россию к «союзникам», значительно возросла. Государственная задолженность к революции увеличилась в 4 раза. Состояние финансов страны накануне Февраля не сулило ничего хорошего: курс рубля упал на лондонской бирже до 56 коп., почти наполовину.

Хозяйственный кризис, порожденный войной, до революции усугублялся регулирующей деятельностью царского правительства, носившей крайне поверхностный характер и имевшей мало сходства даже с теми мероприятиями, которые проводились в годы войны в Германии и Англии. Процесс производства все время оставался вне

---

[1] Н. Д. Кондратьев, Рынок хлебов. М. 1921 г. Стр. 44, 75, 76.

сферы воздействия государственной власти, имевшего своим объектом лишь распределение отдельных продуктов и регулирование их цен. Пользуясь, преимущественно, рычагом твердых цен, царское правительство лишь скользило по поверхности хозяйственной жизни и не задевало основных пружин экономической системы. Регулирующая деятельность государственной власти совершенно не коснулась банков, развивших в годы войны бешеную спекулятивную деятельность, немало содействовавшую росту хозяйственной разрухи. Развитие в России монополистического капитализма создало благоприятные условия для планового руководства экономической жизнью, но государственная власть этими условиями не воспользовалась и в той мере, в какой это возможно было при сохранении капиталистической собственности. По справедливому замечанию А. Сидорова, автора работы об экономике войны, те регулирующие акты, «которые были проведены английским и немецким правительством, на $^{9}/_{10}$ остались неосуществимыми в России». [1]

Война надорвала силы российского капитализма. Процесс распада его определился до Февраля, но свое завершение этот процесс получил уже при «керенщине».

После Февраля процесс хозяйственного распада принимал все более и более ощутительные размеры. Имеющиеся в нашем распоряжении данные, относящиеся к послефевральскому периоду, неопровержимо свидетельствуют о безудержном росте и углублении процесса деградации, дававшего себя чувствовать с той или иной силой во всех отраслях народного хозяйства. Особенно серьезное значение для судеб всего хозяйства, в частности для промышленности, имело состояние транспорта. После Февральской революции положение транспорта резко ухудшилось: увеличилось количество больных паровозов и вагонов, изменились к худшему условия эксплуатации, упала погрузка и пр. С февраля по октябрь 1917 г. количество больных паровозов возросло на 7,7%, причем процент дефективных паровозов увеличивался из месяца в месяц. В октябре 1917 г. больные паровозы составляли

---

[1] Ст. А. Сидорова в Очерках по истории Октябрьской Революции, т. I (под ред. Покровского).

26,1% общего состава, в то время как при нормальных условиях они не должны превышать 16%. [1] Производство паровозов на русских заводах сильно сократилось. За 9 месяцев в 1917 г. было изготовлено 301 паровоз, в среднем 33 паровоза в месяц, против 50 — в 1916 г., 75 — в 1915 г. [2] Количество больных вагонов увеличилось с февраля по октябрь на 2,6%. По отдельным месяцам насчитывалось почти до 9% больных вагонов (в июле — 8,9%, в августе — 8,8%). Заметно ухудшилось дело эксплуатации железнодорожного хозяйства.

Количество паровозов, находящихся в распоряжении эксплуатации на версту сети.

1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
0,22	—	0,18	0,15

Средняя ежедневная работа железных дорог в 1916 г. достигала 91 541 ваг. (в июне), в январе 1917 г. работа упала до 70 118 в., в октябре 1917 г. — до 43 000. Суточная погрузка на 100 верст сети, редко составлявшая в 1916 г. меньше 50 ваг., в октябре 1917 г. упала до 31 вагона. В марте 1917 г. груженых вагонов было в движении — 405 570, в октябре — 308 600. [3]

Верное изображение железнодорожной разрухи дал 13 октября, в телеграмме, посланной начальникам дорог и председателям порайонных комитетов, министр путей сообщения: «Общее состояние транспорта в настоящее время критическое: общий недогруз с начала года, по сравнению с прошлым годом, достигает полутора миллионов вагонов, из них топлива около ста семидесяти тысяч вагонов; общая погрузка в июле, августе, сентябре ниже уровня погрузки в январе и феврале, когда свирепствовали морозы и мятели; наличие замедленных и задержанных груженых вагонов в пути превышает одну тысячу».

---

[1] И Михаилов. Основные вопросы транспорта. С. 35. Процент дефективных паровозов был фактически более значителен, так как здесь учтены в качестве здоровых паровозы, которые при нормальных условиях были бы безусловно причислены к категории больных

[2] «Торг.-Пром. Газета», 1917, № 232 (ст. А. Митинского).

[3] И. Михайлов, цит.

О катастрофическом положении железнодорожного транспорта свидетельствовали размеры запасов угля на дорогах.

Запасы угля на железных дорогах
(в тыс. пуд.).

	1916 г.	1917 г.
Апрель	24 695	23 036
Май	30 920	25 512
Июнь	34 775	24 638
Июль	38 648	23 657
Август	55 140	20 508
Сентябрь	48 930	20 072
Октябрь	49 113	18 079

В сентябре 1917 г. запас угля сократился против сентября 1916 г. на 59%, в октябре 1917 г. уменьшение запаса против октября 1916 г. составляло 63,2%. К зимнему сезону железные дороги остались почти без запасов топлива.[1]

О состоянии топливного дела можно судить по следующей сводке.

Каменноугольная промышленность Донбасса
(в млн пуд.).

	Добыто						Запасы к концу месяца		Вывоз по жел. дор. общего пользован.	
	Каменного угля		Антрацита		Всего					
	1916 г.	1917 г.	1916 г.	1917 г.	1916г.	1917 г.	1916 г.	1917 г.	1916 г.	1917 г.
Март	131,2	114,0	33,0	36,0	164,2	150,0	119,9	102,4	119,9	102,4
Апрель	76,0	93,0	19,0	27,0	95,0	120,0	109,6	106,0	109,6	106,0
Май	110,0	105,9	30,0	27,5	140,0	133,4	121,8	89,4	121,8	89,6
Июнь	116,0	101,4	31,0	30,0	147,0	131,4	119,3	98,5	119,3	98,5
Июль	114,0	90,0	30,0	29,0	144,0	119,0	123,5	95,6	123,5	95,6
Август	108,0	89,0	29,0	26,0	137,0	115,0	119,0	83,5	119,0	83,5
Сентябрь	116,0	90,7	33,0	26,0	149,0	116,7	112,3	78,2	112,3	82,9
Октябрь	121,0	90,4	36,0	34,0	157,0	124,4	104,9	87,0	104,9	68,9

[1] И. Михайлов, Транспорт. Его совр. сост. С. 18, 32, 33.

Наибольший коэффициент падения дала добыча каменного угля; добыча антрацита испытала сравнительно меньшее падение. Сокращение добычи именно каменного угля ставило в очень тяжелое положение железнодорожный транспорт, флот, промышленность, в особенности металлургическую и химическую промышленность. Недостаток топлива должен был, при прочих равных условиях, вырвать из строя десятки крупнейших предприятий.

К 1 ноября в Донбассе запасы равнялись около 90 млн пуд. каменного угля и антрацита, но только незначительная часть этих запасов могла быть доставлена потребителям, так как 62% каменного угля и 77% антрацита находились при шахтах, лишенных подъездных путей. [1]

Для удовлетворения неотложной потребности в донецком топливе добыча должна была стоять на уровне 165 млн пуд. в месяц (130 млн пуд. каменного угля и 35 млн пуд. антрацита). Между тем, за период март — октябрь 1917 г. добывалось в месяц в среднем только 126,2 млн пуд. (в том числе только 96 млн пуд. каменного угля). Из вывезенного в октябре из Донбасса топлива около половины было предоставлено железным дорогам, 15,5 млн пуд. были отпущены металлическим заводам, 16,9 млн пуд. — прочим потребителям. [2] Чтобы понять реальный смысл последних цифр, необходимо иметь в виду, что голодная норма промышленности равнялась 80 млн пуд.

Петроградский район получил в 1915 г. в среднем 9 млн пуд. твердого минерального топлива в месяц, в 1916 г. — 8 млн пуд., в 1917 г. — 3,3 млн пуд.

Месячная погрузка донецкого топлива для Московского района составляла после Февральской революции в среднем 1,9 млн пуд., против 4,3 млн пуд. в 1916 г. В районы, постоянно получавшие донецкое топливо, в среднем было доставлено в 1917 г. только 40% нормального потребления. [3]

Запасы минерального топлива на крупнейших заводах

---

[1] «Известия Особого совещания по топливу» 1917 г., № 7.

[2] Цифра погрузки топлива для «прочих потребителей» была на деле меньше, так как часть топлива была переотправлена дорогам.

[3] «Горнозаводское дело» 1919 г., № 3-4.

были недостаточны даже для того, чтобы продолжать производство в самых скромных размерах. Запасы твердого минерального топлива на 17 важнейших заводах, по сведениям на 16 октября, составляли 1 200 тыс. пуд. [1] Металлургическая промышленность Юга потребила за 8 месяцев 1916 г. 209 млн пуд. донецкого топлива (26 млн пуд. в месяц), за 8 мес. 1917 г. — 175 млн пуд. (22 млн пуд. в месяц), при месячном минимуме в 32 млн пуд. Основная промышленность районов ежемесячно недополучала $^1/_3$ того, что она получала в 1916 г. [2]

По предположениям на 1917 г., необходимо было для нужд технического потребления добыть и доставить на места: [3]

Донецкого топлива	50,7%
Нефтяного	23,7%
Всего топлива дальнего привоза	74,4%
Дров	23,4%
Торфа	1.3%
Местного угля	0,9%
Всего местного топлива	25,6%

Такое соотношение в общем топливном балансе топлива дальнего привоза и топлива местного происхождения ставило топливное хозяйство фабрично-заводских предприятий в прямую, непосредственную зависимость от транспорта.

Судя по приведенной выше сводке данных о добыче донецкого топлива в 1917 г., в октябре произошло некоторое увеличение запасов и весьма значительное падение вывоза каменного угля. В октябре в Донецком бассейне было зарегистрировано около 24 000 случаев отказа в вагонах. Железные дороги не справлялись даже и с перевозкой сокращенной добычи. Разруха транспорта ставила крайне жесткие пределы потреблению топлива в промышленных районах, и без разрешения транспортной про-

[1] «Известия Особого совещания по топливу», № 7.
[2] «Известия Особого совещания по топливу», № 6.
[3] Там же.

блемы увеличение дальше известного предела топливных ресурсов не могло бы сколько-нибудь заметно сказаться на состоянии индустрии.

Добыча нефти составляла в 1916 г. 599,1 млн пуд., в 1917 г. — 531,3 млн пуд., меньше на 67,8 млн пуд.

Во всем Бакинском нефтяном районе было добыто за первые 9 месяцев 1917 г. 361,6 млн пуд., меньше чем за январь — сентябрь 1916 г. на 52,3 млн пуд. На четырех главных бакинских площадях было добыто за 7 месяцев революции 156,6 млн пуд. нефти, на 42,3 млн пуд. меньше добычи того же периода 1916 г.

По месяцам всего добыто нефти
(в млн пуд.)

	1916 г.	1917 г.
Январь	27,6	24,8
Февраль	25,5	27,2
Март	27,4	23,1
Апрель	26,7	23,2
Май	35,5	24,2
Июнь	29,9	22,7
Июль	25,4	23,3
Август	26,7	22,6
Сентябрь	27,3	17,5

На бакинских нефтеперегонных заводах за 9 месяцев было выработано в 1916 г. — 187 038,5 тыс. пуд., в 1917 г. — 167 486,3 тыс. пуд. [1]

В Грозном 1917 г. дал бóльшую добычу нефти, чем предшествующий год. За девять месяцев 1917 г. добыча на Грозненских нефтяных промыслах равнялась 85 051 тыс. пуд., на 8 605 тыс. пуд. (+ 11,2%) более добычи соответствующего периода 1916 г. (76 446 тыс. пуд.). Эти несколько неожиданные цифры находят объяснение в том факте, что в Грозненском районе огромнейшую роль играет фонтанная нефть. С этой особенностью района были связаны колебания, имевшие место в добыче нефти в течение ряда лет и сводившие на-нет самые осторожные предварительные расчеты. И в 1917 г. размеры фонтанной добычи колебались по отдельным месяцам самым разитель-

[1] «Нефтяное дело» 1917 г., № 23-24.

ным образом, от 791 тыс. пуд. в январе до 5 285 тыс. пуд. в июне. Тартальная добыча нефти уменьшилась сравнительно с 1916 г. и на старой (на 16,1%) и на новой площадях (за январь — август на 13,1%). Увеличение добычи пришлось исключительно на фонтанную нефть. [1]

Из-за транспортных затруднений, особенно остро переживавшихся Грозным, увеличение добычи в этом районе не могло облегчить положение потребителей нефтяного топлива. Докладчик на VI всероссийском топливном съезде в июле сообщал, что в Грозненском районе, из-за невозможности вывезти нефть, фонтаны закупориваются,— к моменту съезда было закупорено около 30 скважин. Создавалось парадоксальное положение: во время острого топливного кризиса добыча нефти оказывалась бесполезной. [2]

Транспорт неспособен был справиться и с тем количеством нефти, которое было добыто в 1917 г. В Астрахань было доставлено всего 280 млн пуд., вместо намеченных к вывозу 320 млн пуд. Фактический завоз на волжские пристани дал всего 262 млн пуд. вместо предположенных 305 млн пуд. [3]

Как обстояло дело со снабжением промышленности нефтяным топливом, показывают данные по Петроградско-Ревельскому району (см. стр. 17).

Одно время ждали смягчения топливного кризиса от усиления дровяных заготовок. Но дровяная кампания дала на деле весьма скромные результаты. Начальник эксплуатационного управления министерства путей сообщения незадолго до Октября жаловался в Особом совещании по топливу, что из необходимых для железных дорог 2 400 тыс. куб. саж. недостает 825 тыс. куб. саж. [4] Заготовки дров срывались недостатком продовольствия и фуража, отсутствием инструментов, финансовыми затруднениями, противодействием со стороны крестьян. Последнее вызывалось главным образом специфической политикой правительства по аграрному вопросу и хищническими приемами работы лесозаготовителей.

---

[1] «Нефтяное дело» 1918 г., № 5-6.
[2] «Известия Особого совещания по топливу» 1917 г., № 5.
[3] «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 7.
[4] «Торг.-пром. газета», № 231.

	Проц. отношение назнач. к установлен. потребности	Проц. отношение погрузки к назначенной
Январь	100	62
Февраль	80	40
Март	70	53
Апрель	100	63
Май	100	38
Июнь	94	43
Июль	74	33
Август	60	30
Сентябрь	66	19
Октябрь	75	37

Недостаток топлива отражался на металлургической промышленности самым гибельным образом. Добыча чугуна находится в прямой зависимости от размера и качества топливных ресурсов: для выплавки пуда чугуна необходимо в среднем два пуда угля, а чугун, в свою очередь, необходим для выделки прокатных металлов.

В 1917 г. чугуна было выплавлено менее, чем в 1916 г. (по данным за 10 месяцев), на 17%, производство железа и стали упало на 24,1%. На ряде крупнейших заводов (Константиновский, Дружковский, Русский Провиданс) было приостановлено производство.

Несмотря на сокращение добычи железной руды, запасы ее вследствие недостатка вывозной способности железных дорог и уменьшения спроса заводов возрастали с каждым месяцем.

Валовая продукция химической промышленности в 1917 г. сократилась по сравнению с 1916 г. на 19,2%.

Особенно сильный урон понесла в 1917 г. текстильная промышленность. Производство по обработке хлопка дало в 1916 г. валовую продукцию в 892,5 млн руб., в 1917 г. — 596,4 млн руб. [1] Количество переработанного

[1] Труды ЦСУ, т. XVIII, М. 1924.

хлопка уменьшилось за 1916—1917 гг. на 3 469,6 тыс. пуд. Здесь, на ряду с топливным кризисом, сказывалось также сокращение запасов хлопка· на 1 февраля 1917 г. запасы хлопка составляли 15 419 123 пуд., на 1 ноября — 8 062 969 пуд.[1]

Экономическая жизнь Центрального текстильного района пережила в 1917 г. крайне тяжелые потрясения. На конференции текстильщиков, происходившей в Москве 16 —17 июня и представлявшей около 200 тысяч рабочих промышленного района, в докладах с мест было нарисовано чрезвычайно угнетенное положение текстильных предприятий, созданное топливным кризисом. Констатируя, с одной стороны, злостное поведение предпринимателей, сознательно дезорганизующих во многих случаях производство, делегаты, с другой стороны, отмечали, что топливный кризис делает некоторое сокращение производства совершенно непреодолимым. [2]

Создавшееся положение заставило Временное бюро снабжения в начале июля издать, с согласия Совета рабочих депутатов и промышленников, особое постановление о перерыве на 6 недель работы текстильных фабрик на территории, охватываемой Московской окружной ж. д.

По словам проф. Кирша на всероссийском топливном съезде, осуществление «этой страшной меры» оказалось совершенно неизбежным.

Остановку предприятий предполагалось использовать для заготовки и распределения необходимого количества топлива и сырья. [3]

VI всероссийский съезд районных представителей по топливу, состоявшийся в июле, в согласии с проведенными в Москве мерами по сокращению производства, единогласно признал «безусловно необходимым планомерное сокращение промышленности в ближайшее время». [4]

Прекращение работы текстильных предприятий в Москве не было неожиданностью. Еще в декабре 1916 г. происходившее при московской бирже совещание торгово-про-

---

[1] «Народное хозяйство» 1918 г., № 2.

[2] Архив Истпрофа ЦК союза текстильщиков, 1917, д. № 2.

[3] Архив Истпрофа Моск. отд. союза текстильщиков, 1917, д. № 10; «Труды эк. съезда Моск. обл.», 1918 г.: «Изв. Моск. СРД», № 147.

[4] «Известия Особого совещания по топливу», № 5.

мышленных организаций постановило послать правительству докладную записку с предупреждением о неминуемом свертывании текстильного производства. Помимо записки, совещание отправило правительству телеграмму, в которой, между прочим, говорилось: «Ряд крупнейших предприятий уже остановил свои работы за полным исчерпанием запасов топлива. В ближайшем будущем промышленность Центрального района вынуждена будет по той же причине или сильно сократить свое производство, или даже совсем остановить его». В записке, адресованной министру торговли и промышленности, конкретно указывалось, что «недостача топлива должна повести к сокращению фабрично-заводских работ до 2-3 дней в неделю или простою от 6 до 8 месяцев в течение года».[1]

Бездействие текстильных предприятий в 1917 г. было подготовлено потрясениями, переживавшимися текстильной индустрией еще до революции, и в значительном числе случаев обозначалось в силу объективных условий, усугублявшихся «локаутными» настроениями предпринимателей.

Приблизительная валовая продукция (в довоенных ценах) всей промышленности по территории как 58 губ. Европейской России и Кавказа, так Сибири и Туркестана, в относительных величинах, составляла:

1913 г.	100
1914 »	101,2
1915 »	113,1
1916 »	121,5
1917 »	*77,3* [2]

Отдел промышленности министерства торговли и промышленности собрал через чинов фабричной инспекции сведения о числе подчиненных надзору фабричной инспекции промышленных предприятий, приостановивших производство после 1 марта и его не восстановивших. Оказалось, что с марта по август прекратили работу 568 предприятий со 104 372 рабочими.[3]

---

[1] «Изв. общ. зав. и фабрик. Моск. пром. района», 1917 г. № 1-2.
[2] «Фабр.-зав. пром. в период 1913—1918 гг.» Изд. ЦСУ.
[3] «Торг.-пром. газета», 1917, № 213.

Месяцы	Число закрытых предприятий	Число рабочих
Март	74	6 646
Апрель	55	2 816
Май	108	8 701
Июнь	125	38 455
Июль	206	47 754

По сведениям журнала «Промышленность и торговля», в августе и сентябре прекратили производство еще 231 предприятие (в августе — 160, в сентябре — 71). Приблизительно число рабочих, лишенных работы за эти два месяца, достигло 61 000. [1]

Первый удар пришелся по текстильной промышленности — в доавгустовской сводке ликвидированных предприятий первое место занимал текстиль. В августе и сентябре наибольшее количество предприятий было ликвидировано в металлообрабатывающей промышленности.

Несколько дисгармонировал, на первый взгляд, с состоянием промышленности размах учредительской деятельности. Всего было учреждено за девять месяцев 1917 г. 480 новых акционерных компаний с общей суммой основных капиталов в 1 269,5 млн руб. В предшествующие годы — 1914, 1915, 1916 — учредительство имело более скромные размеры (1914 г. — 388,22 млн руб.; 1915 г. — 233,56 млн руб.; 1916 г. — 590,03 млн руб.).

По сумме новых выпусков акций после революции Россия сильно опередила, напр., Англию, выпустившую за первое полугодие 1917 г. новых промышленных и банковых ценностей всего на три миллиона фунтов стерлингов.

По существу развитие учредительства меньше всего свидетельствовало о наличии экономического подъема. Сильный толчок учредительству был дан законом Временного правительства, облегчавшим учреждение новых акционерных обществ, освобождавшим акционерное дело

---

[1] «Промышленность и торговля», 1917 г., № 42-43.

от тех ограничений, которые существовали при старом строе. Вполне понятно, что буржуазия не замедлила воспользоваться возможностями, создаваемыми новым законом, и стала развивать лихорадочную учредительную деятельность. Значительная часть новых акционерных обществ была создана путем преобразования старых единоличных обществ (219 обществ с основным капиталом 654,5 млн руб.). Затем, как правильно было указано на совещании о частных эмиссиях 12 октября знатоком банковского дела проф. Идельсоном, стремление к увеличению капиталов нередко вызывалось желанием облегчить налоговое бремя и привлечь внимание биржи к данному предприятию. Крупная доля зарегистрированных капиталов не шла сразу на укрепление и поддержку производства, а служила предметом биржевой игры. Необходимо также учесть, при подсчете сумм зарегистрированных в 1917 г. акционерных капиталов, сильное падение курса рубля. [1]

Посевная площадь продолжала сокращаться. Главным образом уменьшилась площадь под специальными культурами: посевы льна сократились сравнительно с 1916 г. на 9,6%, посевы сахарной свеклы — на 12,1%. Площадь под картофелем упала на 6,3%, под кормовыми хлебами — на 2,8%. В 1917 г. ряд районов был охвачен недородом. По 50 губерниям урожай озимой ржи уменьшился в среднем на 10,4 пуд. на десятину, урожай озимой пшеницы — на 14 пуд. Как мы уже упоминали, только в продолжение первых двух лет текущее производство хлебов и картофеля покрывало потребление с избытком. Затем наметился дефицит, достигший в 1916 — 1917 г. 88714,9 т. пуд., в 1917 — 18 г. — 362204.7 т. пуд. [2] Если

---

[1] Особого размаха учредительство достигло в тяжелой индустрии, сулившей акционерам наибольшие выгоды. Очень слаба была учредительская деятельность в производстве по обработке волокнистых веществ, находившемся, в условиях войны, в менее выгодном положении, чем некоторые другие отрасли промышленности, обреченном на длительное кризисное состояние острым недостатком и исключительно высоким уровнем цен на хлопок («Торг.-пром. газета» 1917 г., №№ 194, 212, 223, 224, 228; «Раб. газета», № 187).

[2] Кондратьев, Рынок хлебов, стр. 39, 42, 44.

учесть, что в 1917 г. ухудшилось состояние транспорта, уменьшилось производство предметов массового потребления и т. п., то можно легко вообразить, какие острые формы должен был приобрести в период «керенщины» продовольственный кризис.

Какими факторами обусловливался рост разрухи после Февральской революции?

По наиболее распространенному в буржуазных кругах мнению, главным источником хозяйственного кризиса являлись непомерные требования рабочих, стремление поднять до чудовищной высоты уровень заработной платы. Так ли было на самом деле?

В приводившейся уже нами анкете министерства торговли и промышленности предприятия, ликвидированные в период между февралем и августом, были разбиты на ряд категорий, в зависимости от причин ликвидации. Судя по анкете, 367 предприятий с 88 882 раб. приостановили свою работу вследствие отсутствия хлопка, зерна, топлива и т. п., 47 предприятий с 3 896 раб. — из-за недостатка заказов и спроса, и только 57 предприятий с 8 301 раб. — в результате «чрезмерных» требований и недоразумений с рабочими.

Таким образом, даже по данным официальной анкеты дело не ограничивалось одними чрезмерными требованиями рабочих. Пришлось привлечь к объяснению и такие явления, как нехватка материалов, отсутствие топлива, недостаток спроса и заказов и пр.[1]

Орган совета съездов утверждал в унисон с анкетой министерства торговли и промышленности, что разруха обязана в первую очередь (разрядка моя. *З. Л.*) недостатку топлива и сырья ...».[2]

На конференции представителей промышленности и торговли, происходившей в июне 1917 г. под председательством Н. Н. Кутлера, обсуждалась резолюция, предлагавшая правительству использовать всю полноту власти

---

[1] Анкета может быть использована для характеристики положения не без оговорок, так как ее ценность несколько понижается в силу того, что часть предпринимателей, желая замаскировать факт локаута, нарочито оправдывала ликвидацию производства недостатком материалов, отсутствием топлива и пр.

[2] «Пром. и торг.», № 42-43.

для борьбы с «анархией». Известный промышленник Третьяков нашел необходимым отметить в своем выступлении по поводу резолюции, что отсутствие сырья, топлива, квалифицированных рабочих и т. п. обстоятельства не менее, если даже не более, чем анархия, являются источниками промышленного кризиса.[1]

Заработная плата в 1917 г., без сомнения, несколько поднялась. Но это верно только в отношении номинальной зарплаты. Случаи более или менее значительного увеличения реальной зарплаты были весьма малочисленны и определялись особенно «счастливыми» условиями. О сильном росте реальной зарплаты свидетельствуют данные монографического исследования петроградской статистики труда по заводу Парвиайнена.[2]

Заработная плата по заводу Парвиайнена действительно поднялась и в номинальном и в реальном ее выражении весьма высоко. Но нельзя забывать, что завод этот приносил своим владельцам колоссальные доходы. Находясь в исключительно выгодных условиях, завод Парвиайнена не являлся достаточно характерным, типичным для всей массы фабрично-заводских предприятий столицы. К тому же необходимо подчеркнуть, что зарплата (реальная) достигла своего «зенита» в июне, с июля же началось снижение. Реальная заработная плата к октябрю 1917 г. немногим превышала плату, выданную рабочим в начале 1916 г. (март 1916 г. — 64,1 руб., сентябрь 1917 г. — 68,8 руб.).

Сведения о заработной плате по другому петроградскому предприятию, Выборгской мануфактуре, подтверждают правильность мнения о том, что на заводе Парвиайнена заработная плата была выше, чем на других предприятиях. В январе 1917 г. реальная зарплата ватерщиц составляла 90%, а в июле того же года — только 62% той платы, которую они получали в июне 1914 г.[3] К выводу о недостаточной типичности данных по заводу Парвиайнена

---

[1] «Торг.-пром. газета», № 114.

[2] С. Г. Струмилин, Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913 — 1922 гг., с. 12, 13.

[3] «Материалы по статистике труда Северной области». 1919. вып. III.

приводят и данные по полюстровскому заводу о-ва механического и трубочного завода «Промет». [1]

Помесячное движение заработной платы установлено лишь по отдельным предприятиям, причем показательность этих предприятий находится под большим сомнением. Мы не допустим особенно крупной ошибки, если примем за основной ориентировочный материал данные, имеющиеся по всему 1917 г. и по полугодиям, — общую тенденцию, в весьма приближенном, правда, виде, эти данные намечают правильно.

Заработная плата фабр.-зав. рабочих (1913 г. = 100). [2]

	Номинальный заработок (в бумажных рублях)		Реальный заработок (в товарных рублях)	
	Абсолютн.	Относит.	Абсолютн.	Относит.
1916 — I полугодие . . .	36,0	164	21,7	98,7
» — II » . . .	45,0	204	18,7	85,0
1917 — I » . . .	70,5	320	19,3	88,0
» — II » . . .	135,0	615	13,8	62,8

Номинальная зарплата во II полугодии 1917 г. увеличилась, сравнительно со II полугодием 1916 г., втрое. Реальная же зарплата испытала лишь в I полугодии 1917 г. незначительный рост, по сравнению со II полугодием 1916 г. Но и в первом «счастливом» полугодии 1917 г. реальный заработок сильно отставал от реальной зарплаты в I полугодии 1916 г. Второе полугодие 1917 г. ознаменовалось исключительно резким падением реальной зарплаты, сведшим на-нет незначительный прирост в первом полугодии. В общем по большинству отраслей промышлен-

[1] АОР, 2, Центр. Сов. фабзавкомов, 1917, д. № 9.

[2] Журн. «Статистика труда» 1919 г., №8—10, ст. З. Миндлина. Рабочее время и заработная плата в предприятиях Московской области за 1914—1918 гг.

ности реальная зарплата в 1917 г. понизилась по сравнению с последним предреволюционным годом.

Опубликованные в свое время материалы московской биржи труда, охватывающие период с февраля по октябрь 1917 г., приводят к тем же выводам, что и вышеуказанные данные: рост заработной платы в большинстве случаев отставал от роста дороговизны.[1]

Между тем капиталистическая пресса, деятели различных предпринимательских организаций и министры-«социалисты» в один голос жаловались:

«Рабочие дезорганизуют производство своими фантастическими требованиями. Мало того: претендуя на высокую заработную плату, рабочие одновременно ослабляют интенсивность своего труда, подрывают всякие устои трудовой дисциплины».

Например, в июне министр труда М. И. Скобелев выпустил воззвание, в котором он всю вину за падение производительности труда возлагал на рабочих, ни словом не коснувшись саботажа буржуазии, изношенности основного капитала, недостатка материалов и проч.

Особенно много легенд было распространено относительно падения производительности труда в Донецком бассейне. Столбцы газет пестрели цифрами одна другой фантастичней. Наибольшим вниманием буржуазных журналистов и деятелей предпринимательских организаций пользовались вопросы производительности труда. В этой области фантазия углепромышленников и их сторонни-

---

[1] Заработная плата возросла за указанный период (по разным категориям рабочих) на 70%, 45%, 29%. Такое увеличение заработной платы не могло обеспечить рабочим сохранение существовавшего до Февральской революции уровня жизни, так как за февраль — октябрь цена на ржаной хлеб поднялась на 150%, на картофель — на 175%, на одежду и обувь — на 170% и т. д. Одних данных по московской бирже труда, конечно, недостаточно для того, чтобы судить об общей динамике заработной платы в 1917 г., так как на бирже регистрировались только немногие категории рабочих (плотники, кузнецы, каменщики, чернорабочие и пр.). Но приведенные данные приобретают определенную ценность, поскольку расценки, зарегистрированные на 1 октября, почти целиком совпадали с расценками по таким крупным профсоюзам, как профсоюзы металлистов и электротехников («Изв. Моск. обл. прод. к-та» 1917 г., № 12).

ков не знала предела. В действительности же в Донбассе наблюдалась следующая картина:

Средняя месячная производительность одного горнорабочего (в пудах).[1]

	1916 г.	1917 г.
Январь	721	535
Февраль	660	492
Март	746	536
Апрель	737	424
Май	636	472
Июнь	663	469
Июль	620	437
Август	566	422
Сентябрь	602	423
Октябрь	602	442

До 1916 г. производительность труда горнорабочего падала весьма слабо. В 1916 г. произошел резкий перелом в сторону понижения производительности. Средняя месячная производительность одного горнорабочего в 1913 г. выражалась в 764 пуд., в 1914 г. — 755 пуд., в 1915 г. — 751 пуд., в 1916 г. — 622 пуд. Средняя месячная производительность революционного периода (III — X) была ниже средней производительности первых двух дореволюционных месяцев на 11,8%. В 1916 г. производительность труда за тот же период упала на 6,4%. Таким образом, темп падения производительности в 1917 г. не так уж сильно превосходил темп, наблюдавшийся в 1916 г. Падение производительности труда было в значительной мере вызвано качественным ухудшением состава горнорабочих, привлечением к работе на копях военнопленных, женщин, подростков, детей, беженцев, ростом числа военнообязанных. Процесс впитывания горной промышленностью новых элементов, отличавшихся пониженной производительностью труда, протекал до конца 1916 г. в очень интенсивной форме. Перемены, происшедшие в составе рабочих с конца 1916 г. до конца 1917 г., были уже не так резки, как в предшествующий период, но нет никакого сомнения, что и за 1917 г. состав горнорабочих несколько изменился к худшему.

[1] «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 7.

	Всего рабочих	Военно-обязан.	Военно-плени.	Женщин	Подростки и мальчики	Заруб. и забойщ.	Из общего числа всех подземных	Из общего числа всех поверхностн.
На 1/I 1917 г. . .	291 397	120 526	75 464	12 185	19 283	60 104	174 067	117 730
На 15/X 1917 г. .	268 000	134 000	63 000	14 000	20 000	49 000	144 000	124 000

Как известно, главную роль в добыче угля играет категория забойщиков. Имеющиеся данные показывают нам, что, на ряду с увеличением количества женщин и подростков, абсолютное количество забойщиков к 15 октября 1917 г. сильно упало. Число забойщиков сокращалось с каждым месяцем: в июне их было 54 000, в июле — 52 000, в августе — 50 000, на 1 октября — 49 000. [1]

6 августа 1917 г. в Юзовке состоялся делегатский съезд донецкого горнотехнического профессионального союза, объединявшего технические силы горнопромышленного Юга. Говоря о причинах падения производительности в Донбассе, съезд констатировал уменьшение среднего числа выходов на работу, падение трудовой дисциплины, «вмешательство рабочих организаций во внутренний технический распорядок», «чрезмерное количество выборных должностей от рабочих», но вместе с тем съезд вынужден был признать наличие целого ряда условий, за которые пролетариат ни в какой мере не мог отвечать: 1) физическое утомление, вызванное ухудшением питания; 2) психическое утомление рабочих, не имевших отпуска в годы войны; 3) замена рабочих-специалистов временным элементом; 4) кризис снабжения рудников продовольствием, орудиями производства и пр.; 5) недостаточное развитие подготовительных работ за время войны, вследствие чего добыча угля и антрацита производится подчас с чрезвычайно удаленных забоев, что неизбежно понижает производительность труда. К аналогичным результатам привело обследование Донбасса, произведенное комиссиями, созданными вторым всероссийским съездом по топливу в Харькове, и главноуполномоченным по донецкому топливу. Комиссии эти также вынуждены были в первую оче-

[1] «Известия Особого совещания по топливу» 1917 г., № 6.

редь подчеркнуть: недостаток металла, рудничных рельс, канатов, леса и пр.; продовольственный кризис, изношенность механизмов и пр.; недостаточное развитие подготовительных работ; транспортную разруху. [1]

Очень интересные материалы дало анкетное обследование, произведенное в угольных районах по поручению Всероссийского центрального совета профсоюзов. Анкета охватила 58 копей с 28 646 горнорабочих и 1 594 служащих. За март — сентябрь из 58 предприятий работали непрерывно лишь 21 с 8 642 рабочих. Представление о причинах перебоев в работе дает следующая сводка:

1) 13 предприятий сокращали работу по нехватке технического оборудования, машин, труб, вагонеток и т. д.;

2) 3 — вследствие нехватки лошадей в подземных работах;

3) 6 — из-за затоплений;

4) 2 — в результате неправильного ведения дела и недостатка подготовительных работ. [2]

Проф. Кирш, стараясь найти правильное объяснение слабой добычи минерального топлива, также не ограничивался указанием на малую интенсивность труда рабочих и недостаточное количество выходов. В числе причин топливного кризиса проф. Кирш отмечал усталость рабочих и технического персонала, крайнюю изношенность механического оборудования при недостатке ремонтных средств и разных материалов, ухудшение технических условий работы, недостаток продовольствия, отсталость подготовительных подземных работ, затрудненность гужевого подвоза к станциям, неурегулированность вопроса о заработной плате. [3]

Тот же проф. Кирш говорил на первой всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов, что еще до войны рабочий и технический вопросы стояли в Донбассе очень остро: «С первых дней войны правительство должно было обратить самое серьезное внимание на техническое оборудование рудников и на материальное положение рабочих. Но ничего в этом отношении предпринято не

---

[1] «Горнозаводское дело» 1917 г., № 34-35.

[2] Л. Либерман. В угольном царстве. М. 1924. Стр. 145—147.

[3] «Известия Особого совещания по топливу», № 6, ст. Кирша.

было, и теперь нам приходится выносить все бедствия, являющиеся следствием этой непростительной беспечности».

Подобное же положение наблюдалось и в нефтяной промышленности.

Сокращение добычи нефти в 1917 г. в значительной мере определялось упадком бурения: в 1913 г. было пробурено 55 195 саж., в 1914 г. — 51 987 саж., в 1915 г. — 47 827 саж., в 1916 г. — 43 485 саж. Вопрос о том, какое значение имело для добычи нефти сокращение буровых работ, разъяснил еще в ноябре 1916 г. в заседании Центрального военно-промышленного комитета П. О. Гукасов: «Говоря о том, что добыча не падает, совершенно забывают то обстоятельство, которое следует подчеркнуть, именно — что добыча нефти состоит из двух величин: из эксплуатационных расходов и из подготовительных работ, которые необходимы для того, чтобы добыча нефти держалась на известном уровне. Здесь я подразумеваю работы по бурению . . .».

Такую же мысль высказал председатель совета съездов бакинских нефтепромышленников А. О. Гукасов, отмечавший, что «болезнь, подтачивающая нефтяную промышленность, находится в скрытом виде и даст себя знать лишь через некоторое время». Гукасовым были перечислены следующие причины падения добычи нефти: нехватка металла на 40—50%; сокращение буровых работ; тяжелый продовольственный кризис; железнодорожная разруха; несоответствие оплаты труда рабочих и служащих с ростом дороговизны. Обрисовав создавшиеся условия, А. О. Гукасов пришел к следующему заключению: «Развить темп работ при таких условиях или сохранить тот, который сейчас существует, не представляется возможности».[1] Как и в ряде других отраслей, разруха в нефтяной промышленности являлась прямым следствием той деградации производства, которая началась в дореволюционный период. В 1917 г. промышленники взвалили почти всю ответственность за упадок производства на рабочий класс. От непосредственных деятелей — совета съездов и т. п. органи-

[1] «Нефтяное дело», 1917 г., № 1.

заций — не отставал и проф. М. И. Туган-Барановский, который договорился до утверждения, что революция застала русскую промышленность в периоде не упадка, а несомненного оживления. «И если это оживление сменилось упадком, то причину этого нельзя не усмотреть в обострении классовой борьбы труда с капиталом».

Речь Гукасова отчетливо вскрывает абсолютную вздорность всяких ученых и неученых измышлений о якобы сорванном революцией «оживлении промышленности». Судя по выступлениям Гукасовых, промышленники еще до революции, когда не было ни фабзавкомов, ни советов, ни прочих «дезорганизаторов производства», ясно предвидели неизбежность снижения «темпа работ».

Расстройство транспорта и топливной промышленности должно было неминуемо повлечь за собой рост разрухи во всех отраслях промышленности. Но рост разрухи определялся, помимо расстройства транспорта и недостатка топлива, и рядом других условий, которые были нами констатированы при анализе состояния топливного дела (изношенность орудий производства, физическое переутомление рабочих, продовольственные затруднения, недостаток материалов и пр.).

Основным источником дезорганизации и разложения хозяйственной жизни являлась, само собою разумеется, война. Как и до революции, львиная доля средств предназначалась для нужд войны: минеральное топливо отправлялось, в первую очередь, в адрес военных заводов, транспорт перевозил по преимуществу военные грузы и т. д.

По вопросу о демобилизации говорилось мало, а делалось еще меньше. Характерно, что в самом конце августа руководитель военно-снабженческого дела генерал Маниковский, настаивая в Особом совещании по обороне на отпуске кредитов для расширения одного завода, говорил о невозможности ориентироваться на скорое окончание войны.[1]

Не подлежит сомнению, что темп падения производительности труда должен был, в усло-

[1] Ленингр. Центр. ист. арх. Особое совещ. по обор., 1917 г., д. 13, журн. засед.

виях войны, все время нарастать, независимо от потрясений революционной эпохи. Ведь чем дальше, тем сильнее изнашивались орудия производства, тем острее чувствовалась усталость и т. п. Те самые факторы распада, которые наблюдались в 1916 г., действовали в 1917 г., как правило, с увеличенной силой. Однако, чтобы осмыслить всю картину хозяйственной разрухи в послефевральский период, нельзя ограничиваться анализом тех только факторов распада, которые имели своим источником войну. Ряд условий, усиливавших разруху, ускорявших темп распада, увеличивавших силу деформационных процессов, был связан с специфическими особенностями момента.

Выше было установлено, что определенное снижение производительности труда было совершенно естественно на фоне растущей разрухи, при обострении продовольственного кризиса, крайнем утомлении масс, упадке техники и т. п. Но были причины и другого порядка: упала трудовая дисциплина, рабочие нередко ослабляли интенсивность своего труда даже в пределах «технической возможности». Это было неизбежно в условиях переходного времени, в обстановке стихийной ломки социальных отношений и ожесточенной классовой борьбы, бушевавшей и в стенах предприятий.

Если взять общие суммарные данные, то получится следующая картина:

	Валовая продукция на 1 рабочего (в проц. отношении к 1913 г.)	Заработная плата (реальная) на 1 рабочего (в проц. отнош. к 1913 г.)
1916	127,4	107,1
1917	85,3	83,3

Таким образом падение валовой продукции на 1 рабочего в 1917 г., по сравнению с 1916 г., было чрезвычайно велико (127,4% и 85,3%). Но в другом свете предстанут перед нами эти цифры, если мы заметим, что падение заработной платы в 1917 г., по сравнению с 1913 г., было

более резким, чем падение производительности труда за тот же период. [1]

Отрицательное значение для производства имела частичная дезорганизация административно-технического аппарата, вызывавшаяся, в частности, насильственным удалением администраторов, возбуждавших своей деятельностью особенную ненависть рабочих. Такая «чистка» была в конечном счете чрезвычайно благотворна для дела, но временно она усугубляла в ряде случаев расстройство производства. Особенно многочисленны были случаи насильственного удаления административных лиц на транспорте. По справке руководителя ведомства Тахтамышева, только за 4 месяца революции было устранено на железных дорогах до 900 администраторов. [2]

Что без этой «операции» никак нельзя было обойтись, — должен был официально признать даже представитель правительства. В заседании Особого совещания 25 мая министр путей сообщения Н. В. Некрасов, между прочим, отметил, что «в наследство от старого режима нам досталась не только техническая разруха железнодорожного хозяйства, но и его условия и система управления, при которой начальники оказывались в положении губернаторов; из центра их привлекали к политическому сыску, что заставляло покидать службу наиболее талантливых людей и создавало атмосферу негодования служащих к начальству. Естественны поэтому случаи самовольных устранений начальства. . .». [3]

Стимулы к поднятию интенсивности труда падали, поскольку рабочие сталкивались с упорным нежеланием предпринимателей итти на уступки в отношении заработной платы, с тактикой локаутов и саботажа производства и т. п. Об этой стороне дела — несколько ниже.

После революции резко ухудшилось финансовое положение предприятий. Повышение себестоимости во многих случаях компенсировалось щедрыми выдачами казны, как мы это увидим на примере каменноугольной промыш-

---

[1] Фабр.-зав. пром. в период 1913—1918 гг. Изд. ЦСУ.
[2] «Голос железнодорожника» 1917 г., № 23.
[3] «Вестник путей сообщения» 1917 г., № 22.

ленности. Но крайне тяжело отражались на финансовом состоянии предприятий обесценение денег, частый простой в силу недостатка топлива, сырья и пр. Иногда финансовое положение предприятия ухудшалось в результате увеличения суммы заработной платы (в большинстве случаев отстававшей, как мы уже указывали, от роста дороговизны). Сильно ослабляли финансовую мощность предприятий банки, явно державшие курс на дезорганизацию производства. В Особом совещании по обороне сообщалось, что банки фактически накладывают свою руку на все авансы, выдаваемые казною в счет повышения контрактовых цен. [1]

По сведениям специальной прессы, крупные коммерческие банки ставили предприятиям «большие затруднения в смысле получения новых кредитов». [2]

От имени группы банков прямо заявлялось, что при создавшихся в стране социально-экономических условиях банки не считают возможным вкладывать свои капиталы в промышленные предприятия. Банки сокращали операции по учету векселей, закрывали бланковые кредиты и пр.[3]

Иностранный капитал предпочитал, «вследствие анархии в области промышленности», воздерживаться от интенсивного финансирования русской индустрии. [4] Дело дошло до того, что «союзники», изверившись в возможности использовать военную мощь России в «дореволюционном масштабе», стали свертывать дело снабжения России до самых минимальных размеров. Русский посол в Америке Бахметев в одном из своих октябрьских донесений жаловался, касаясь поведения «союзников», на «скудость русского снабжения» и указывал, что на межсоюзнической конференции «самым энергичным образом должны быть выставлены стратегические заслуги русской армии даже в настоящем виде, что, повидимому, недостаточно ясно в настоящее время понимается». [5]

---

[1] Ленингр. центр. ист. архив, Особое совещание по обороне, 1917 г., д. № 13.

[2] «Вестник банков и промышленности», № 19-20.

[3] «Новая жизнь», № 127.

[4] См., напр., ст. в журн. «Нефтяное дело» 1917 г., № 19-20.

[5] Архив революции и внешней политики, министерство иностранных дел, 1917 г., секретн. арх., д. № 512.

После Февральской революции стали налаживаться экономические связи с Америкой, наметившиеся еще до февральских событий. В Россию приезжала миссия сенатора Рута, обладавшая широкими полномочиями по развитию и укреплению русско-американских экономических отношений. Вопросами русского транспорта специально занималась комиссия инженера Стивенса. В Америке был размещен ряд крупных заказов на паровозы, вагоны, некоторые предметы потребления и пр. Но неустойчивость социальных отношений после революции не располагала и Америку к особенно широким операциям в России. В этом отношении очень характерна следующая телеграмма того же Бахметева от 20 июля: «За последнюю неделю я замечаю здесь снова известную сдержанность со стороны американского правительства, которое, повидимому, занимает выжидательную позицию. Поворот событий в России и серьезное положение на нашем фронте вызывают здесь некоторое беспокойство. Последнее проявляется в беседах с представителями министерства иностранных дел, со стороны же министра финансов и деловых людей я определенно чувствую как бы временное сопротивление». [1] Бахметев рекомендовал проникнуться убеждением о затруднительности получения широких кредитов из Америки и соответственным образом составлять программы американских заказов.

Временное правительство всем своим поведением старалось заслужить доверие «союзников», но бессилие правительства, неспособность его установить твердый порядок, обеспечивающий капиталистический строй от потрясений, создавали среди «союзников» настроения, враждебные политике широкого финансирования России. [2]

К концу «керенщины» промышленность стала испытывать недостаток в заказах, так как Временное правитель-

---

[1] Там же.

[2] Отпуская России ту или иную сумму, «союзные государства» старались при этом оказывать определенное давление на ход событий в России. Так, Бахметев, сообщая в августе о новых кредитах. отмечал высказанное американцами «пожелание», «чтобы настоящие благоприятные нам решения были доведены до сведения Временного правительства к моменту московского съезда (совещания. *З. Л.*)».

ство уменьшило, в виду острого финансового кризиса, нагрузку предприятий, работавших на оборону.[1]

Еще раз: понижение интенсивности труда, несомненно, наблюдалось, но в ряду условий, приведших к необычайно тяжелому кризису, оно занимало отнюдь не первое место и определялось как общими хозяйственными условиями, так и дезорганизующими действиями буржуазии, создавшими обстановку, мало способствующую интенсификации труда.

Промышленники склонны были рассматривать всякое повышение заработной платы, всякое изменение фабричной конституции как удар по производству. Предприниматели восставали против всяких попыток сокращения их военных прибылей, бешено сопротивлялись всякому мероприятию, способному хоть несколько улучшить экономическое положение рабочего класса. В защите своих дивидендов и своего самовластия буржуазия не знала компромиссов, решительно и упорно возражала против всяких уступок. Глаза предпринимателей были обращены с вожделением к тому периоду, когда они могли беспрепятственно умножать свои доходы, пользуясь всеми выгодами военной конъюнктуры. «При старом режиме, при общем бесправии, к голосу капиталистов-предпринимателей государство все-таки прислушивалось очень внимательно, и можно доказывать, что выгоды военной высокой конъюнктуры выпадали преимущественно (но отнюдь не исключительно) на долю первых».[2] Но, выступая против притязаний рабочего класса, идеологи буржуазии всячески затушевывали истинное положение вещей и, в противоречии с некоторыми замечаниями, подобными приведенному, отводили неприятные разговоры о чудовищ-

---

[1] На недостаток заказов жаловался в своей речи, произнесенной на совещании представителей военно-промышленных комитетов, проф. Вормс, информировавший свою аудиторию об отрицательном отношении «руководящих органов» правительства к дальнейшему накоплению военных запасов. Недостаток заказов был также отмечен 3 сентября на общегородском московском собрании металлистов видным хозяйственным работником инж. Вейцманом, сообщившим, что в военном производстве работы налажены, но что «там уже недостает заказов» («Известия Центр. военно-промышл. комитета», № 270; «Изв. Моск. сов. раб. деп.», № 156).

[2] «Промышленность и торговля», 1917, № 20-21.

ных сверхприбылях утверждением, что от войны «никто не нажился». По мнению автора этих замечательных слов, А. А. Бубликова, надо было вменить в «обязанность государственной власти и государственной мысли втолковать стране, что . . . нищета . . . будет тем страшнее, чем дольше страна будет упорствовать в своем желании улучшения своего благосостояния во время войны». [1] Орган горнозаводчиков Юга («Горнозаводское дело») доказывал, что рост заработной платы крайне губителен для народного хозяйства, так как требования рабочих о повышении заработной платы могут получить удовлетворение лишь за счет предпринимательской прибыли, сокращение которой неизбежно ухудшит экономическое положение страны, поскольку «Россия, как молодая капиталистическая страна, может привлекать к себе капиталы лишь при условиях их более высокой оплаты, чем в Западной Европе». Орган горнозаводчиков выболтал секрет: борьба против повышения заработной платы велась не столько во имя сохранения промышленности, ресурсы которой были, мол, недостаточны для удовлетворения требований рабочих, сколько в интересах высокой прибыли, «более высокой оплаты».

В тех случаях, когда промышленники не осмеливались ответить на требования рабочих прямым отказом, они прибегали к «тактике оттяжек». На Демократическом совещании представитель союза мастеров и техников жаловался, что в рабочих убивают всякую охоту к труду, злоупотребляя их терпением, не давая хода их требованиям. Шесть месяцев приходится ждать рабочим, — говорил оратор, — пока рассматриваются требования, и все это время рабочие не знают, на каких условиях они работают. В Донбассе вопрос о прибавках оставался по вине предпринимателей открытым в течение многих месяцев и получил разрешение в комиссии А. С. Орлова только 23 ноября, после Октябрьской революции. Тактику предпринимателей недурно характеризует история с зарплатой на заводе о-ва «Сименс-Шуккерт». Рабочие завода сейчас же после революции потребовали прибавки. Предъявленные требования не были отвергнуты, но заводоуправле-

[1] Стенограммы засед. Экон. совета, № 5.

ние не торопилось с удовлетворением их, успокаивая рабочих, что, в случае принятия требуемых ставок, прибавки будут установлены задним числом, с 8 марта. Обещание не было исполнено, и 27 сентября завком жаловался в своей докладной записке на задержку заводоуправлением причитающейся рабочим добавочной платы. [1]

В борьбе с рабочим движением, отстаивая неприкосновенность своих прибылей, буржуазия не пренебрегала и такими сильно действующими средствами, как локауты и саботаж. [2]

В заседании Временного правительства Н. Н. Кутлер, возглавлявший специальную делегацию промышленников, весьма недвусмысленно заметил, жалуясь на «чрезмерные» притязания рабочих, что промышленники принуждены

[1] Ленингр. отд. Центрархива, Особое совещание по обороне, 3 делопроизводство, д. № 198.

[2] Промышленники тем легче добивались осуществления своих требований, чем организованнее и сплоченнее выступали они в борьбе со всеми, кто покушался на их самовластие в производстве. В деле организации своих сил буржуазия, несомненно, достигла после революции значительных результатов. Уже в июле возник «Комитет защиты промышленности», учредителями которого явились такие сильные организации, как совет съездов представителей промышленности и торговли, совет съездов акционерных банков, Петроградское о-во заводов и фабрик и пр. В середине августа состоялась в Петрограде всероссийская конференция обществ заводчиков и фабрикантов, на которой произошло объединение обществ во всероссийскую организацию. Раньше других образовалась крупная и крайне агрессивная предпринимательская организация «Совет частных железных дорог». Энергично принялись за расширение и укрепление своих организаций и промышленники на местах. Так, сейчас же после февральского переворота, Петроградское о-во заводов и фабрик приступило к организации районных отделов общества. Дабы обеспечить соблюдение дисциплины, члены о-ва обязывались вносить совету о-ва векселя по расчету 25 рублей с каждого рабочего. Столичные заводчики и фабриканты обзавелись своим боевым штабом, цементировавшим векселями ряды организации, всячески укреплявшим ее во имя сохранения дореволюционных позиций. Широкую работу по расширению и укреплению своих организаций развили промышленники Центрального района. Здесь образовался, между прочим, «Союз объединенной промышленности», имевший задачей согласование деятельности промышленных организаций «по установлению нормальных взаимоотношений между предпринимателями, служащими и рабочими». Собирание предпринимательских сил происходило и на Юге, и на Урале, и в Закавказье.

будут сами прекратить производство, и тогда рабочие, лишенные заработков, образумятся и поймут свои ошибки. Конечно, буржуазия не решалась называть вещи своими именами и прямо, в ясной форме, говорить о локауте, — это было бы, по условиям времени, рискованно. Предприниматели пытались доказать, что нет никакой объективной возможности продолжать производство, что они чуть ли не против своей воли ликвидируют свои дела. С целью срыва производства предпринимателями скрывались необходимые материалы, распространялись ложные сведения о запасах, закрывались самые необходимые для функционирования предприятия мастерские (инструментальные, ремонтные и пр.).

Становясь на путь локаута, буржуазия, прежде всего, рассчитывала на то, что локаут, являясь одним из кратчайших путей к хозяйственному краху, доведет массы до крайнего разорения и, на ряду с расстройством рядов рабочего класса, создаст недовольство революцией, принесшей с собой голод и нищету. Это была прямая ставка на контрреволюцию, стремление взять пролетариат «измором».

Кризис, который охватывал одну отрасль промышленности за другой, конечно, способствовал росту «локаутных» настроений. Сдерживающе действовала на локаутчиков политика цен, осуществлявшаяся Временным правительством. Как свидетельствует В. Ауэрбах, совет съездов представителей промышленности и торговли намеревался объявить всеобщий локаут, но вынужден был отказаться от этого плана, так как «это имело бы вид удара в тыл армии». «В конце концов, пришли к выводу, что «предметный урок» будет дан самой жизнью без организованного и связанного для промышленников с огромной ответственностью «выступления»: путем неизбежного постепенного закрытия фабрик, т. е. поодиночке, что вскоре действительно и стало наблюдаться». [1]

Политическая обстановка 1917 г. мало способствовала проведению явного и всеобщего локаута, так и оставшегося одним из элементов «программы-максимум»

---

[1] «Архив русской революции», т. XIV, ст. В. А. Ауэрбах, Революционное общество по личным воспоминаниям.

российской буржуазии. Но массовый характер локаутов в 1917 г., особенно после июльских дней, бесспорен.

Можно привести множество фактов, доказывающих, что локауты рисовались не в туманной дали, а стали лозунгом момента. Мы уж не говорим о многочисленных угрозах прекратить производство, содержащихся в резолюциях различных конференций промышленников. Буржуазия не довольствовалась угрозами и патетическими резолюциями и весьма энергично переходила к практическим действиям. Вот три-четыре примера.

Большим конфузом кончилась для предпринимателей история с заводом Гужона в Москве.

Экономический отдел Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов постановил довести до сведения Временного правительства, что заводоуправление Гужона сознательно ведет к остановке предприятия, ссылаясь на отсутствие средств при полной кредитоспособности. Экономический отдел признал, что государственная власть обязана взять завод в свое ведение.

Московское заводское совещание с самого начала решительно воспротивилось закрытию завода. Правление завода отказалось подчиниться постановлению третейской комиссии, образованной заводским совещанием, и 20 июня подало председателю Особого совещания по обороне докладную записку, в которой в недвусмысленной форме поставило вопрос о закрытии завода. Администрация указывала, как на одно из основных «преступлений» рабочих завода, на выдвинутое ими требование установления минимума заработной платы, обеспечивающего рабочим средства существования, «независимо от результатов их труда». Администрация завода старалась уверить Особое совещание, что осуществление этой меры «будет с точки зрения всякой здоровой теории актом антигосударственным и антидемократичным, ибо создает привилегированный класс людей, которому обеспечиваются средства существования за счет других классов населения». Начав с юмористического осуждения «привилегированного класса», правление пыталось далее доказать, что повышение заработной платы ни в коем случае не может повлечь за собой подъем производительности труда. «Дело в том, что совершенно прочно установлено, что при известном куль-

турном уровне возможность увеличения заработка дальше известного предела отнюдь не служит побуждением к увеличению производительности труда». Правление предложило в ироническом тоне правительству «принять в свое управление завод и показать, как можно выпутаться из созданной его органами путаницы». При этом правление не забыло предупредить, что «увеличения производительности рабочих ожидать никоим образом нельзя».

В Особом совещании было констатировано, что завод обеспечен металлом и топливом почти на 2 месяца. В заседании Особого совещания представитель заводоуправления Арандаренко (он же — видный деятель общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района), в унисон с докладной запиской, уверял, что нельзя ожидать улучшения дела на заводе и в будущем. Прения обнаружили, что план Гужона разделяется ответственными представителями буржуазии. На закрытии завода настаивали члены Государственного совета Иванов, Карпов, известный В. П. Литвинов-Фалинский. Член Государственного совета Карпов резко протестовал против «домогательств об увеличении заработной платы» и требовал закрытия завода, «чтобы избежать в будущем возможности повторения подобных печальных явлений, какие имели место на Московском металлургическом заводе». Карпов поставил с похвальной откровенностью точку над і. Дело не в истощении средств, а в необходимости устрашения рабочих, — вот в переводе на простой язык смысл его выступления.

14(1) июля Московским заводским совещанием было назначено правительственное правление завода; уже 23(10) июля правительственное правление докладывало: «На основании успокоения и доверия к правлению, которое установилось в среде рабочих, производительность в настоящий момент уже увеличилась».

В своем октябрьском отчете правительственное правление было в состоянии доказать, сколько правды было в речах старого правления о невозможности поднять производительность труда. [1]

[1] Нижеследующая табличка рисует рост производительности труда за период июль—сентябрь, по сравн. с июнем, когда на заводе хозяйничало старое правление.

Гужон действовал в тесном контакте с московскими промышленниками. Как известно, Гужон был одной из центральных фигур среди московских предпринимателей. В 1917 г. он состоял почетным председателем отдела металлообрабатывающей промышленности Московского общ. зав. и фабрикантов.

На путь локаутов становились также заводы Динамо, Бромлей, Бари, Мальцевские заводы и др. Московское заводское совещание констатировало, что на заводах Бари и Бромлей умышленно сокращаются работы и обнаруживается явное стремление совершенно прекратить производство, несмотря на то, что заводским совещанием была предложена помощь для нормального ведения дела.

Летний перерыв в работе текстильных фабрик, утвержденный временным бюро снабжения Московского района, промышленники попытались использовать для организации скрытых локаутов.

Сильное возмущение в рабочих массах было вызвано скандальным поведением фабриканта Смирнова, очень видного деятеля московских промышленных «сфер», состоявшего председателем московского военно-промышленного комитета, занимавшего одно время во Временном правительстве пост государственного контролера.

Смирнов закрыл в августе свою фабрику в Ликине, мотивируя этот факт отсутствием топлива и необходимостью

Гвоздильн. отд.	Тянульн. отд.	Прокатн. отд.	Болтовое отд.
Сделано гвоздей	Протянуто	Прокатано	Выпущ. гот. тов.
VI—15 694 п. 36 ф.	39 476 п.	162 122 п.	13 200 п.
VII—20 916 »	33 113 »	191 376 »	14 020 »
VIII—22 005 »	43 038 »	212 707 »	19 088 »
IX—22 237 »	41 000 »	221 000 »	23 421 п. 15 ф.

Некоторое уменьшение в июле продукции по тянульному отделению объяснялось тем, что отделение стояло около недели из-за недостатка купороса. (Ленинградский центр. ист. арх., Особ. сов. по обор., 1917 г., 3 делопроизводство, д. № 299, и журн. Ос. сов. от 24/VI).

сложного ремонта машин. Специальной комиссией Московского заводского совещания было выяснено, что фабрика нуждается только в текущем ремонте, который не может служить причиной остановки предприятия. Что касается топлива, то дело обстояло тоже не так катастрофически, как это изображалось администрацией фабрики. Особо должно быть отмечено, что администрация ничего не предпринимала для заготовки торфяного топлива и отвергла предложение рабочих заготовить топливо их силами.

Смирнов согласовал свои действия с предпринимательским объединением. Совет рабочих депутатов Ликинской мануфактуры обратился к правлению мануфактуры с рядом вопросов, на которые последовал ответ, выявивший солидарность предпринимателей в их походе против рабочих.

«Сегодня . . . получен от заводского комитета в письменной форме ряд вопросов, обращенных к правлению. Так как ответ на эти вопросы не зависит только от правления, а зависит от общего решения всех местных фабрикантов, правление не может ответить на указанные вопросы немедленно. [1]

Администрация Южно-русского металлургического общества в первых числах октября довела до сведения товарища министра внутренних дел Салтыкова, что в августе рабочие организации отстранили трех ответственных работников Кадиевского завода. Правление общества, «убедившись в упорном нежелании допустить удаленных служащих к работе», не нашло, конечно, иного выхода, чем закрытие завода. Промышленники, подготовляя локаут, встретили активную поддержку со стороны руководителей министерства торговли и промышленности. Товарищ министра Н. Н. Саввин отправил 9 октября руководителю Особого совещания по обороне Пальчинскому письмо следующего содержания:

«Правление Южно-днепровского общества имеет в виду закрыть Кадиевский завод, вследствие непрекращающихся недоразумений с рабочими. Пред-

[1] «Текстильный рабочий», 1917 г., № 1 (5 сент.), ст. Я. Рудутака.

видя необходимость, по недостатку топлива, сокращения производства на южных металлургических заводах и находя, что временное прекращение действия Кадиевского завода не может иметь особо важных последствий, министерство торговли и промышленности не встречает препятствий к закрытию названного завода».

Не прошло и недели, как Пальчинский заявил о своем полном согласии с предложением Саввина. Хорошо понимая, что закрывать завод «в порядке локаута» слишком рискованно, Пальчинский в заключение своего ответного письма предлагал Саввину провести закрытие завода «в обычных рамках, установленных для закрывающихся заводов» (разрядка в обоих случаях моя. *З. Л.*). [1]

Правление Русского паровозостроительного и механического общества сообщило письмом от 10 августа председателю Особого совещания по обороне, что, в ответ на предъявленное рабочими Харьковского паровозостроительного завода требование прибавки к зарплате, правление постановило закрыть 12 августа завод и предложить рабочим условия, на которых возможно было бы продолжать производство. 16 августа завод был действительно закрыт.

Среди обязательных условий возобновления производства фигурировали и сохранение доавгустовских расценок, и сокращение рабочих с последующим набором новых, и лишение зарплаты рабочих в случае простоя завода или отдела за отсутствием топлива или сырья, и пр. Конечно, прокламировалась недопустимость вмешательства рабочих организаций в прием и увольнение рабочих и служащих. Администрация гарантировала себе возможность увеличивать по своему усмотрению продолжительность рабочего дня, подчеркивая, в числе прочих «условий», недопустимость «ни в какой форме препятствовать в производстве необходимых сверхурочных работ». Отношение администрации к рабочим организациям с особенной колоритностью сказалось в следующем условии: «Служебный персонал не должен быть обременяем непрерывными

---

[1] Ленинградский центр. ист. архив. Особое совещание по обороне, 2 делопроизводство, 1917 г., д. № 60.

разговорами с комитетом . . . Порядок и время сношений устанавливается з а в о д о у п р а в л е н и е м». Последний пункт звучал явно издевательски. На такое третирование фабрично-заводских организаций решались не всюду, но общая принципиальная позиция харьковских промышленников ничего нового к общей картине не добавляла. Даже органы правительственной власти вынуждены были вмешаться, и начальник Южного района Московского военного округа отдал письменный приказ директору завода немедленно открыть завод. Это распоряжение не замедлило вызвать решительный протест совета съездов представителей металлообрабатывающей промышленности: «Денежные отношения между рабочими и предприятиями принадлежат к такого рода частно-гражданским вопросам, которые могут разрешаться лишь путем добровольного соглашения заинтересованных сторон, ибо, пока право частной собственности не отменено, распоряжаться средствами предприятий могут только их собственники, а не третьи лица, будь то даже правительственные власти».

Через некоторое время состоялось между рабочими и администрацией завода, при посредстве согласительной комиссии при министерстве труда, соглашение, но «вкус» к локаутам сохранился, и правление вновь заговорило о закрытии завода с 1 октября. [1]

Очень выразительно звучало постановление правления товарищества петроградского вагоностроительного завода (от 17/VI) о предупреждении министерства труда, торговли и промышленности, финансов и военного, что завод будет закрыт, «если заработная плата и жалованье не будут установлены в размере февральских, а производительность труда при 8-час. рабочем дне не будет доведена до существовавшей в январе текущего года». Программа промышленников не отличалась излишней скромностью. Смысл ее был «до отказа» прост и ясен: да будет все как было до революции, в противном случае — за ворота! [2]

---

[1] Ленинградский центр. ист. арх. Особое совещание по обороне, 1917 г., 2 делопроизводство, д. № 54.

[2] Ленинградское Губархивбюро, д. Петроградского вагоностроит. завода, общий отдел, д. № 4.

Особенно организованный и планомерный характер приобрели попытки локаута и саботажа после июльских событий, с укреплением контрреволюции. Так, в Донбассе к августу было закрыто 77 предприятий, на Урале локаут охватил почти половину предприятий и десятки тысяч рабочих и т. д. «Торгово-промышленная газета» писала в начале сентября: «Со стороны владельцев предприятий замечается значительное ослабление интереса к своему делу, к обеспечению предприятий материалами, топливом и всем необходимым. Все это создает почву для дальнейшего закрытия предприятий». [1]

Локаут вынужден был, правда, в несколько скрытой форме, констатировать в своей известной «записке» и В. А. Степанов, начавший свою «записку» с указания, что, «утрачивая веру в устойчивость экономической конъюнктуры, они (промышленники) обнаруживают склонность приостановить производство».

В заседании Особого совещания по обороне от 23 сентября В. Е. Варзар красноречиво обосновывал «правомерность» локаутов: «Рабочие не признают уже легальных способов борьбы, а лишь насилие и террор, считая эти способы наиболее успешными для достижения их требований. Никакой власти на заводах не существует, и поэтому единственным оружием борьбы с рабочим у заводчиков является закрытие предприятий». Варзар, возражая против законопроекта, допускающего закрытие предприятий лишь с ведома и согласия правительства, заявил, что этот законопроект лишает предпринимателей «каких бы то ни было прав, и при таких условиях едва ли возможно ожидать благоприятного разрешения создающихся на заводах конфликтов: рабочие могут что угодно делать на заводах, зная, что последние все-таки не будут закрыты». [2]

В борьбе с рабочими промышленники нередко также прибегали к испытанному средству — вооруженной силе. Вот характерный случай. В Быково-хрустальном районе рабочие решительно воспротивились расквартированию

---

[1] «Торг.-пром. газета», 1917 г, № 191.

[2] Ленинградский центр. ист. арх., Особое совещание по обороне, 1917 г., д. № 14.

в районе казачьих войск, предупредив промышленников о неизбежности всеобщей забастовки в случае, если казаки не будут выведены из района. Сообщая о настроениях рабочих председателю Особого совещания по обороне, бюро уполномоченных съезда горнопромышленников юга России не нашло лучшего выхода из положения, чем ходатайство о привлечении к ответственности руководителей «погромного» движения и у с и л е н и и прибывших в район казачьих частей.[1] Не трудно сообразить, каксе дезорганизующее действие на производство имели все эти действия буржуазии.

Накануне Октября нелепо было говорить о к р и з и с е хозяйства — на страну уже н а д в и н у л а с ь э к о н о м и ч е с к а я к а т а с т р о ф а. Буржуазия пыталась объявить источником хозяйственного распада пролетариат, не знавший якобы удержу в своих домогательствах, но при первом соприкосновении с фактическим материалом эта версия рассыпается в прах. Основная причина хозяйственного краха лежала гораздо глубже, чем это казалось тем, кто склонен был слепо верить Туган-Барановским, Кутлерам и пр. апологетам капиталистического порядка. Российский капитализм, развивавшийся на базе отсталого, задавленного крепостническими пережитками сельского хозяйства, оказался наиболее уязвимым участком в общей системе мирового капиталистического хозяйства. Каждый новый день войны приносил с собой очередные потрясения, усиливал распад, заводил капитализм в новые тупики. Продолжение войны означало дальнейшее истощение, обусловливало неизбежность близкого крушения российского империализма. В этом заключалось «роковое» значение внешней политики российской буржуазии. Своей же экономической политикой Временное правительство не задерживало, а, наоборот, посильно ускоряло процесс распада, но об этом — в следующих главах.

---

[1] Ленинградский ист. арх., Особое совещание по обороне, 5 делопроизводство, 1917 г., д. № 5.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ОБЩИЕ РЕГУЛИРУЮЩИЕ МЕРОПРИЯТИЯ „КЕРЕНЩИНЫ".

Анализ правительственных деклараций. — Совещание по вопросам развития производительных сил. — Экономический совет. — Главный экономический комитет. — Особое совещание по обороне. — Особое совещание по топливу. — Деятельность министерства торговли и промышленности. — Регулирование транспорта. — Буржуазия и проблема государственного капитализма. — Экономические лозунги кадетов, меньшевиков и эсеров.

Временное правительство первого состава почти ничего не предприняло для борьбы с хозяйственной разрухой. Одним из первых актов министра торговли и промышленности А. И. Коновалова была отмена ограничений при учреждении акционерных обществ. Постановлением Временного правительства была допущена организация акционерных компаний явочным порядком. Много стараний и забот было проявлено Коноваловым по вопросу об учреждении торгово-промышленных палат. Наиболее серьезными мероприятиями коноваловского ведомства была организация совещания по развитию производительных сил страны и возбуждение вопроса об угольной монополии.

Коалиционное правительство заявило в своей декларации от 6 мая, что оно «будет неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой страны дальнейшим планомерным проведением государственного и общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов, а в необходимых случаях прибегать и к организации производства». Этой общей, многообещающей, но крайне расплывчатой и неопределенной формулой и исчерпывалась та часть декларации, которая была посвящена экономической политике.[1]

---

[1] П. Н. Милюков в своей последней работе задним числом несколько «уточняет» эту часть декларации. По его словам, в декларации 6 мая «давались довольно широкие обещания, вплоть до

16 мая Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов принял по вопросу об экономической политике правительства резолюцию о необходимости государственного регулирования народного хозяйства и об организации правительством совещательных и исполнительных органов по регулированию экономической жизни страны. 27 мая, под давлением советов, Временное правительство постановило поручить министрам путей сообщения, финансов, земледелия, торговли и промышленности, труда и продовольствия разработать проект организации высшего государственного органа по вопросам упорядочения хозяйственной жизни и установления общего плана народного хозяйства. Незадолго до этого постановления вышел в отставку ставленник промышленников в пр-ве Коновалов, решительно восставший против уступок советам, против политики контроля и регулирования производства. По мнению Коновалова, для борьбы с хозяйственными недугами требовалась лишь полнота правительственной власти и энергичная борьба с «непомерными требованиями крайних социалистов». При политических условиях, создавшихся в мае 1917 г., когда крупная буржуазия не могла уже безраздельно располагать государственной властью, контроль над производством мог в известной мере нарушить интересы буржуазии, и Коновалов «счел за благо», путем отстранения от власти, развязать себе руки для энергичной борьбы с «новыми веяниями».

8 июня временно управляющий министерством торговли и промышленности левый кадет Степанов обратился к Временному правительству с докладной запиской, в которой он излагал основные принципы хозяйственной политики. К записке был приложен проект правительственной декларации.

Анализ этого наиболее радикального из известных нам документов, принадлежащих перу русских буржуазных политиков эпохи «керенщины», легко обнаруживает, что никаких покушений на «устои» в нем не содержится. Сте-

---

организации производства в необходимых случаях», — но главной целью при этом ставилась «борьба с хозяйственной разрухой страны», т. е. косвенно с захватническими тенденциями рабочих». «Россия на переломе», т. I. Париж. Стр. 72.

панов с первых же строк предлагает «рассеять неосновательные надежды, связанные с предложением передачи фабрик и заводов в ведение казны, т. е. совершить некоторое «огосударствление промышленности». Интересы удержания в России иностранных капиталов требуют решительного отказа от покушения на основы капиталистического порядка». Вместе с тем Степанов признает, что нет возврата к «свободной экономике», так как «хозяйственная разруха исключает допустимость господства частных интересов». Степанов рекомендует стать на путь, испытанный Германией. Регулированию подлежат лишь важнейшие отрасли народного хозяйства. «Стремиться охватить регулированием все хозяйство целиком — значит явно итти на утопическую авантюру». Ни в коем случае не может быть допущено колебание принципа частной собственности и отстранение личной инициативы. «При усвоении принципа регулирования главной опорой, двигательной силой экономики остается попрежнему начало частно-хозяйственное, подчиненное контролю и руководительству государственному, но требующее весьма бережного к себе отношения». Что касается монополий, то технически осуществление их «не всегда легко, но где имеется подготовленная в известной мере почва (напр., для сахара, угля, чая), там правительство может решиться на подсказываемый обстоятельствами шаг». Допустимы только торговые монополии, производственные же должны быть исключены. Мало того: Степанов в решительном тоне осуждает «замечавшееся до недавнего прошлого увлечение казенным предпринимательством». Даже в железнодорожном строительстве «желательно возбуждение в известных пределах частной предприимчивости». По примеру Германии надо приступить к принудительному объединению отдельных ветвей индустрии, но совершенно недопустима организация особых органов контроля по отдельным предприятиям. В регулируемых государственной властью отраслях и предприятиях должно быть отменено право стачек и локаутов. Повышение заработной платы «имеет свой предел», определяемый состоянием производительности самого труда и... интересами крестьянства, которое терпит ущерб от роста зарплаты и связанного с ним усиления дороговизны. «Нельзя одному классу оказать преимущество перед другим». Необ-

ходимо озаботиться интенсификацией всех видов труда.[1]

В отличие от резолюции исполкома Петроградского совета от 16 мая, записка Степанова не содержит требования контроля над кредитными учреждениями.

Намеченная «запиской» программа в основном повторяет отдельные принципы, нашедшие уже воплощение в военной Германии. Классовые симпатии автора записки, руководителя торгово-промышленного ведомства, запечатлены в «записке» с максимальной отчетливостью. Конечно, Степанов не допускает возможности каких бы то ни было поблажек рабочему классу. Не особенно церемонится он и с торговым капиталом, который упрекается в консерватизме и любви к «старине», в тяготении к «свободной экономике». Торговому капиталу он преподносит такой пряник, как «торговая монополия». Иначе относится Степанов к интересам промышленной буржуазии. По отношению к ней Степанов требует максимальной осторожности, высказываясь против «колебания принципа частной собственности», ратуя за «поощрение частной предприимчивости» и предупреждая о недопустимости «контроля по отдельным предприятиям». Степанов включает в проект декларации пункт об ограничении прибыли, но при этом делает успокоительную для буржуазии оговорку: сокращение прибыли должно быть произведено с таким расчетом, «чтобы не убить у промышленников интереса к делу».

«Принудительное объединение предприятий» — вот по существу основная радикальная мера, которую Степанов позволяет себе предложить в отношении промышленности.

При благоговейном отношении Степанова к частному предпринимательству, при его ратовании за «непоколебимость личной инициативы», при его боязни действительного местного контроля, провозглашенная им программа регулирования промышленности не могла дать значительных реальных результатов. Но, как бы ни была половинчата и недостаточна степановская идея «принудительного объединения отдельных отраслей промышленности», Временное правительство все же не сочло возможным уделить ей место в своих программных заявлениях и ничего не сделало для реализации ее на практике.

---

[1] «Красный архив», т. X.

Лишь 22 июня было опубликовано положение об экономическом совете и главном экономическом комитете. На экономический совет правительством возлагались выработка общего плана организации народного хозяйства и труда и разработка законопроектов и общих мер по урегулированию хозяйственной жизни и контролю над промышленностью. На главный экономический комитет возлагалась реализация программы, вырабатываемой экономическим советом. В задачи комитета входило согласование всех мероприятий по регулированию экономической жизни и руководство регулирующими организациями. Комитет получал также право преобразования существующих организаций, занятых регулированием народного хозяйства. Положение предусматривало организацию при к-те экономического совещания в составе представителей общественных организаций и ведомств.

Декларация правительства от 8 июля не дала новых лозунгов в области промышленной политики и ограничилась лишь сообщением, что для «решительной борьбы с хозяйственной разрухой. . . немедленно приступают к работам учрежденные при Временном правительстве экономический совет и главный экономический комитет».

Широко развернул экономическую правительственную программу М. В. Бернацкий, огласивший 24 июля в экономическом совете декларацию от имени министерства торговли и промышленности. Как и Степанов в цитированной нами «записке», Бернацкий выразил твердую уверенность в жизненности капиталистического строя. Бернацкий призвал своих слушателей к борьбе против той «психологической атмосферы», в которой работают промышленники, за создание так называемого «Unternehmungslust». Главный залог нормального развития народного хозяйства — «частная инициатива». «Министерство торговли и промышленности полагает, что надо во что бы то ни стало пробудить частную энергию. . . Поскольку речь идет о казне, то вообще ее участие, в виду крайней финансовой стесненности, почти немыслимо». . . Но дело не только в финансовых затруднениях. Даже при более нормальном финансовом положении государственное предпринимательство допустимо лишь «в крайних случаях там, где частный капитал, в силу целого ряда затруднений, войти не может,

когда риск слишком велик». Следовательно, назначение государства — избавить капиталистов от слишком большого риска. . . За годы войны значительно выросла учредительная деятельность. Этой деятельности будет обеспечена активная поддержка со стороны ведомства, так как «развитие эмиссий не только законно, но и необходимо». Бернацкий не забыл упомянуть и о протекционизме. «Министерство считает, что русская промышленность дальше нуждается в охране и поддержке. . . наша внешняя торговая политика должна считаться с протекционизмом».

Уверенность в прочности капиталистического строя, поддержка «частной энергии», готовность поддержать промышленность посредством протекционизма — все эти пункты были механически перенесены в программу министерства из деклараций, записок, резолюций различных буржуазных организаций.

Как определял Бернацкий свою программу в области регулирования производства?

Бернацкий не отвергал необходимости регулирующей деятельности государству. Наоборот. Будущее принадлежит «капитализму, урегулированному, оснащенному всеми демократическими моментами». Даже после войны, в условиях крайней бедности капиталами, расстройства транспорта, истощенного состояния международного рынка, придется сохранить некоторые ограничения свободы хозяйственной деятельности. «Целый ряд учреждений, регулирующих эту жизнь, должны будут остаться, подвергнуться известным изменениям». Отзыв Бернацкого о комитетах по регулированию, созданных при старом порядке, показывает, в каких формах рисовалась ему регулирующая деятельность государства. Комитеты имели, по убеждению Бернацкого, «здоровые корни», «в общем себя оправдали».

Программа, преподнесенная экономическому совету, принадлежала к тому роду «новизны», в которой «старина слышится». . . Вот, скажем, царские комитеты по регулированию «себя оправдали». Другое дело — вопрос о «государственном синдицировании». По этому вопросу Бернацкий весьма мудро воздержался от какого-либо определенного заявления. «Весьма в е р о я т н о, что уже во время войны, да и после, потребуется даже н е к о т о р а я принудительная форма объединения. В рамках министерства

торговли и промышленности, как ни звучит однозно этот термин, возникал вопрос о принудительном синдицировании и даже трестировании. Я не могу по этому вопросу дать окончательное суждение, потому что он только намечен». . . Недаром в этом пункте не содержится какого-либо о п р е д е л е н н о г о суждения или обещания. Принудительное синдицирование, не говоря уже о трестировании, было в конечном счете министерством отвергнуто. При крайней неопределенности тезиса о принудительном синдицировании, очень отчетливо и определенно звучало в декларации Бернацкого положение о милитаризации: промышленность «надо милитаризировать, продолжать мобилизировать, потому что иначе Россия окажется в несчастном положении». Программа Бернацкого вполне гармонировала с той оценкой, которую он дал современному состоянию хозяйства. Причины разрухи он свел к «анархии», сокращению рабочего дня, высокой оплате труда и т. п. [1]

Правительственная декларация от 27 сентября в некоторых пунктах напоминала декларацию, прочитанную Чхеидзе на Московском совещании 14 августа. Декларация Чхеидзе содержала в себе прямой отказ от защиты «всей полноты требований» «демократических» классов. Но и ценой такого отказа меньшевистско-эсеровское большинство советов не смогло завоевать расположение буржуазии к советской декларации. Пройдя через правительственный фильтр, советская программа лишилась тех пунктов, которые восстанавливали против нее буржуазию. [2] Декларация Чхеидзе говорила о необходимости установления твердых цен на все продукты индустрии. Правительство же

---

[1] Стенограмма заседаний Экономического совета, № 3.

[2] Милюков в своей «Истории» констатирует, что после «правки» программы 14 августа «оказалось немного существенных пунктов в этой программе, совершенно неприемлемых» («История второй русской революции», т. I, вып. III, стр. 69). В другой своей работе Милюков следующим образом характеризует программу третьей коалиции (сентябрьской): «Состав коалиции, впервые включившей представителей торгово-промышленных кругов, был, считая даже и «м-ров-социалистов», более умеренным, чем состав первых двух коалиций. Его программа исключила все утопические пункты из программы 8/VII—14/VIII. За исключением вопросов о мире и об армии, о н а с в и д е т е л ь с т в о в а л а о п о л н о м о т р е з в л е н и и» (разрядка моя—*З. Л.*) («Россия на переломе», т. I). Недаром в правительство вернулся Коновалов, демонстративно ушедший в мае.

в своей декларации лишь обещало «стремиться к установлению твердых цен на основные предметы промышленности». Декларация Чхеидзе требовала организации контроля над промышленностью «при широком участии демократических организаций». Правительственная декларация особо подчеркивала необходимость участия в контроле «промышленного класса». В правительственной декларации совершенно отсутствовал пункт о государственном синдицировании и трестировании. Последнее умолчание не является случайностью. По сообщению т-ща министра торговли и промышленности Кафенгауза, сделанному на совещании товарищей министра торговли и промышленности, вопрос о принудительном синдицировании был снят с очереди, в виду отрицательной позиции, занятой по этому вопросу промышленниками. [1]

Декларации Временного правительства служили верной гарантией того, что не только требования революционного пролетариата, но и экономическая программа меньшевистско-эсеровских советов не могут рассчитывать на поддержку и внимание Временного правительства. На практике не были осуществлены и те скромные мероприятия по регулированию народного хозяйства, которые были обещаны Временным правительством в его декларациях. В своем ответе на запрос министерства иностранных дел, в связи с ходатайством группы английских промышленников об установлении государственного контроля над их предприятиями, министерство торговли и промышленности весьма ясно зафиксировало отношение Временного правительства к проблеме государственного контроля, заявив, что «в условиях экономической разрухи и политических осложнений переживаемого революционного момента для правительства представляется крайне трудным установить... контроль» (разрядка моя—*З. Л.*)[2]

---

[1] «Торг.-пром. газета» от 25 октября. По сведениям «Изв. Центр. военно-промышл. комитета» (№ 246), Совет съездов представителей промышленности и торговли, обсудив проект министерства торговли и промышленности о принудительном синдицировании и трестировании, высказался против принципа принудительной организации промышленности.

[2] Арх. Рев. и Внешн. политики, арх. МИД. Дело Экономического департамента.

Ответ торгово-промышленного ведомства представляет интерес в том смысле, что, в отличие от некоторых правительственных деклараций, содержавших торжественное признание принципа государственного контроля и организации народного хозяйства, он изобличает подлинную позицию «керенщины». Правительство шло на некоторые уступки советам больше на словах, чем на деле. Деятельность регулирующих организаций блистательно доказала этот факт.

В самом начале революции был организован, в целях согласования работы по снабжению страны, совещательный орган в составе товарищей министров, возглавляемый ген. Маниковским, специалистом по военному снабжению. Этот ведомственный орган был лишен какой бы то ни было самостоятельной роли и сколько-нибудь заметного следа после себя не оставил.

Постановлением Временного правительства от 5 мая было учреждено совещание по вопросам развития производительных сил страны. Перед совещанием были поставлены задачи обсуждения основных начал экономической политики и изыскания «общих мер содействия развитию добывающей и обрабатывающей промышленности, а равно внутренней и внешней торговли». Наибольшее количество мест в совещании было уделено представителям промышленных организаций. 23 июня правительство приняло предложение министра торговли и промышленности об упразднении совещания, в связи с учреждением экономического совета и главного экономического комитета. Учрежденная при совещании подготовительная комиссия была преобразована в специальный орган для обсуждения общих вопросов торгово-промышленной политики и для подготовки и разработки вопросов, вносимых министерством торговли и промышленности в экономический совет и главный экономический комитет. Совещание и комиссия не могли пожаловаться на избыток работы. В августе проф. Л. С. Таль, председатель подготовительной комиссии, констатировал в своей докладной записке полную бездеятельность комиссии.[1]

Возникший взамен совещания по вопросам развития про-

---

[1] Ленинградский центр. ист. архив, министерство торговли и промышленности, 1917 г., д. № 40.

изводительных сил страны экономический совет возбудил вначале в некоторых кругах весьма радужные надежды, но они были — увы! — в самый короткий срок сокрушены жестокой действительностью.

В состав экономического совета входили: 9 представителей от правительства, во главе с министром-председателем, 7 — от промышленности, торговли и банков, 2 — от союзов земств и городов, 2 — от вольноэкономического общества и общества им. Чупрова, 3 — от совета съездов кооперации, по 2 — от районных комитетов, председатели комиссий и только 8 представителей от СР и СД и СКД. Таким образом, советские представители находились в экономическом совете в самом ничтожном меньшинстве. Представительство советов было значительно урезано по сравнению с проектом экономического отдела ЦИК.

Положение об экономическом совете было опубликовано 22 июня, первое же заседание состоялось лишь месяц спустя — 21 июля. Программа деятельности совета была намечена во вступительной речи министра-председателя. Керенский признал, что война, разрушив старый строй экономических отношений и породив ряд новых путей, заставила и «друзей» и «врагов» пойти «по пути весьма строгого, серьезного и определенного регулирования всех сторон финансово-экономической жизни государства. Государство Российское в этом отношении до сих пор еще шло довольно кустарно, и общего плана необходимых финансовых и хозяйственных задач и выполнения их не проводило планомерно в сознание, с подчинением всех частных классовых и групповых интересов, каковы бы они ни были, кем бы они ни диктовались, интересам государства и необходимости спасти самые основы экономической и хозяйственной жизни страны. Поэтому первая задача, которую Временное правительство возлагает на экономический совет, в полной уверенности в блестящем его выполнении, в данном составе — это выработка плана и постепенное регулирование всей хозяйственно-финансовой жизни». . .[1] В заключение Керенский обещал, что Временное правительство будет передавать все свои мероприятия экономического и финансового характера, поскольку это будет возможно (!),

[1] Стенограмма заседания Экономического совета, № 1.

на предварительное заключение экономического совета. Речь Керенского состояла по преимуществу из «общих мест», отнюдь не свидетельствуя о том, что у правительства уже имеется какой-либо определенный план регулирующей деятельности.

Экономический совет был одним из наиболее бесплодных, безжизненных учреждений «керенщины». Слова о «весьма строгом, серьезном и определенном регулировании всех сторон финансово-экономической жизни» никем не были приняты всерьез. С 21 июля до 10 августа состоялось 8 заседаний совета. Затем в связи с Московским совещанием заседания были прерваны и экономический совет прекратил свое существование.

Полная бездеятельность экономического совета заставила членов главного экономического комитета поставить вопрос о расширении деятельности последнего, с оставлением за экономическим советом лишь дел исключительной общественной важности. На одном из заседаний главного экономического комитета в сентябре призрачность существования экономического совета была верно характеризована членом главного экономического комитета Ливеровским, отметившим, что «главный экономический комитет мог бы руководить мероприятиями в области регулирования народного хозяйства в согласии с программой, выработанной экономическим советом, если бы таковая программа была выработана, но так как программы еще нет, комитет должен иметь право и возможность действовать, не ожидая, когда она будет выработана». В согласии с заявлением главный экономический комитет принял постановление, согласно которому «комитету обеспечивается возможность быстрых действий, не стесненных необходимостью ожидания выработки советом программы». [1] В проекте «Положения о главном экономическом комитете», разработанном в главном экономическом комитете в октябре, экономический совет не упоминается ни одним словом. 13 октября было вынесено официальное постановление об упразднении экономического совета и о передаче его функций главному экономическому комитету. Новое постановление пра-

[1] Ленинградский центр. истор. архив, дело гл. эк. к-та, протокол № 19.

вительства получило полное одобрение со стороны деятелей буржуазных организаций. [1]

Чем же была заполнена недолгая жизнь экономического совета? Люди собирались, выслушивали пространные доклады ответственных чиновников, высказывали некоторые свои соображения и расходились, подчас не принимая даже решений по затронутым вопросам. По правильному замечанию Н. Н. Суханова, экономический совет напоминал скорее «академическую говорильню», чем действительный регулирующий центр хозяйственной жизни страны. [2] При экономическом совете были созданы комиссии: по урегулированию промышленности, по рабочему вопросу и финансовым, но ими не было проявлено никаких признаков жизни.

Экономический совет не был, само собой разумеется, учреждением «нейтральным», чуждым «политики», стоящим над классовой борьбой. В отчете ВЦСПС за 1917 г. правильно указывалось, что в экономическом совете часто повторялись попытки «направить все внимание членов его на необходимость мероприятий в области ограничения заработной платы, удлинения рабочего дня в целях поднятия производительности труда». Такие попытки делались в выступлениях и Пальчинского, и Устругова (министерство путей сообщения), и Кутлера, и др.

В противоположность экономическому совету, главный экономический комитет продолжал существовать до самого конца «керенщины», собирался весьма аккуратно (правда, на последних заседаниях к-та не набиралось и 5 человек,— по проекту положения такие заседания должны были считаться недействительными) и на первый взгляд производил впечатление учреждения, старающегося придать своей работе строго деловой, практический характер. Но в действительности, по безрезультатности своей работы, главный экономический комитет очень немногим разнился от экономического совета. Фактическое упразднение экономического совета расширяло поле деятельности главного экономического комитета, но последний ничего не

---

[1] «Дело народа» от 21/X. Отчет о засед. комиссии по урегулированию народного хозяйства и труда совета республики.

[2] Н. Н. Суханов, Записки о революции, т. V, стр. 129.

предпринимал, чтобы подчинить своей регулирующей воле стихийный процесс хозяйственной жизни.

Пачка протоколов, оставшаяся нам в наследство от главного экономического комитета, убедительнее живых свидетелей говорит о робости его начинаний, о крайней его медлительности, о неспособности его к энергичному и решительному вмешательству в хозяйственные отношения Занятый бесконечным обсуждением различных «положений», комитет фактически стоял в стороне от экономической жизни страны, если не считать отдельных немногих актов его, направленных к разрешению конкретных вопросов хозяйственной действительности. На протяжении сорока с лишним заседаний гл. эк. к-т принял ничтожное количество постановлений практического свойства, в том числе такие высоко-актуальные, как постановление о ценах на... стеариновые свечи, поставленные в 1917 г. железным дорогам. Более важные решения (по поводу свертывания части московских предприятий в связи с топливным кризисом, о Донбассе) насчитывались единицами.

Главный экономический комитет, который выдавался иными рьяными адвокатами коалиционного правительства чуть ли ни за одно из главнейших учреждений «революционного» государства, на деле обретался где-то на заднем плане, на задворках государственной жизни, был учреждением, созданным больше для «отвода глаз», чем для серьезной работы по регулированию хозяйства.

Временное правительство не придавало серьезного значения постановлениям главного экономического комитета и даже не останавливалось перед открытым нарушением Положения об экономическом совете и главном экономическом комитете. По Положению, деятельность всех организаций, занятых регулированием хозяйственной жизни, должна была подчиняться руководству главного экономического комитета. Между тем 28 июля было утверждено измененное Положение об Особом совещании по топливу, с сохранением статьи 2 старого Положения, согласно которой Особое совещание относилось к разряду «высших государственных установлений», свободных от обязанности отчитываться в своей деятельности перед каким бы то ни было учреждением.

Главный экономический комитет состоял из представи-

телей ведомств и вел свою работу в духе всей политики Временного правительства. Всероссийский съезд районных экономических комитетов охарактеризовал комитет как бюрократическое учреждение, склонное решать все дела без контроля общественных организаций.

Деятели комитета пуще всего боялись ломки старых отношений, и даже предложение о разграничении страны по экономическим признакам встретило возражение, сводившееся к тому, что подобная реформа «вызовет на местах совершенно нежелательную ломку (разрядка моя. *З. Л.*) определенного годами существующего порядка вещей». Разбирая вопрос о борьбе с разрухой в Донбассе, главный экономический комитет не нашел более надежного средства, чем посылку специального комиссара, облеченного исключительными полномочиями «по применению вооруженной силы и административных взысканий». В конце сентября в главном экономическом комитете обсуждался вопрос о наблюдающемся массовом закрытии фабрично-заводских предприятий. По докладу было вынесено постановление, воспрещающее самовольное со стороны владельцев полное или частичное прекращение работ предприятий, работающих на оборону или признанных особо важными для снабжения населения. Приостановка производства допускалась лишь с особого разрешения Временного правительства или особо уполномоченных лиц и учреждений. Мы приводили случай, когда локаут проводился с благословения особого совещания и министерства торговли и промышленности. Этот факт доказывает, как мало обеспечивало постановление главного экономического комитета действительную борьбу с локаутами. Кроме того, в постановлении содержится пункт, прямо допускавший, в случае «виновности» рабочих, полное или частичное закрытие предприятий. Прения по поводу массовой ликвидации предприятий обнаружили присутствие в комитете деятелей, готовых, в конечном счете, потворствовать тактике локаутов. Пальчинский в своем выступлении рекомендовал предъявить заводским комитетам следующие требования: 1) о прекращении всякого вмешательства рабочих в административно-хозяйственные распоряжения заводоуправлений, в том числе в распоряжения по вопросам увольнения и приема на службу; 2) о принятии рабочими на себя

обязательства поднять производительность труда; 3) о принятии завкомами мер к определению числа рабочих, потребных при создавшихся условиях производства, и указанию числа рабочих, подлежащих сокращению. Пальчинский добавил, что для выполнения этих требований должен быть дан определенный срок, после чего, в случае нарушения условий, заводы должны быть закрыты. Заместитель председателя главного экономического комитета проф. Саввин также усматривал причины закрытия предприятий в бесчинствах, эксцессах, насилиях со стороны рабочих. Представитель Центрального военно-промышленного комитета Клопотов сделал весьма пикантное заявление: «До сих пор все переговоры велись исключительно с рабочими, теперь необходимо столковаться с промышленниками...» (разрядка моя. *З. Л.*).

Согласно «проектам положений» о регулирующих организациях, составленным главным экономическим комитетом, эти организации должны были конструироваться на началах паритетного представительства производителей и потребителей. К категории производителей были причислены союзы предпринимателей и профсоюзы, получавшие одинаковое количество мест. В категорию потребителей были введены: 1) ведомства, 2) общественные организации, «в том числе» (!) демократические, 3) частно-хозяйственные организации (кооперативы. объединения предпринимателей и пр.). Новый способ конструирования комитетов был значительным шагом назад даже по сравнению с общепринятым принципом «паритета». Что руководило членами главного экономического комитета при решении вопроса о структуре регулирующих учреждений, — показывают любопытные выступления меньшевика Пумпянского и Хрущова. Пумпянский сокрушался по поводу того, что после революции, якобы, «класс предпринимателей почти затушевался». Хрущов предложил даже вовсе «исключить особое представительство населения, так как власть в данный момент и есть представительство населения». Более радикальные способы конструирования организаций по регулированию отводились замечанием, что «промышленники, ведь, будут бойкотировать экономические советы и комитеты». При рассмотрении устава все-

российского общества маслобойных заводчиков в протокол было занесено пожелание, чтобы министерство продовольствия шире пользовалось частнохозяйственными организациями.

Незадолго до Октябрьской революции председателем главного экономического комитета был назначен председатель Московского биржевого комитета С. Н. Третьяков. Должность заместителя председателя главного экономического комитета занял С. В. Лурье — деятель Московской биржи. Главный экономический комитет превратился в надежнейшее орудие организованной буржуазии.

Руководители комитета старались втиснуть его деятельность в прокрустово ложе «согласования» и выступали против присвоения к-ту функций административно-распорядительного органа. Такие видные деятели Г.Э.К., как Н. Н. Саввин и Пальчинский, решительно восставали против «поглощения министерств комитетом». Пальчинский, в частности, настаивал на том, что «регулирование цен должно быть правом, но не обязанностью Г.Э.К». Подобное стремление сузить рамки деятельности «центрального регулирующего учреждения» вызвало резкие возражения на всероссийском съезде районных экономических комитетов, и комитету пришлось, волей-неволей, под давлением низовых организаций, несколько расширить свои функции.[1]

---

[1] 10 августа экономическим советом было принято предварительно проработанное в Г.Э.К. постановление о порядке составления и выполнения государственного плана снабжения армии и населения продуктами и предметами массового потребления. Согласно этому постановлению, составление плана возлагалось на Г.Э.К. и числившееся при нем экономическое совещание. Правительственные учреждения (м-ва, ведомства, управления), общественные организации (гор. самоуправления, земства, кооперативы), частнопромышленные и профессиональные объединения должны были к определенным срокам доставлять в комитет сведения о необходимых продуктах, нуждающихся в заготовке на основании общегосударственного плана. Составление предварительного плана вменялось в обязанность специальных рабочих комиссий, создававшихся по категориям однородных, однотипных предметов. Заявления поступали, в первую очередь, в управление делами Г.Э.К., которое распределяло их по комиссиям, одновременно информируя о поступивших требованиях регулирующие комитеты (по топливу, транспорту, металлам и пр.). Комиссии определяли районы про-

Почти полтора десятка заседаний были заняты обсуждением проекта «Положения о главном экономическом комитете» (во второй половине октября, на 41-ом заседании Г.Э.К., еще происходило обсуждение проекта положения о местных органах к-та). Выработанное «Положение» было препровождено на рассмотрение Временного правительства. Какая участь ожидала этот проект, — явствует отчасти из тех замечаний, которые сделаны на проекте ответственным представителем Временного правительства.

В проекте	Поправки:
На главный экономический комитет возлагается:	
а) руководство мероприятиями отдельных ведомств.	Вместо «руководство» — «согласование».
Ведению главного экономического комитета подлежат:	
Утверждение норм зарплаты и прибыли.	Исключить.
Разрешение вопросов о закрытии всякого рода торговых и промышленных предприятий, сокращение и изменение их деятельности и перемещение таковых в иные районы.	Допустима ли такая регламентация?
Надзор за деятельностью как казенных, так и частных заводов и иного рода промышленных и торговых предприятий.	Исключить.

изводства, количество и род транспортных средств, сроки выполнения заказов (в порядке очередности), предельные или фиксированные цены, главнейшие организации районов (синдикат, земгор, кооператив, управление казенными заводами и пр.), которым передавалось исполнение заказов. Из комиссий планы должны были поступать, через управление делами, на заключение экономического совещания, и лишь потом они подлежали утверждению Г.Э К. Органами правительственной власти, исполнявшими установленные планы и наблюдавшими за операциями, связанными с плановыми заготовками, являлись комитеты по отдельным отраслям (по топливу, металлу, перевозкам, продовольствию и пр.) и центральные и районные органы, объединявшие их деятельность. — Ленингр. Центр. ист. архив, стеногр. отчет 8-го засед. эк. совета; АОР, протоколы 3—11 засед. Г. Э. К.

Читателя не должна удивлять чрезмерная сложность и надуманность плана—ведь большинство составителей его вряд ли всерьез верило в то, что им придется проводить его в жизнь. Замысловатые конструкции, рожденные в недрах Г.Э.К., больше говорили о силе воображения его руководителей, чем о серьезности их намерений...

Согласно «Положению», председателю главного экономического комитета предоставлялось право налагать секвестр на недвижимое и арест на движимое имущество, устранять в необходимых случаях администрацию предприятий. назначать общие и частные реквизиции, назначать правительственных инспекторов для наблюдения за деятельностью торговых и промышленных предприятий и пр. Против соответствующих пунктов «Положения» написано от руки: «Совершенно невозможная вещь: это создание какого-то экономического диктатора». А в самом начале проекта приписано: «Надо весьма твердо настаивать на указанных изменениях: иначе получится двоевластие и кавардак». [1]

Все указанные замечания представляют интерес, поскольку они свидетельствуют о том, какое сопротивление встречала в правительстве всякая попытка превращения главного экономического комитета в действительный регулирующий центр.

Временное правительство отнеслось весьма враждебно к попыткам организации на местах районных комитетов снабжения. Указания на то, что, при отсутствии подобных органов, деятельность главного экономического комитета и т. п. учреждений не даст ожидаемых результатов, не производили на правительство надлежащего действия. Предложение В. Г. Громана, выступавшего 22 июля в экономическом совете по поручению учредительного съезда снабжения Петроградского района, о немедленном утверждении комитетов снабжения, возникших на местах явочным порядком, было советом отклонено. Такая же участь постигла аналогичное ходатайство, возбужденное представителями московских районных организаций снабжения перед главным экономическим комитетом.

Подобное отношение к комитетам снабжения вполне соответствовало настроениям и желаниям промышленников, составлявших в комитетах меньшинство. Сопротивляясь всеми силами «постороннему вмешательству» в сферу частно-хозяйственных отношений, промышленники прилагали все усилия к срыву деятельности местных комитетов снабжения. И в Москве, и в Петрограде, и в Харькове

[1] АОР, Канц. Временного правительства, ф. III, д. № 12.

промышленники дружно саботировали деятельность комитетов.

Московский торгово-промышленный комитет постановил 20 (7) августа отозвать представителей торгово-промышленной группы из бюро комитета снабжения. «Союз объединенной промышленности» поспешил сообщить предпринимателям, что постановления Московского комитета снабжения, с момента выхода промышленников из состава этого комитета, лишены обязательной силы. [1]

На происходившем в начале июля в Петрограде съезде, созванном для организации районного комитета снабжения, промышленная группа, во главе с фон-Дитмаром, демонстративно уклонилась от участия в работе. Недовольство промышленников было вызвано преобладанием на съезде «демократических элементов». Представители промышленников выступали против построения снабженческих организаций на началах паритета. Возражая против «одностороннего и классового представительства», промышленники добивались предоставления представителям «революционной демократии и профессиональных организаций» не более $^1/_3$ мест. [2]

На Харьковском учредительском съезде снабжения, происходившем в июле, промышленная группа упорно возражала против организации районного комитета. Промышленники ультимативно требовали, чтобы съезд избрал комиссию для оформления работ съезда, а «не действительный комитет, с немедленной ломкой существующих. . . организаций, занимающихся делом снабжения». Г. Э.К. нашел возможным высказаться за создание районных экономических комитетов лишь в сентябре, после ряда «самочинных» съездов.

---

[1] «Торг.-пром. известия», № 10. — Критикуя постановления районного совета снабжения о «вмешательстве в хозяйственные отношения», орган Московского общества заводчиков и фабрикантов жаловался: «В то время, когда разрушаются основные элементы нормальной промышленной жизни . . . когда промышленность теряет на заработной плате огромные капиталы, которые рабочие расходуют на покупку предметов роскоши (! *З. Л.*), демократия стремится создать высшие экономические формы, построенные на развалинах промышленности и сельского хозяйства» («Торг.-пром. известия», № 8).

[2] АОР, 2, Центр. совет фабзавкомов, д. № 70.

В то время как главный экономический комитет большую часть своей энергии тратил на «работу», обнаруживавшую предельную никчемность этого учреждения, продолжало более или менее аккуратно собираться Особое совещание по обороне, фактически возглавляемое П. И. Пальчинским (тов. председателя). Революция не уничтожила представительства в Особом совещании Государственного совета и Государственной думы, и в числе лиц, на которых возложены были заботы об огромном секторе народного хозяйства, продолжали красоваться такие колоритные фигуры, как М. В. Родзянко, член Гос. думы националист Чихачев, член Гос. совета В. И. Гурко, С. И. Тимашев, А. Ф. Иванов и пр. Если главный экономический комитет и экономический совет не поставили перед собой всерьез задачи регулирования народного хозяйства, то меньше всего можно бы ожидать деятельности, сколько-нибудь соответствующей интересам народного хозяйства, от Особого совещания по обороне, почти не подвергшегося воздействию революции. С организацией главного экономического комитета и эк. совета характер деятельности Особого совещания должен был претерпеть весьма значительные изменения, так как, по положению 27 июня, главными органами снабжения становились вновь созданные учреждения. Вопрос об Особом совещании стоял уже на первом заседании Г.Э.К. (7 июля), но решение было принято несколько позже — 7 августа. Главным экономическим комитетом было признано, что Особое совещание должно утратить свои диктаторские функции и превратиться в военно-технический орган военного министерства.[1]

Но Г. Э.К. не спешил с реализацией своего постановления, и Особое совещание продолжало весьма живо откликаться на все крупнейшие события экономической жизни. Здесь Родзянко жаловался перед внимательной аудиторией на хлебную монополию и призывал обратиться за помощью против рабочих к фронту; сюда приходил бывший царский министр В. И. Тимирязев с жалобами на гибельные последствия намеченной правительством налоговой реформы; здесь члены Гос. совета не стеснялись открыто поддерживать московских локаутчиков. По важ-

[1] Протоколы 1 и 10 засед. Г.Э.К.

нейшим вопросам дня, будь то вопрос о новых налогах или о производительности труда, Особое совещание солидаризировалось с руководящими организациями промышленников. К далеко не совершенной и лицемерной финансовой реформе Особое совещание отнеслось сугубо отрицательно. Проекты новых налогов расценивались как «тяжелый удар» по промышленности. Не менее ценны для характеристики деятельности Особого совещания прения по вопросу о поднятии производительности труда. Особым совещанием была образована комиссия по выработке мероприятий к поднятию производительности тех заводов, которые имеют особо важное значение для государственной обороны. Комиссия вынесла постановление о назначении на особо важные для обороны фабрики и заводы военноуполномоченных, имеющих право своей властью увольнять рабочих и служащих, не исключая и членов завкомов. На военноуполномоченных возлагалась обязанность по рассмотрению вопросов заработной платы, рабочего времени и производительности труда. В «необходимых случаях» военноуполномоченным предоставлялось право «прибегать к содействию военной силы и возбуждать судебные преследования против лиц, виновных в нарушении установленных законов». Программа комиссии разрешала вопрос о поднятии производительности труда «по-военному» — в плане штыковой атаки и арестов непокорных. [1] Конечно, Особым совещанием план комиссии был утвержден. Член Особого совещания В. И. Литвинов-Фалинский счел необходимым подвести под перечисленные мероприятия «идеологический» фундамент и патетически воскликнул, что предлагаемый план представляет собой «историческое развитие программы работ, которые осуществляются Особым совещанием по обороне». Руководитель совещания Пальчинский откровенно призывал промышленников «организоваться», так как, мол, «только в этом случае возможно реальное соотношение сил». Особое совещание решительно воспротивилось огра-

[1] Представитель Центр. военно-промышленного комитета Козакевич, конкретизируя план «борьбы за производительность», предложил направить в наиболее угрожаемые фабрично-заводские районы кавалерию и учредить институт полицмейстеров для руководства размещением на заводах воинских частей. (Ленингр. Центр. ист. архив, Особое совещ. по обор., 1917 г., д. № 4).

ничению труда женщин и подростков и постановило довести до сведения Временного правительства, что всякое ограничение труда женщин и подростков в предприятиях, работающих на оборону, сравнительно с мужским, представляется невозможным «до минования надобности в усиленных работах на этих предприятиях». В одном из своих сентябрьских заседаний Особое совещание обсуждало вопрос о мерах облегчения «финансовых затруднений» промышленников. Не ограничиваясь своими выступлениями против усиления прямого обложения, совещание приняло особое постановление о выдаче авансов в счет повышения цен (впредь до пересмотра контрактных цен) и об ускорении пересмотра контрактных цен. При обсуждении данного вопроса было отмечено, что крупная доля отпускаемых казною авансов захватывается банками, тем самым срывающими дело укрепления финансовой базы производства. При этом не обошлось без оправдания деятельности банков, и член Гос. совета Карпов, резко выступая против притязаний рабочего класса, взял под свою защиту политику банков и с достойной похвалы откровенностью заявил, что «о каких-либо жертвах в этой области не может быть и речи». Естественно, что Особое совещание пользовалось очень неплохой славой у промышленников. Ряд фабрикантов и заводчиков нарочито сообщали о закрытии своих предприятий не в заводские совещания (местные органы Особого совещания), где участвовали и представители рабочих, а в Особое совещание по обороне.[1] Находясь на поводу у буржуазии, отстаивая всеми мерами и силами ее интересы, Особое совещание не сделало ни одного серьезного шага в сторону организации народного хозяйства.

---

[1] Ленингр. Центр. ист. архив, Особое совещание по обороне, 1917 г., 2 делопроизводство, д. № 75. — Заводские совещания были при Временном правительстве несколько реконструированы. По положению, изданному 28 июня 1917 г., заводские совещания приобрели ряд новых прав. Раньше руководитель заводского совещания назначался председателем Особого совещания, теперь же эта должность стала выборной. Полномочия заводских совещаний были расширены, в частности им было предоставлено право «делать постановления об аресте принадлежащих частным лицам и предприятиям материалов и орудий производства и передаче таковых с одного завода на другой».

Буржуазия имела полное основание считать Особое совещание *своей* организацией.

Не лучше было положение в других совещаниях.

Вопрос о реорганизации Особого совещания по топливу был выдвинут с первых же дней революции. С. В. Коган-Бернштейн, давая верную характеристику старого состава Особого совещания, указывал, что «в дореволюционное время это учреждение было чем-то средним между бюрократическим и органом промышленного представительства». Входившие в состав совещания представители общественных организаций являлись, по словам Когана-Бернштейна, «людьми, тесно связанными с топливодобывающей промышленностью и защищавшими интересы исключительно промышленников». [1] Правительство шло очень неохотно на реорганизацию Особого совещания. Активное сопротивление всяким проектам реорганизации и демократизации совещания оказывал все тот же Пальчинский, состоявший одновременно товарищем м-ра торговли и промышленности, товарищем председателя Особого совещания по обороне и главноуполномоченным по снабжению металлами и топливом. На топливном съезде, в начале июня, Пальчинский доказывал нежелательность «спешной» реорганизации: «В виду того, что Особое совещание по топливу, даже в настоящем своем виде, по мере возможности справляется с возложенными на него задачами, особой спешности в реорганизации его не требуется». [2] Лишь 28 июня, через четыре месяца после переворота, было, наконец, рассмотрено и утверждено Временным правительством новое «Положение» о совещании по топливу, весьма сходное со старым, дореволюционным «Положением». При очень слабом представительстве рабочих и крестьянских организаций, в состав совещания включались по 7 представителей Гос. думы и Гос. совета. «Положение», первоначально принятое Особым совещанием старого состава, находилось в явном противоречии с законом об экономическом совете и главном экономическом комитете. Проект Пальчинского получил правительственную санкцию, несмотря на то, что он был единогласно отвергнут

---

[1] «Известия Особого совещания по топливу» 1917 г., № 5.
[2] *Там же.*

Всероссийским съездом советов рабочих и солдатских депутатов. Более радикальный проект «Положения» о ЦК по топливу, принятый Всероссийским съездом районных совещаний по топливу, так и не был рассмотрен Временным правительством. От руководства Особым совещанием Пальчинский был устранен только в августе.

Руководители топливного дела относились с большим вниманием и сочувствием к интересам частно-капиталистических лесозаготовителей. 28 июня было утверждено Временным правительством положение о Центральном комитете по обеспечению дровами и лесными материалами железных дорог («Центролес»), в состав которого были включены представители военно-промышленных к-тов, совета съездов представителей промышленности и торговли и пр. «Центролес» был создан по инициативе А. И. Коновалова, в связи с переходом железных дорог на древесное топливо, вызванным недостатком угля. Как указывалось на топливном съезде, «Центролес» в процессе своей деятельности доказал, что «частная инициатива согласна проявлять себя исключительно на казенный счет». Лесопромышленники изъявляли готовность работать при условии, если правительство обеспечит их рабочими, лошадьми, продовольствием и проч. Расценки были непомерно велики. «Центролес» получил задание заготовить в течение 1917/18 г. до 4 млн куб. саж. дров. О результатах работы «Центролеса» было сообщено на VIII Всероссийском съезде по топливу следующее:

«Решения вопроса искали вначале в привлечении частной лесной промышленности к дровяным заготовкам. . . предполагалось, что привлеченные к работе комитета промышленники вложат в хозяйственные заготовки дров свои капиталы, а также используют свой коммерческий кредит. Однако возлагавшиеся на «Центролес» надежды не оправдались. Между тем как для железных дорог к 1 января 1918 г. необходимо было заготовить около 765 тыс. куб. саж. дров, «Центролесом» заключены пока договоры на поставку лишь 250 тыс. куб. саж., т. е. менее $^1/_3$ потребного количества». [1]

Направление топливной политики характеризуется, между

---

[1] «Известия Особого совещания по топливу» 1917 г., № 7.

прочим, историей с частным обществом «Нефтесклад» (общество для приемки нефти, идущей в Петроград водой), чрезвычайно невыгодный договор с которым не был санкционирован только вследствие своевременного вмешательства некоторых организаций.

Монополия торговли углем, вопрос о которой дебатировался еще до революции, была осуществлена с огромными оттяжками лишь с августа 1917 г. Руководство монополией осуществлялось главноуполномоченным по донецкому топливу и Монотопом (Управление при главноуполномоченном). Совет по делам монополии при главноуполномоченном составился из представителей ведомств, общественных организаций и пр. Кроме этих организаций, в самом начале революции (3 марта) был создан Временный комитет Донбасса, старавшийся координировать действия уполномоченных Особых совещаний по обороне, перевозкам и продовольствию. Не случайно, что организация, предназначенная внести некоторое единство в деятельность различных регулирующих организаций, была впервые создана в центре топливной промышленности. Состояние дел в Донбассе грозило катастрофой для всего народного хозяйства, и поэтому в топливном деле было особенно трудно уклониться от назревших регулирующих мероприятий.

Закон о монополии был проведен помимо участия районов, получив одобрение лишь в ряде частных совещаний и в Особом совещании старого состава. Монополией не была уничтожена связь между получателями и отправителями топлива, не было достигнуто полного обезличения топлива. Монополия была очень плохо подготовлена, в частности не был во-время выяснен и разработан план перевозок. На Всероссийском топливном съезде было с горечью констатировано, что «дело так запутано, что только октябрьский план возможно надлежаще разработать». В совете по делам монополии представителям донецких рабочих было предоставлено всего около $^1/_5$ мест.

VIII Всероссийский съезд районных совещаний по топливу единогласно потребовал немедленного пересмотра положения о монополии.

Банки уклонялись от финансирования монополии. Орган

горнозаводчиков позволил себе, после Октября, откровенно признать, что «уже до переворота учет расчетных свидетельств Монотопа в частных кредитных учреждениях был связан со многими затруднениями (некоторые банки требовали представления на ряду со свидетельствами Монотопа еще и соло-векселей предприятий на ту же сумму) вследствие не очень большого доверия кредитных учреждений к кредитоспособности государства Российского». [1]

Монополия не дала и не могла дать значительных результатов, поскольку она не являлась составной частью, органическим элементом общей системы регулирования всего хозяйства страны и проводилась органом, не мыслившим решительной борьбы с частно-капиталистической анархией.

Временное правительство внимательно прислушивалось к требованиям углепромышленников. На протяжении нескольких месяцев правительство увеличило цены на уголь в $2^1/_2$ раза. Реквизиционная цена до революции равнялась 18 коп. Промышленникам же удалось в самом начале революции добиться увеличения цены на 8 коп., с распространением этой прибавки на старые поставки железным дорогам и на реквизиции с января 1917 года. Вскоре была сделана новая прибавка в 3 коп., и цена увеличилась до 29 коп. (для основного сорта). В июле цена на уголь была увеличена на 7 коп., причем новая цена была признана обязательной для всего периода, начиная с 1 апреля. 1 сентября была утверждена предварительная расценка, увеличенная по сравнению с предыдущей на 14 коп. Временное правительство покрывало из своего кармана — и весьма щедро — те расходы, которые были вызваны ростом заработной платы, вздорожанием материалов и пр. Данные о себестоимости, которыми подкрепляли свои требования промышленники, оказывались большей частью тенденциозно подобранными, взятыми по наименее выгодным предприятиям, малохарактерными для промышленности в целом. Малоудовлетворительны были также данные, находившиеся в распоряжении комиссии проф. Тимофеева, занимавшейся выяснением и разработкой цен на топливо. Эти данные относились только к небольшой части предприятий. При подсчете не исключались так называемые

[1] «Горнозаводское дело» 1917 г., № 38-39.

«экстренные» предприятия. Доставленные в анкетном порядке данные не подвергались проверке. В результате подсчет оказывался неточным, дающим преувеличенное представление о себестоимости. [1]

Помощь промышленникам оказывалась не только посредством частых прибавок, но и специальными ссудами. Иллюстрации ради можно указать на ассигнование правительством 20 млн руб. для выдачи краткосрочных ссуд владельцам углепромышленных предприятий, нуждающихся в оборотных средствах, и 3 млн руб. для выдачи ссуд на приобретение машин и крепежного леса для Донецкого бассейна. По вполне компетентному отзыву самих промышленников, государство «вынуждено было в очень значительной степени принять повышение заработной платы за свой счет и оказать финансовую поддержку предприятиям отчасти путем увеличения твердых цен, отчасти путем непосредственного кредитования их как через Государственный банк, так и через частные кредитные учреждения». Выражая свое одобрение финансовой помощи, оказанной Временным правительством индустрии, промышленники вместе с тем жаловались на то, что «все эти меры — главным образом повышение твердых цен и государственное кредитование промышленных предприятий — являлись в лучшем случае лишь слабыми паллиативами». Хорошее дело — ссуда и пр., но власть не оправдала своего назначения, поскольку «не сумела ничего противопоставить растущей анархии и не сумела создать в защиту существования промышленности реальной силы, которая могла бы подкрепить авторитет государства». [2] Тоска по «реальной силе» убивала восторги, возбуждаемые столь приятными «паллиативами», как казенные ссуды и высокие цены. . .

Немалую роль в жизни промышленности играло министерство торговли и промышленности. Это важнейшее по своему удельному весу министерство активнее и энергичнее других ведомств отстаивало интересы промышленников. Печать политической простоты или, вернее, притворной наивности лежала на попытке центрального органа Всероссийского

---

[1] «Изв. Особого совещания по топливу», 1917 г. № 7; Архив Истпрофа ВЦСПС, дело Донецкого совещания.

[2] «Горнозаводское дело», № 38-39.

совета крестьянских депутатов доказать, что министерство торговли и промышленности является одним из менее важных министерств.[1] Фактическое положение вещей, видно, не имело значения для автора статьи, задавшегося целью во что бы то ни стало убедить читателя, что все важнейшие правительственные посты находятся в руках «социалистов». В условиях войны, поставившей перед торгово-промышленным ведомством ряд новых, чрезвычайно серьезных и сложных задач, удельный вес этого ведомства значительно возрос.

Министерство торговли и промышленности с самого начала работало в тесном контакте с организациями промышленников. Вступив в управление министерством торговли и промышленности, А. И. Коновалов в первую очередь обратился к советам съездов промышленности и торговли, горнопромышленников юга России, обществам заводчиков и фабрикантов и т. п. организациям с особым воззванием о необходимости дружной согласованной работы. Министр просил упомянутые организации сообщить ему о мероприятиях, которые необходимо разрешить в самое ближайшее время. Не только Коновалов, но и другие ответственные деятели министерства были персонально связаны с организациями промышленников. Назовем хотя бы пресловутого П. И. Пальчинского, видного деятеля совета съездов промышленников Юга — товарища министра Прядкина, деятеля акционерного общества Сименс-Шуккерт — заведующего отделом промышленности В. Е. Варзара и др. Тесная связь с объединениями промышленников сохранялась почти на всем протяжении деятельности министерства. Временный уход Коновалова не вызвал в общем перемен в направлении ведомства, оказавшегося под руководством таких деятелей, как Пальчинский.[2] Последний сделал в заседании экономического совета 22 июля заявление, подтверждавшее господство коноваловского «духа» в министерстве

---

[1] «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов», № 124.

[2] До какой степени удовлетворяло поведение Пальчинского промышленников, — можно судить по официальному выступлению фон-Дитмара, говорившего о восхищении промышленников «твердой и самоотверженной деятельностью Пальчинского» («Г.-З. Д.», № 30-31).

торговли и промышленности: «Те программные выступления, которые имели место в речах бывшего министра торговли и промышленности А. И. Коновалова, в основных своих чертах сохранили и сохраняют полную силу для министерства торговли и промышленности, применяясь к тем изменениям, которые произошли за это время, но сохраняя полную свою силу во всех основных посылках, ибо эти основные посылки являлись результатом ясной и определенной продуманной программы. . .». [1]

С появлением во главе министерства Прокоповича наметилось некоторое ослабление связей с руководящими организациями промышленников, но деятельность министерства сохранила в основном первоначальный характер. [2]

В деятельности м-ва т. и пр. при Прокоповиче, может быть, и наблюдались некоторые попытки расширения регулирующей деятельности, но эти попытки были чрезвычайно робки и не сулили никаких серьезных перемен. В частности, по вопросу о принудительном синдицировании Прокопович полностью капитулировал перед советом съездов. Именно при Прокоповиче был дан отрицательный ответ группе англичан по вопросу об установлении государственного контроля.

Торгово-промышленное ведомство неизменно шло навстречу требованиям и запросам промышленников.

Уже с первых дней стало ясно, что министерство будет всемерно защищать все установления, выгодные для промышленной буржуазии.

Через несколько дней после свержения монархии Всероссийское общество суконных фабрикантов особой телеграммой ходатайствовало о сохранении комитета суконной промышленности и изданных ранее обязательных постановлений министерства торговли и промышленности. Товарищ министра Саввин не замедлил успокоить промышленников,

---

[1] Стенограмма заседания экономического совета, № 2. (Разрядка моя. *З. Л.*)

[2] Здесь интересно вспомнить аттестацию, данную в свое время Прокоповичу Некрасовым, с большим удовлетворением подчеркивавшим, что Прокопович «хотя и социал-демократ, но питается идеологически теми же корнями, что и мы с Бернацким» («Новая жизнь» 1917 г., № 93).

что учрежденные до революции комитеты (хлопчатобумажный, суконный, кожевенный, льняной, джутовый и бумажный) продолжают действовать на прежних основаниях и что изданные прежде обязательные постановления по нормировке продажи разного рода сырья, а также таксы на сырье и изделия остаются в силе.[1] В одном из августовских заседаний министерства торговли и промышленности председатель комитета по делам суконной промышленности А. Я. Чемберс, выступая в согласии с фабрикантами против проекта реконструкции комитета, доказывал, что «образованные за время войны комитеты оказались в достаточной мере практичными и целесообразными и потому все чисто теоретические переустройства деятельности таких комитетов крайне вредны». Управляющий министерством выразил, конечно, свое полное согласие со взглядами докладчика.[2]

«Творческая» деятельность м-ва т. и пр. выразилась в создании мертворожденного заготовительного к-та, одного из наиболее бесполезных и бесцветных учреждений «керенщины», весь «формулярный список» которого насчитывал только несколько куцых мероприятий по нормировке цен.

И министерство в целом и представители его в различных организациях энергично боролись против ограничения «частно-капиталистической инициативы» и решительно выступали против попыток демократизации регулирующих организаций.

В этом отношении примечателен доклад представителя министерства в к-те по делам льняной и джутовой промышленности Л. М. Моргонова. Моргонов сообщает по начальству, что он выступал против исключения из к-та представителей земского союза и союза городов и против введения советских представителей. Свое отношение к советам представитель ведомства мотивирует следующим образом: «... что касается сов. раб. и солд. депута-

---

[1] Ленингр. центр. ист. архив, министерство торговли и промышленности, 1917 г., д. 71.

[2] Комитеты по отдельным отраслям промышленности подверглись при Временном правительстве самой незначительной реорганизации. Представители рабочих и крестьян были во всех комитетах в меньшинстве. К таким результатам приводило своеобразное толкование «паритета».

тов, то можно признавать его значение и заслугу в деле завоевания нового строя... можно... признавать за сов. раб. и солд. деп. значение крупного общегосударственного органа, но чем выше и значительней его оценка, тем менее уместным приходится признать присутствие представителей его в комитете по делам льняной и джутовой промышленности, здесь приходится вести хотя государственное, но все же крайне узкое, чисто специальное дело, для ведения которого нужны люди, работающие в промышленности и знающие ее, для контроля же необходимы представители общественности; ни тому, ни другому Сов. раб. и солд. деп. не соответствует, являясь временной революционной организацией». [1]

Представитель министерства торговли и промышленности на хлопковом съезде выступал против карательных мер в отношении крупных фирм, повинных в утайке запасов хлопка. По существу это было выступление против строгого учета хлопка. Представитель министерства своим выступлением явно угодил банкам, принимавшим активное участие в торговле хлопком. [2] Не лучший прием был оказан в м-ве проекту льняной монополии, вызвавшему особенно резкие возражения со стороны деятелей льняного к-та.

При Временном пр-ве распределение металлов, до революции производившееся Особым совещанием по обороне и заводскими совещаниями, было возложено на м-во торговли и промышленности, в лице главноуполномоченного и районных уполномоченных по металлу. Министерство отнеслось к проектам введения монополии на металлы чрезвычайно неприязненно, хотя потребность в ней ощущалась весьма и весьма остро.

Политика цен, проводившаяся министерством торговли и промышленности, определялась не столько нуждами государства, сколько интересами промышленников. Из доклада «междуведомственной комиссии при м-ве торговли и промышленности по установлению цен на массовые и плановые заказы» о ценах на товарные вагоны и платформы, в заседании гл. эк. к-та, выяснилось, что благодаря методу исчисления цен государство переплачивало предпри-

---

[1] Ленингр. Центр. ист. архив. М-во торг. и пром. 1917 г. Д. № 28.
[2] «Продовольственный вестник», 1917 г., № 2.

нимателям миллионы рублей. Комиссия не скрывала этого факта и открыто ратовала в пользу «широкого соглашения» с промышленниками. В главном экономическом комитете была также констатирована «странная» роль м-ва торговли и промышленности по случаю того, что оно, в согласии с владельцами предприятий, помешало м-ву продовольствия загрузить принудительным путем текстильные фабрики казенными заказами.[1]

Когда С. Н. Прокопович в своей речи на Московском совещании усиленно подчеркивал, что возглавляемое им министерство обслуживает интересы промышленности, а не промышленников, то это утверждение, пусть против воли министра, звучало явно иронически. Недаром ведь министерство торговли и промышленности удостоилось высоких похвал на страницах печати, отражавшей интересы тяжелой индустрии. «Горнозаводское дело» радостно констатировало, что «министерство торговли и промышленности поняло, что воцарившееся на заводах полное безначалие, устранение всякой дисциплины и невероятное падение производительности труда приведут русскую промышленность и, стало быть, и Россию к гибели». Бурные восторги горнозаводчиков были вызваны циркуляром министерства торговли и промышленности окружному инженеру Северо-верхотурского горного округа. Циркуляр этот в несколько замаскированном виде условно легализовал локауты. Министерство взваливало всю вину за расстройство производства в округе на рабочих и предложило предпринимателям предупредить своих рабочих, что всякие отступления от установленного порядка «неизбежно приведут к остановке предприятия». Редакция журнала многозначительно закончила статью указанием, что к циркуляру «нужно лишь прибавить, что он имеет по своему содержанию несравненно более общее значение, чем то, которое придано ему министерством торговли и промышленности».[2]

В записке горнопромышленников, составленной по поводу исходившего от министерства труда требования о заключении коллективных договоров, были запечатлены

---

[1] Гл. эк. к-т. Проток. 12 и 14 заседаний.
[2] «Горнозаводское дело» 1917 г., № 32-33.

в весьма ясных и определенных выражениях симпатии буржуазии к ведомству торговли и промышленности. Бюро уполномоченных съезда горнопромышленников юга России настаивало на том, что при выработке коллективного тарифного договора необходимо деятельное и влиятельное участие органов министерства торговли и промышленности, «как ведомства нейтрального, заинтересованного в поддержании общего уровня в горной промышленности, независимо от частных требований сторон»... Такая аттестация была выдана министерству торговли и промышленности, конечно, не за его «нейтральность» и «независимость». [1]

По настоянию министерства торговли и промышленности Временным правительством было 6 октября утверждено положение о торгово-промышленных палатах. Буржуазии предоставлялось право сообщать через палаты правительственным властям свои предположения о пользах и нуждах промышленности и торговли и участвовать через своих представителей «в предварительной разработке местными властями обязательных постановлений — по части торговли и промышленности». Перед палатами ставилась задача «представительства и защиты общих интересов местной торговли и промышленности». «Смычка» правительства с буржуазией принимала все более организованный и широкий характер. Авторитет м-ва торговли и промышленности в глазах промышленников был так велик, что орган Рябушинского, разбирая проект мануфактурной монополии, искал защиты, в первую очередь, в этом ведомстве (и в военном министерстве).

«Следует полагать, что министерство промышленности и торговли первое запротестует против такой борьбы с... промышленностью, так как деятелям его должно быть ясно, что промышленность в цепях ни жить, ни развиваться не может. Военное министерство, как крупный потребитель хлопчатобумажных тканей, также не может остаться безучастным зрителем такой вивисекции над промышленностью, ибо уровень цен и нормальный ход работ на фабриках не будут обеспечены при чудовищном прессе снизу и сверху... Неужели, по мнению ми-

---

[1] «Торг.-пром. газета» от 13 октября.

нистерства продовольствия, панацея от всех зол разрухи — монополия. . .» [1]

Временное пр-во не имело возможности, в связи с проведением хлебной монополии, полностью удовлетворить требования Рябушинских, с пеной у рта нападавших на всякую попытку монополии, но оно употребило все усилия, чтобы придать своим мероприятиям наиболее благоприятные для буржуазии формы.

В мае в Москве состоялся, при участии товарища министра продовольствия Титова, ряд совещаний, на которых рассматривался вопрос о передаче текстильной промышленностью части своей продукции в распоряжение государства. Результатом этих совещаний был циркуляр комитета хлопкоснабжения фабрикантам с предложением выделить на долю министерства продовольствия на июнь и июль не менее 50% той продукции, которая предназначается для «свободного» рынка. На состоявшемся на следующий день по закрытии майского продовольственного съезда в Москве совещании представителей губернских продовольственных комитетов была принята резолюция о необходимости немедленно создать в Москве центральный орган по распределению тканей. В первой половине июня в Москве было создано управление уполномоченного по снабжению тканями. [2]

Вмешательство министерства продовольствия в дело снабжения тканями вызвало бурный протест промышленной и торговой буржуазии.

Под давлением буржуазии был поставлен крест над попыткой распределения всей продукции текстильных фабрик через аппарат министерства продовольствия. Вначале в распоряжение министерства должно было поступать только 50% той части продукции, которая оставалась после выполнения заказов военного ведомства. Лишь приказом министра продовольствия от 9 сентября количество тканей, передававшихся министерству продовольствия, было доведено до 60% всей продукции, предназначенной для гражданского населения. На этом уровне снабжение оставалось до самой Октябрьской революции. Таким

---

[1] «Утро России», 1917, № 177.

[2] «Известия московск. областн. продов. к-та», 1917 г., № 1.

образом, 40% продукции оставалось в руках частного торгового аппарата, подрывая основы распределения, вырабатываемые министерством, и служа источником самой разнузданной спекуляции. [1]

Н. Д. Кондратьев утверждает, что с начала июля до 15 октября было распределено по 10 развертkам около 120 251 тыс. аршин. [2] При этом Кондратьев забывает упомянуть, что фактически было продвинуто к населению только около 70 млн арш. [3]

Вначале министерство продовольствия получало свою долю текстильной продукции на началах добровольного соглашения с фабрикантами. Такой порядок был на-руку фабрикантам, которые фактически в ряде случаев злостно уменьшали долю передаваемой казне продукции. Лишь 1 октября вступил в силу приказ, согласно которому все фирмы и лица, выпускавшие от своего имени мануфактуру, уже обязывались предоставлять в распоряжение министерства продовольствия определенную часть своей продукции. На совещании представителей фабрично-заводских комитетов, созванном московским уполномоченным по снабжению тканями 10 декабря 1917 г., отмечалось отсутствие точных сведений о том, действительно ли предоставлялась фирмами министерству продовольствия фиксированная законом доля продукции. [4] А собравшееся в конце сентября в Москве продовольственное совещание определенно нашло «организацию контроля и учета производства тканей недостаточной, книжной и недостигающей цели».

Указанные мероприятия министерства продовольствия касались только одной категории тканей, именно тканей хлопчатобумажных. До урегулирования производства тканей — хотя бы хлопчатобумажных — дело не дошло. Положительные мероприятия в области распределения тканей были ответом на бесчисленные резолюции и постановления, поступавшие с разных концов страны. Даже

---

[1] «Известия по продов. делу», 1917 г., № 3.
[2] Кондратьев, Рынок хлебов, стр. 118.
[3] «Известия Моск. обл. продов. к-та», № 7-8.
[4] Архив Истпрофа моск. губотдела союза текстильщиков. Протокол совещания представит. фабзавкомов (10 дек. 1917 г.).

официальный правительственный орган вынужден был признать этот факт. В отделе снабжения тканями накопилось большое количество однородных телеграмм, в которых различные крестьянские съезды, волостные съезды или губернские продовольственные комитеты указывали, что твердые цены на хлеб находятся в резком противоречии с ценами на предметы первой необходимости. «Судьба хлебной монополии зависит от установления твердых цен на предметы крестьянского обихода — таков голос, идущий с мест. В отношении хлопчатобумажных тканей — эти пожелания министерством продовольствия осуществлены, но телеграммы и многие делегаты ходатайствуют о твердых ценах и на другие предметы». [1]

20 апреля Временное правительство объявило некоторые сорта кож собственностью государства. [2] Такая половинчатая мера не могла заметно улучшить положение, и целый ряд организаций потребовал от правительства более решительного регулирования кожевенного дела. Московское продовольственное совещание справедливо подвергло действия правительства суровой критике и высказалось за монополизацию всех сортов кожи и за государственную нормировку распределения обуви.

Железнодорожный транспорт был сильнее, чем другие отрасли народного хозяйства, надорван и искалечен в результате двух с половиной лет войны. Без решительной борьбы с недугами железнодорожного дела нечего было и рассчитывать на ликвидацию общего экономического распада. Интересы всего народного хозяйства властно требовали от правительства безбоязненной ликвидации дореволюционных методов управления железными дорогами и выработки радикальных мер борьбы с транспортной разрухой.

Особую актуальность имел вопрос о реорганизации аппарата управления. Железные дороги славились издавна специфическим составом своих руководящих работников, отличавшихся исключительным пренебрежением к интересам

---

[1] «Вестник Врем. прав.», № 127.

[2] Монополия осуществлялась через состоявший в ведении м-ва торговли и промышленности Главный и районные комитеты по кожевенным делам.

рабочих и служащих и ультра-бюрократическими приемами управления. В железнодорожном деле необходимо было в большей мере, чем где бы то ни было, в интересах плодотворной работы, «освежить» аппарат, реорганизовать многочисленные учреждения и организации. Временное правительство отнеслось крайне безразлично к этой важнейшей задаче дня. Согласно выработанным после революции «положениям», специальные организации, обслуживавшие ж.-д. транспорт, составлялись по преимуществу из представителей ведомств, железных дорог, земства, биржевых комитетов, торгово-промышленных съездов (см., напр., «положение» о центральном и порайонных комитетах по регулированию перевозок по ж. д.). [1]

Борьба против руководящего персонала началась на ж. д. с первых же дней революции. Опасаясь дальнейшего усиления этой борьбы, правительство обещало еще в начале революции разрешить в ближайший срок вопрос о представительстве рабочих и служащих в управлении железнодорожным делом. Но лишь 27 мая был издан м-ром путей сообщения Некрасовым наделавший много шуму циркуляр № 6321. Союзу предоставлялось право контроля и наблюдения за деятельностью железных дорог, причем особо подчеркивалось, что нельзя смешивать функции контроля и наблюдения с распорядительной властью. Облеченные правом контроля и наблюдения, рабочие и служащие могли, в случае несогласия с каким-нибудь распоряжением администрации, заявлять о своем несогласии соответствующему начальству. Если районный комитет и администрация не приходили к общему мнению, то вопрос переносился на обсуждение Главного дорожного комитета и начальника дороги. Дальше следовали: Центральный комитет союза и министерство путей сообщения. Последней инстанцией являлось Временное правительство. [2] Совет частных железных дорог оценил циркуляр Некрасова как подрыв «основ» и обратился к Временному правительству с резким протестом. В своем ответе на обращение Совета частных до-

[1] ЦК по регулированию перевозок по ж. д. был образован, по постановлению от 17 июня, путем слияния двух организаций, выполнявших по существу однородные функции: Распорядительного комитета по ж. д. перевозкам и ЦК по перевозкам.

[2] «Вестник Путей Сообщения» 1917 г., № 25.

рог Некрасов успокаивал правительство, что «комитетам отведена строго совещательная роль, окончательное же решение на всех инстанциях (разрядка моя — *З. Л.*) принадлежит начальствующим лицам». [1]

Циркуляр Некрасова получил весьма недоброжелательную оценку и со стороны партийных сотоварищей министра, признававших намеченную в циркуляре систему управления дорогами «олигархической», «основанной на принципе властвования немногих над всеми» (!). Чем дальше, тем критика становилась острей, и в конце июня центральный орган «партии народной свободы», напоминая о сомнениях, которые возбуждала деятельность министерства путей сообщения, категорически заявил, что «сомнения эти оказались, к сожалению, обоснованными. . . Теперь перед лицом грозной опасности надо иметь смелость признать, что опыт, проделанный над русским железнодорожным делом, был неудачен. . .». Не преминул выступить против «экспериментов» и «знатный иностранец» — председатель американской железнодорожной комиссии Стивенс, указавший в заседании русско-американского комитета 3 августа, что «в ж. д. деле должна быть твердая власть. Участие служащих в управлении дорогами недопустимо». [2]

Послеиюльская реакция положила конец и тем слабым намекам на «новый курс», которые можно было обнаружить в некрасовском циркуляре. Особое совещание по перевозкам высказалось за повышение ответственности лиц, обвиняемых в «самочинных выступлениях», за отмену всяких контрольных функций рабочих и служащих, за предоставление особым комитетам «народной охраны» при управлении ж. д. права издания обязательных постановлений, на основании которых дисциплинарные суды могли бы в срочном порядке подвергать виновных аресту. Домогательства частных дорог увенчались полным успехом.

Таким образом некрасовский циркуляр можно рассматривать лишь как эпизод, не дающий никакого права говорить о каких-либо серьезных сдвигах в политике правительства.

Временное и весьма робкое отступление от усвоенных Временным правительством принципов, которое позво-

---

[1] «Дело Народа» 1917 г., № 108.
[2] «Речь» 1917 г., №№ 145, 172, 181.

лило себе путейское ведомство в пору издания циркуляра № 6321, обусловливалось, главным образом, тем, что в железнодорожном деле удельный вес «частного капитала» был относительно невелик и совет частных дорог, по своей влиятельности, не мог, конечно, состязаться с советом съездов промышленности и торговли, бюро съездов горнопромышленников юга и т. п. организациями. Но и он, в конечном счете, без особого труда добился своего.

Позиция правительства в отношении заработной платы довела железнодорожников до всеобщей забастовки. Правительством были утверждены правила снабжения железнодорожников продовольствием и пр., но обязательства, которые приняло на себя правительство, фактически не были выполнены.[1]

Правительство уклонилось от необходимой реорганизации аппарата по управлению и регулированию железнодорожного транспорта. Система управления сохранила, в основных чертах, свой дореволюционный характер. Положение железнодорожных рабочих и служащих было хуже, чем в ряде других отраслей народного хозяйства. При этих условиях не могли дать сколько-нибудь значительных результатов отдельные мероприятия, касавшиеся техники перевозок и пр. Из этих мероприятий надо отметить правила 10 апреля и 1 июля (постановление об этих правилах было сделано 29 мая). Апрельскими правилами разрешалось железным дорогам во время навигации 1917 г. направлять, без согласия на то отправителей, грузы, принятые к перевозкам по документам прямого железнодорожного сообщения, смешанным железнодорожно-водным путем. Владельцы грузов сопротивлялись осуществлению этих правил, так как перевозка смешанным путем обходилась дороже, чем перевозка прямым путем. Правила 10 апреля не оправдали возлагавшихся на них надежд — всего было переброшено на водные пути около 100 млн пуд. грузов. Количество хлебных грузов, перевозимых по Волге, сократилось в навигацию 1917 г. более чем на-

[1] А. Таняев, Очерки движения железнодорожников в рев. 1917 г. Стр. 129, 134.

половину. С 1 июля были установлены новые «правила постепенности отправления по железным дорогам грузов малой скорости». Новые правила были изданы с целью внести корректив в старый порядок отправления грузов. При старом порядке были установлены буквенные категории внеочередных грузов, с подчинением каждой такой категории обычным правилам постепенности отправления, существовавшим для о ч е р е д н ы х грузов, т. е. фактически устанавливалась не внеочередность, а лишь высшие категории очередных грузов. Железнодорожное ведомство стремилось новыми правилами облегчить перевозку внеочередных грузов, имевших исключительное значение «в деле удовлетворения государственных и общественных потребностей». Внеочередные грузы были, в свою очередь, разделены на три категории: экстренные, плановые и срочные. В циркуляре требовалось также соблюдение большей осторожности при выдаче нарядов на срочные отправки и внесение большей плановости в дело перевозки грузов. Циркуляр рекомендовал «стремиться к тому, чтобы внеочередные грузы отправлялись не бессистемно, в виде разрозненных единичных отправок, а объединялись бы в более крупные группы и вливались в определенный план перевозок». По новым правилам, ходатайства о разрешении перевозок должны были направляться не в министерство путей сообщения, а в регулирующий орган, деятельность которого распространялась на данный род товаров.[1] Постановлением от 7 сентября была временно прекращена перевозка грузов большой скорости. В целях разгрузки железных дорог были приняты меры к сокращению пассажирского движения. Спасения от финансовой катастрофы правительство искало также в значительном повышении пассажирских и грузовых тарифов.

Конечно, ни принудительная переброска части грузов на водные пути, ни увеличение пассажирских и грузовых тарифов, ни прочие паллиативные меры не могли исцелить транспорт от его многочисленных болезней. Мы уже указывали, что, не двигаясь вперед в области транспорта, нельзя было изжить кризис народного хозяйства в целом.

---

[1] «Вестник путей сообщения», 1917 г., № 29.

Но, с другой стороны, совершенно бесспорно, что без радикального решения вопросов топлива, продовольствия, финансов всякие мероприятия по урегулированию транспорта, особенно в таком виде, в каком они проводились при Временном правительстве, били мимо цели. Время полумер прошло безвозвратно. Политика «керенщины» обрекала транспорт на дальнейший развал.

Нельзя, конечно, утверждать, что за 8 месяцев революции не произошло никаких изменений в деле регулирования хозяйственной жизни. Все же были созданы кое-какие новые организации (напр., экономический совет), некоторые старые регулирующие учреждения подверглись реорганизации, были осуществлены отдельные монополии (угольная монополия). Но все это — «детали», не имеющие решающего значения. Вновь созданные организации не оказали сколько-нибудь серьезного воздействия на хозяйственную жизнь; реорганизация старых учреждений была проведена в интересах буржуазии, боровшейся с попытками действительного регулирования народного хозяйства; созданные монополии не были увязаны в единую, цельную систему регулирования всей экономической жизни страны, не затрагивали процесса производства и проводились в крайне несовершенной форме. Проекты принудительного синдицирования и трестирования не получили правительственной санкции. Чаще всего регулирование хозяйства не шло дальше, как то было и до революции, частичной нормировки цен и системы нарядов, «подкрепляемой» разрешительным порядком перевозок.

Причины подобной политики правительства можно понять, только обратившись к взглядам промышленной и финансовой буржуазии на проблему регулирования народного хозяйства.

Буржуазия решала этот вопрос, как и раньше, в тесной связи с проблемой политической власти, памятуя, что здесь, как выразился один кадетский журналист, «эконо-

мическая проблема переходит в политическую». [1]

Козакевич, деятель совета съездов представителей промышленности и торговли, высказался в совещании у Коновалова за желательность монополизации каменного угля и нефти, отметив, что в прежнее время промышленники против этого возражали, но при «общественном» правительстве они, несомненно, отнесутся к этому по-другому.

---

[1] «Речь», 1917 № 181. — Только принимая за исходный пункт анализа проблему власти, можно точно установить подлинную подоплеку экономической политики как в пору «керенщины», так и в дореволюционный период. Здесь мы позволим себе напомнить о тех условиях, которые помешали государственно-капиталистической организации народного хозяйства в годы войны, до Февральской революции.

Автор упоминавшейся уже нами работы об экономике войны А. Сидоров вполне прав, когда он, вслед за Л. Н. Крицманом, ищет корней экономической политики царизма в антагонизме между российской буржуазией и самодержавием, являвшимся «исполнительным комитетом» полукрепостников-помещиков. Осуществление государственного капитализма в России возможно было лишь при условии дележа власти с буржуазией, но самодержавие предпочитало итти на сепаратные переговоры с Германией, чем согласиться на серьезные политические уступки буржуазии. Общая картина классовых отношений в годы войны служит чрезвычайно интересной и красноречивой иллюстрацией к положению т. Крицмана о том, что сращивание монополий банковского и промышленного капитала с государством «предполагает одинаковую социальную природу сращивающихся» (из предисловия к работе С. Ронина «Иностранный капитал и русские банки», стр. IV). Тов. Крицман совершенно справедливо ставит в основу своего анализа вопрос о социальной природе государственной власти. Но при решении этого вопроса он допускает несомненный перегиб, утверждая, что сращивание «предполагает» одинаковую природу «обеих сторон». Нам кажется, что нельзя совершенно отрицать возможность сращивания и при неодинаковой социальной природе власти и буржуазии (таков, очевидно, смысл приведенного тезиса т. Крицмана), а можно и должно говорить лишь о том, что различие социальной природы крайне затрудняет, тормозит, затягивает процесс сращивания. В самом деле, уже до революции «государственно капиталистические» тенденции обозначились с достаточной ясностью, процес сращивания бесспорно начался, но он протекал, в силу указанного антагонизма, очень медленно и вяло, в крайне противоречивых формах и к моменту крушения монархии на лицо были только зачатки, эмбрионы госкапитализма. Считая, что положение т. Крицмана в той формулировке, какую он дал, безусловно способно породить законные сомнения, мы, вместе с тем, никак не можем согласиться с теми

Весьма характерно было выступление самого министра торговли и промышленности Коновалова перед представителями Московской биржи в начале апреля 1917 г. В этом выступлении подчеркивалось, «что при современном положении дел, при недостатке в стране самых насущных предметов, при неизбежности для фабрик и заводов сокращать свою производительность вследствие

возражениями, с которым выступил против позиции т. Кричмана т. Г. Цыперович. Последний решительно восстал против характеристики царизма, как крепостнической, в основном, государственной организации. Тов. Цыперович считает, что такое определение «не соответствует рассматриваемой эпохе, которая знает царизм в новой экономической и социальной обстановке, окрашивающей ее в отчетливые капиталистические тона». В подкрепление своей мысли т. Цыперович указывает на то обстоятельство, что с развитием империализма происходит вырождение «буржуазной демократии» и «диктатура монополистического капитала обнаруживает огромное сходство и сродство с диктатурой самодержавия в России» (Синдикаты и тресты. Л. 1927. Стр. 179—180). Такой довод явно неубедителен. Признание известного сходства между диктатурой самодержавия и диктатурой монополистического капитала отнюдь не влечет неизбежно вывода об одинаковой социальной природе правительств западно-европейских стран и дореволюционной России. Ссылка на то, что в одном случае происходит, по мере развития империализма, вырождение «буржуазной демократии», а в другом мы наблюдаем изначальное отрицание этой самой «демократии», не может быть признана достаточно веской, так как отрицательное отношение к началам «буржуазной демократии» может покоиться на р а з л и ч н ы х с о ц и а л ь н ы х о с н о в а н и я х. Мы не собираемся, конечно, отрицать, что царизм выступил в рассматриваемую эпоху «в новой экономической и социальной обстановке». Не приходится также сомневаться в том, что царизм вынужден был делать капитализму те или иные уступки. Но между констатацией этих общеизвестных истин и отрицанием крепостнической помещичьей природы царизма лежит весьма почтенная дистанция. «Отчетливость» капиталистических тонов не так велика, как это представляется т. Цыперовичу. Впрочем, сам т. Цыперович, переходя к конкретному анализу фактического материала, вынужден к о с в е н н о признать правильность оспариваемого им положения (о социальной природе самодержавия и о значении этого момента при анализе проблемы сращивания). Разбирая причины неудачи «государственно-капиталистической» организации хозяйственной жизни в годы войны, т. Цыперович приходит к выводу, что остатки «старого крепостного режима были с л и ш к о м с и л ь н ы (разрядка моя. — *З. Л.*) для того, чтобы спокойно и легко приноровиться к новому «крепостному режиму», выросшему из капиталистической монополии». («Тресты и Синдикаты», стр. 307, 315, 316, 319).

недостатка сырья и топлива, при расстройстве транспорта и при необходимости, несмотря на все это, удовлетворять бесчисленные потребности фронта, — нет других средств, как только известное государственное вмешательство в частные торговопромышленные отношения и интересы и приобщение к делу регулировки торговопромышленной жизни широкой общественности и демократических кругов населения».

О наличии известного перелома в настроениях буржуазии свидетельствовала также речь фон-Дитмара в апреле, отмечавшего, правда, в весьма расплывчатой, неопределенной форме, что с ликвидацией старого режима вопрос об угольной монополии может и должен быть поставлен по-новому.

Все эти заявления не имели серьезных последствий. Буржуазия до поры до времени выжидала, ставя решение вопроса в зависимость от общей социально-политической конъюнктуры. Но прошло немного времени, и деятели буржуазии в один голос заговорили о пагубной роли регулирующей деятельности государства. Они открыто признавали, что война и вызванное ею расстройство экономической жизни поставили на очередь государственное регулирование народного хозяйства. Но, — далее констатировали они, — и после революции Россия не получила такой государственной власти, которой буржуазия могла бы доверить регулирование хозяйственной жизни. Эта точка зрения была довольно полно изложена в журнале «Горнозаводское дело». Автор статьи не мог не признать, что в условиях военного времени государственное регулирование промышленности необходимо уже по одному тому, что трата огромного количества хозяйственных благ на непродуктивные военные надобности должна, естественно, чрезвычайно суживать количество благ, предназначенных «для продуктивных целей и потребления населения». Специфическое направление производства в годы войны создает необходимость организованного, в соответствии с интересами государства, распределения свободного остатка продукции, размеры которой и в отдаленной степени не отвечают существующей потребности. «Но, — следовало дальше, — *такое регулирование мыслимо и осуществимо лишь при наличности развитого аппа-*

рата внеклассовой, или, точнее, надклассовой государственной власти. Революция была возможна потому, что при старом режиме такого аппарата у нас не существовало, но, с другой стороны, ясно было, что и революция, сразу выпустившая на свободу разнообразные и противоположные по своему направлению силы, одинаково скованные старым режимом, не в состоянии создать прочного базиса для истинной государственности. С этой точки зрения самым правильным разрешением вопроса о регламентировании промышленности после революции была бы полная отмена всякого регулирования, так как свободная борьба производительных сил, несомненно, выявила бы те здоровые тенденции, которые живы во всяком устойчивом промышленном организме, и возможные эксцессы при отсутствии регламентации были бы чем-то чрезвычайно скромным по сравнению с ужасом развала, который переживается сейчас в промышленности». [1]

Очень характерна статья, напечатанная в одном из июльских номеров «Промышленности и торговли». Реакция, наступившая после июльских дней, несколько подняла настроение буржуазии, и орган совета съездов неуверенно констатирует, что «теперь Россия как будто делает попытку вернуться от анархического к государственному бытию». Соответственно изменившейся обстановке меняется взгляд на регулирующую деятельность государства. Недостаточная определенность ситуации заставляет пока ставить вопрос в условной форме.

«Если власть сумеет встать выше отдельных классовых интересов и быть беспартийной, то нам не представляется страшным даже далеко идущее вмешательство в промышленную жизнь с целью приспособления ее деятельности к боевым задачам. Доведение войны до успешного конца представляется нам достижением величайшей важности, ради которой стоит пожертвовать временными выгодами и частными интересами». [2]

---

[1] «Горнозаводское дело», 1917, № 38-39.
[2] «Промышленность и торговля», № 26-27, от 22 июля.

Надежды буржуазии на «государственное бытие» не оправдались. Ставить на колени рабочий класс предпринимателям удавалось только в воображении. Не видно было сил, которые могли бы, в угоду буржуазии, разгромить рабочий класс и помочь возрождению дореволюционной «фабричной конституции». И буржуазия предпочитала все чаще и чаще прибегать к знакомым методам локаута и саботажа.

Шаткость социальных отношений и слабость буржуазной государственности делали невозможным сочувственное отношение буржуазии к политике организации хозяйственной жизни страны. Большое влияние на позицию буржуазии имело также сознание, что, при имеющемся налицо соотношении классов, механическое копирование германских и английских образцов явилось бы делом совершенно безнадежным: волей-неволей пришлось бы сделать ряд существенных уступок рабочему классу. [1]

Определяя пути своей экономической политики, Временное правительство, помимо давления «отечественной» буржуазии, испытывало также давление «союзного» капитала, требования которого имели для Врем. правительства в большинстве случаев силу «закона». Временное правительство избегало всяких шагов, способных хоть в минимальной степени задеть «союзников». Решительная политика, связанная с «подрывом» частной собственности, не была по силам Временному правительству уж потому, что она могла возбудить недовольство «союзной» буржуазии. До какой степени раболепства опускалось Временное правительство в своих отношениях с «союзниками», — свидетельствует чрезвычайно показательное дело с секвестром Путиловского завода, — дело настолько яркое, что на нем позволительно будет несколько дольше остановиться.

27 февраля 1916 г. постановлением Особого совещания по обороне был наложен секвестр на Путиловский завод, и между прочими договорами были расторгнуты четыре договора с французской фирмой Шнейдер-Крезо. Этот акт правительства, не расходившийся ни с «духом», ни с

---

[1] Касаясь этого вопроса, Ленин писал: «. . . по-гинденбурговски, по общему империалистскому образцу ввести военной каторги для рабочих наше правительство не может — слишком еще живы в народе традиции, воспоминания, следы, навыки, учреждения революции . . .» (Собр. соч., т. XIV, ч. 2, изд. 1-ое, стр. 199).

буквой закона, встретил настойчивые, резкие возражения со стороны французского посольства. Французское посольство «без лишних слов» дало понять, что правительство Французской республики придает самое серьезное значение вопросу, в котором заинтересованы как крупнейшие металлургические предприятия Шнейдера, так и французские банки. Палеолог требовал возобновления всех договоров, предупреждая, что, в случае упорства русского правительства, «Париж должен будет mettre M. Bark en demeure». В официальных донесениях отмечалось «беспокойство» Палеолога, его «чересчур взволнованное» состояние.

Под нажимом французского посольства военное ведомство вынуждено было отказаться от своей первоначальной точки зрения и признать возможным возобновление контрактов с фирмой Шнейдер-Крезо, исключая контракт, заключенный 16 июля 1913 г. в Вене по вопросу о техническом сотрудничестве в области судостроения. Начальником главного артиллерийского управления генералом Маниковским было созвано для обсуждения вопроса о возможности возобновления договора от 16 июля специальное совещание с участием правительственного правления Путиловского завода и представителей морского ведомства и министерства иностранных дел. Совещание признало невозможным возобновление договора, считая, что неизбежным следствием восстановления договора будут замедление в своевременном исполнении судостроительной программы и нарушение «интересов морской обороны». По жалобе министерства иностранных дел дело о возобновлении контракта 16/VII 1913 г. поступило на обсуждение совета министров (16 ноября 1916 г.), ставшего, за исключением Нератова, на точку зрения военно-морского ведомства. Постановление совета министров вызвало повторную яростную атаку со стороны Палеолога. Фирмой Шнейдер-Крезо были сделаны некоторые малозначительные уступки, не затрагивавшие существа вопроса. Но не эти уступки, а лишь исключительный напор посольства привел к тому, что совет министров в своем заседании 13 января 1917 г., «идя навстречу настойчивым по сему предмету представлениям французского правительства», уже не усмотрел препятствий «к восстановлению вышеупомянутого договора с одновременной за-

меной его новым на основаниях, установленных по ближайшем соглашении министерства иностранных дел с военным министром».

До революции это постановление совета министров не успело получить окончательного утверждения верховной власти. Делом о контракте с фирмой Шнейдер-Крезо пришлось заняться Временному правительству. Поведение Временного правительства в этом деле исчерпывающим образом выявило преданность его «союзникам», его нежелание и неспособность что-нибудь предпринять для смягчения продиктованных французским посольством условий, находившихся в резком противоречии с интересами секвестрованного предприятия. Милюков, возбуждая перед князем Львовым вопрос о необходимости подтверждения постановления совета министров от 13 января 1917 г., признал «неоднократные домогательства» французского правительства и «правильными» и «справедливыми» (!). Фирма Шнейдер-Крезо, поддерживаемая посольством, учитывая, при наметившейся линии поведения «революционного правительства», возможность проведения «программы-maximum», решила отказаться от уступок и стала добиваться восстановления договоров в их первоначальном виде. Военное ведомство, отказавшись еще до революции от своего намерения расторгнуть договоры с фирмой Шнейдер, имело в виду не восстановление старых договоров, грозивших огромными убытками казне, а заключение новых договоров от имени главного артиллерийского управления. Но интересы страны были оттеснены на задний план интересами французской промышленно-финансовой группы, и артиллерийское управление вынуждено было зачеркнуть и то немногое, что осталось от его первоначальных требований. Терещенко в своем письме от 8 августа жаловался Керенскому на «тот чрезвычайный вред», который причиняет отношениям с союзниками военное ведомство, и просил принять меры к тому, чтобы вопрос о восстановлении договоров с фирмой Шнейдер-Крезо «получил разрешение в самом ближайшем будущем, так как настоящее положение этого дела неблагоприятно отражается на наших переговорах с французским правительством, когда нам приходится прибегать к его помощи для обеспечения наших интересов». Санкции Ке-

ренского не пришлось долго ждать, и 18 августа Терещенко извещал Маниковского, что договоры, заключенные Обществом путиловских заводов с французской фирмой Шнейдер-Крезо, «должны быть восстановлены, а не возобновлены». 3 октября министерство иностранных дел вновь напоминало Маниковскому, «что скорейшее восстановление. . . контрактов попрежнему признается настоятельно желательным. . .». В своем ответе на напоминание министерства иностранных дел военное ведомство сообщило, что еще 15 сентября было предписано правительственному правлению Путиловских заводов незамедлительно восстановить договоры с Шнейдер-Крезо.[1]

При Временном правительстве фирме Шнейдер-Крезо не стоило особого труда настоять на принятии всех ее требований. В деле, которое затрагивало весьма важные интересы, Временное правительство не обнаружило абсолютно никакой воли к борьбе с вопиющими притязаниями «союзного государства» и в своей уступчивости далеко обогнало царское правительство.

История с фирмой Шнейдер-Крезо чрезвычайно характерна для отношений между Временным правительством и «союзниками». Этот пример лишний раз подтверждает правильность утверждения М. Н. Покровского о громадных «достижениях» иностранного капитала при Керенском.[2] Приведем еще один пример, характеризующий настроения руководящих кругов российской буржуазии по отношению к иностранному капиталу. Один из лидеров кадетской партии, А. И. Шингарев, без обиняков заявил на IX съезде своей партии, что «главное для нас (разрядка моя. *З. Л.*) — это ввоз иностранного капитала. . .» Аналогичные утверждения можно легко найти в выступлениях и многих других деятелей буржуазии в эпоху «керенщины». Война вызвала величайшие потрясения в экономической жизни России, обескровила хозяйственный организм страны (последний и ранее прибегал к систематическому перели-

---

[1] Архив рев. и внешн. политики, эк. деп-т МИД, 1917 г., д. VI/453 В.

[2] «. . . закабаление России иностранному, а именно антантовскому капиталу . . . расцвело окончательно к 1917 г. и носит имя «керенщины . . .» — Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. Изд. 2-е. М. 1927 г.

ванию чужой «крови») и тем самым ослабила сопротивляемость российской экономики перед напором иностранного капитала. Буржуазия тем легче склоняла колени перед «антантой», чем напряженнее становилась классовая борьба, чем сильнее возрастало недовольство масс и чем острее, в связи с этим, ощущалась нужда в посторонней «опоре». Новизны в создавшемся положении было мало — происходило лишь завершение процесса, наметившегося с полной определенностью и ясностью уже в предвоенный период.

При таких отношениях между правительством и «союзниками» не могло быть речи о действительной борьбе с хозяйственным распадом, неизбежно связанной с потрясением существующих социальных отношений. Недаром русский министр иностранных дел счел полезным в своей информационной телеграмме российским представителям за границей особо подчеркнуть, что, «признавая основной принцип государственного вмешательства» в промышленную жизнь, правительство не собирается ни «поражать принцип частной собственности, ни нарушать общие хозяйственные условия». [1]

Правда, был и случай «ослушания». Мы подразумеваем здесь отрицательный ответ правительства группе английских предпринимателей, возбудивших вопрос о государственном контроле. Но необходимо иметь в виду, что группа промышленников, ратовавших за «контроль», была весьма немногочисленна и не имела особенно влиятельных деятелей в своем составе. Ходатайство промышленников было поддержано Артуром Гендерсоном, но к предложениям этого английского министра Временное правительство относилось с плохо скрываемым скептицизмом. [2] В конечном счете в среде буржуазии не было более или менее серьезных разногласий по во-

---

[1] Архив рев. и внешн. политики, МИД, 1917 г., д. 357—361/77.

[2] Терещенко обнаружил свое отношение к Гендерсону в секретной телеграмме поверенному в делах в Париже (от 18/VII), в которой он писал: «. . . Опыт миссии Гендерсона доказал, что прибытие деятеля, не находящегося в курсе наших внутренних дел, если к тому же у него возникают трения с официальными представителями своего правительства, ведет скорее к отрицательным результатам . . .» (Архив революции и внешней политики, министерство иностранных дел, секр. арх., 1917 г., д. № 1757/532).

просу о государственном контроле, и иностранные капиталисты в России, в своей массе, в согласии со своими российскими собратьями, решали вопрос о государственном регулировании народного хозяйства в отрицательном смысле. Временное правительство не отличалось необходимой устойчивостью, не обладало достаточной силой сопротивления растущей мощи масс, чтобы «союзные» государства, при всей преданности Временного правительства «союзному» капиталу, могли доверить этому правительству экономическую судьбу «своих» граждан. У «союзников» не было основания настаивать на усилении государственного регулирования, поскольку дело даже доходило, в виду явного бессилия Временного правительства, до возбуждения вопроса о вызове иностранных войск для «защиты интересов» иностранных капиталистов. . . В августе американский посол Фрэнсис, ссылаясь на сообщение «Русского слова» о том, что министерство торговли и промышленности признало себя бессильным дать иностранцам гарантию личной и имущественной безопасности, писал Терещенко: «В связи с вышеизложенным до меня дошли слухи, что французы предпринимают активные шаги для защиты своего имущества и что с этой целью ожидаются даже французские войска. . . в Москве имеются крупные американские компании, а в виду того, что ко мне часто поступают жалобы от них, я хотел бы иметь возможность успокоить их и обещать им защиту». В заключение своей ноты Фрэнсис просил разрешить ему принять своими силами необходимые меры для охраны американских интересов.[1]

Этот характерный документ свидетельствует, как низко котировалась в глазах «союзников» способность Временного правительства к защите «священной собственности» (именно способность, а не добрая воля, — последняя не возбуждала сомнений). При таких настроениях союзников не могла прельщать перспектива углубления регулирующей деятельности государственной власти.

Взгляды буржуазии на проблему регулирования обусловили отрицательное отношение ее к идее принудительного

---

[1] Архив революции и внешней политики, министерство иностранных дел, 1917 г., дело эк. департамента.

синдицирования, к проектам контроля над производством и пр.

Руководящую роль в борьбе за неприкосновенность «частной инициативы» играли банки, срывавшие финансирование угольной монополии, уклонявшиеся от финансирования индустрии вообще и т. д.

Исключительно агрессивное поведение банков определялось, помимо общих для всей буржуазии причин, тем, что, при углублении регулирующей деятельности государственной власти, им грозило бы ослабление непосредственных связей с финансируемыми предприятиями и потеря того самостоятельного места, которое принадлежит им в условиях «свободной игры сил». При политике планомерной организации всего народного хозяйства неминуемо потерпела бы ущерб и та спекулятивная деятельность, которую банки широко развернули в годы войны.

В лучшем случае правительство готово было итти на ущемление торговой буржуазии, не без санкции организаций промышленного капитала. Последнее объяснялось не столько тем, что функции торгового капитала были резко отделены от функций капитала промышленного, — это как раз приложимо к изучаемой эпохе в самой отдаленной мере, — сколько тем, что буржуазия, скрепя сердце, могла допустить некоторое ограничение «частной инициативы» в сфере обращения, но не в области производства. Ряд регулирующих мероприятий правительства был главным своим острием направлен против частно-капиталистического торгового аппарата, с филиппиками именно против торговцев выступил в своей известной записке Степанов и т. д. Что промышленники готовы были в известных случаях пожертвовать интересами торговой буржуазии, — показывает, к примеру, весьма характерное выступление на заседании совета Петроградского общества заводчиков и фабрикантов видного деятеля о-ва Шпергазе, требовавшего отделения, при организации торгово-промышленных палат, торговцев от промышленников, «так как до сих пор слишком часто на счет промышленников ставились грехи торгового класса». [1]

---

[1] Архив Истпрофа ВЦСПС, Петроградское об-во зав. и фаб., 1917 г., проток. совета.

Промышленники иногда допускали мероприятия, идущие в разрез с интересами торговой буржуазии. Это — факт бесспорный. Но, констатируя этот факт, нельзя забывать, что весьма часто противоречия между различными слоями буржуазии стушевывались перед лицом общей опасности, оттеснялись на второй план потребностями консолидации сил в общей борьбе за неприкосновенность капиталистической собственности.

Экономические лозунги, защищавшиеся «представительными» организациями промышленной и финансовой буржуазии, нашли себе место и в программе и выступлениях «партии народной свободы», собравшей под свои знамена в 1917 г. основную массу российской буржуазии.

В начале революции, когда еще не выяснилось окончательно соотношение классовых сил, кадеты склонны были допустить необходимость поворота в экономической политике. Необходимость такого поворота мотивировалась тем, что «если прежде против монополий всегда выдвигалось справедливое возражение, что бюрократическое правительство неспособно вести сколько-нибудь рационально хозяйство, что все аргументы в пользу государства в русских условиях теоретичны, то теперь, когда у нас начинается настоящая государственность, введение той или иной монополии может обсуждаться без всякой примеси внехозяйственных соображений». [1]

Но через короткое время кадеты стали вновь обнаруживать склонность к «внехозяйственным соображениям». На IX всероссийском съезде кадетов делегаты резко критиковали принцип монополизации, утверждая, что государственная монополия хороша только там, где «есть сильная государственная власть», где государству не грозит опасность захвата «классовыми организациями». [2]

Скромная экономическая программа, оглашенная на Московском совещании Чхеидзе, была кадетами отвергнута. Не решившись открыто выступить против принципа государственного контроля, они выразили свое действительное отношение к этому принципу в двусмысленном замечании о «спорности» пределов его применения. [3]

---

[1] «Речь», 1917, № 68, ст. Я. Букшпана.
[2] «Речь», № 173.
[3] «Речь» от 18 авг.

*

Известный деятель кадетской партии А. Каминка выступил с прямым протестом против «слепой веры во всемогущество законодателя», против возложения на законодательный аппарат задач, «которые вообще законодателю в данных условиях совершенно не по силам». Как яркий образчик «ничем несокрушимой веры в силу законодательствования», Каминка привел правительственную декларацию, в которой содержались обещания безотлагательно приступить к проведению в жизнь твердых цен на основные предметы промышленности, ввести особым законом государственный контроль над производством и т. п. Эти обещания вызвали со стороны кадетского экономиста несколько язвительных замечаний по адресу правительства, забывающего, мол, «какими средствами оно располагает». [1]

Можно сослаться еще на целый ряд документов, говорящих об отрицательном отношении кадетской партии к государственному вмешательству в хозяйственную жизнь. Чтобы не загромоздить без нужды работу лишними выдержками, мы остановимся еще на одном партийном документе, отчетливо рисующем экономическую платформу к.-д. Мы имеем в виду брошюру В. М. Штейна «Наши экономические и финансовые задачи», выпущенную литературно-издательской комиссией «партии народной свободы» и включенную в число рекомендуемой партией литературы. Следовательно, партийное происхождение этой работы бесспорно.

Всю вину за разруху кадетский экономист взваливает на пролетариат, не желающий прислушиваться к благоразумным призывам «о временном воздержании и ограничении своих потребностей». Буржуазия, по мнению Штейна, не заслужила этого упрека, так как «рост заработной платы, достигающий огромных размеров, а также проектируемое резкое усиление обложения имущих классов обещают целиком поглотить прибыли торговопромышленных кругов». Добиваясь «количественного и качественного роста своего потребления, рабочие не хотят видеть, что их претензии должны натолкнуться на непреодолимое сопротивление не только со стороны предпринимателя. . . но и со стороны основных законов народного хозяйства».

[1] «Речь» 1917 г., № 234, ст. А. Каминка.

При таком «Standpunkt'е» легко представить себе те средства, которые предлагает кадетская партия, устами своего ученого, для борьбы с экономическим кризисом. В первую очередь сюда, понятно, относятся ограничение заработной платы и «подчинение вопроса о длительности рабочего дня интересам производительности труда», т. е., выражаясь попроще, погрубее, увеличение рабочего дня. В своей налоговой политике государство должно очень бережно относиться к буржуазии. Такое же бережное отношение к последней должны усвоить и рабочие, которые обязаны понять, что «если рост заработной платы проглотит всю прибыль, то казна ничего не получит из этого источника». Касаясь отдельных видов налогов, Штейн заботливо рекомендует «в области прямых налогов по возможности ограничиваться обложением доходов и щадить капитал». Поимущественный налог может быть введен лишь при крайней нужде и «должен выразиться в очень небольших долях имущества. . .»

Штейн не боится провозгласить и такую радикальную меру, как «трудовая повинность». Но взгляните, какое содержание вкладывается им в это понятие. Первое: трудовая повинность мыслится им как. . . «добровольная». Второе: провозглашая, что «в свободной России не должно быть нетрудовых классов», автор кадетской брошюры-декларации включает в одну категорию и труд промышленного рабочего и. . . предпринимательскую деятельность.[1]

Штейн дает нам возможность легко нащупать центральную ось кадетской экономической программы: стремление взвалить все тяготы хозяйственной разрухи на плечи пролетариата. Штейн очень хорошо сформулировал основные лозунги кадетской партии в области экономической политики: для рабочих — ограничение потребления, уменьшение заработной платы, увеличение рабочего дня, — для буржуазии — «щадить капитал. . .» Вот и «смысл философии всей» партии, кичившейся с давних пор своей «внеклассовостью».

Напрасно мы станем искать в «перечне финансовых и эко-

[1] В. М. Штейн. Наши экон. и финансовые задачи, 1917 г. Стр. 6.

номических задач» хотя бы легкий намек на постановку проблем организации народного хозяйства, контроля над промышленностью и т. п. Молчание по этим вопросам так же красноречиво, как и откровенные высказывания Каминки...

Партии мелкой буржуазии делали попытку создать свою собственную экономическую программу, отличную от программы крупной буржуазии. Меньшевики видели гибельные последствия старого, дореволюционного курса экономической политики и все больше убеждались, что совершенно исключена возможность спасения страны «отдельными паллиативами» (Череванин) в стиле и духе царской России. В среде меньшевиков получило довольно широкое признание положение, что ни одна отрасль хозяйства не может существовать без регулирующего вмешательства государства, что необходимым условием успешной борьбы с разрухой является планомерная организация хозяйства (капиталистического!)

Экономическая программа меньшевиков была наиболее обстоятельно разработана меньшевистскими руководителями экономического отдела исполкома Петроградского совета. Эта программа была особенно подробно изложена 16 июня на экстренном заседании исполнительного комитета, посвященном обсуждению вопроса об экономической политике Временного правительства. Докладчики единодушно констатировали «ужаснейшее состояние» народного хозяйства. В принятой по докладу резолюции было зафиксировано, что «настало время перейти к работе народно-хозяйственного организма по заданию государства, под его контролем и даже прямым руководством. Частный предприниматель и торговец должны быть ограничены в сфере извлечения прибыли и самого направления своей частнохозяйственной деятельности. Для многих отраслей промышленности настало время для торговогосударственной монополии (хлеб, мясо, соль, кожа), для других условия созрели для образования регулируемых государством трестов (добыча угля и нефти, производство металла, сахара, бумаги) и, наконец, почти для всех отраслей промышленности современные условия требуют регулирующего участия государства в распределении сырья и вырабатываемых продуктов, а также фиксации цен». Резолюция требовала

установления государственного контроля над кредитными учреждениями, ограничения частных эмиссий, высокого обложения имущих классов, принудительного займа («в крайнем случае») и пр. Специальный раздел резолюции был посвящен плану организации центральных регулирующих учреждений, совещательных и исполнительных. В резолюции предусматривалось сосредоточение всей хозяйственной деятельности по производству, заготовке и распределению монополизированных и подчиненных регламентации продуктов в комитете снабжения. Организованные в годы войны многочисленные хозяйственные комитеты и особые совещания подлежали преобразованию в дифференциальные отделы этого комитета.

Мы имели уже случай заметить, что отдельные пункты этой программы как бы удостоились санкции Временного правительства, которым были оформлены некоторые монополии, организованы центральные регулирующие органы и т. д. Но даже меньшевики понимали, что Временное правительство не намерено всерьез ограничивать частнохозяйственную деятельность, и иногда робко, в просительных тонах, возбуждали вопрос о необходимости «нового курса». В упомянутом нами заседании 16 июня исполком особо отметил, что резолюции Всероссийского совещания советов не дали никаких плодов, так как правительство «уклонилось не только от их выполнения (резолюций — *З. Л.*), но и от их постановки». Меньшевик Шуб в меланхолическом тоне рассказывал исполкому, что правительственный аппарат отказывается проводить в жизнь рекомендуемые меньшевиками меры «даже в той их части, которая может быть проведена». Эффект меньшевистских жалоб и упреков был ничтожен, и незадолго до крушения «керенщины» виднейший меньшевистский экономист Череванин имел полное основание упрекать государственную власть в бездеятельности. [1]

Казалось бы, что такое отношение правительства к экономическим лозунгам меньшевиков должно было побудить последних к пересмотру их взглядов на роль буржуазии в революции, но. . . законы логики писаны не для меньше-

---

[1] «Рабочая газета», 1917 г., № 185.

визма. Идея «коалиции» представлялась меньшевикам высшим законом революции, и всякий факт, способный поколебать веру во всеблагую силу этой идеи, рассматривался ими как проявление скорее «случайности», чем «необходимости». Они зато охотно взывали к благоразумию буржуазии, доказывая, что в планомерной организации народного хозяйства заинтересованы якобы «все производительные классы населения, заинтересован рабочий класс, крестьянство и *сами капиталисты*». Докладчик на Всероссийском совещании советов меньшевик Богданов, мнивший себя, конечно, марксистом, глубокомысленно рассуждал о том, что «интересы производства и промышленности должны быть прежде всего подчинены интересам общегосударственным, а не интересам тех или иных групп населения».

Теория о «заинтересованности всех классов населения» и об «общегосударственных интересах» понадобилась меньшевикам для обоснования их тезиса о возможности «поставить планомерное регулирование и при теперешнем (т. е. коалиционном — *З. Л.*) правительстве».

Вся программа, выдвинутая меньшевистскими экономистами, *упиралась* в «коренной вопрос революции», в вопрос о власти. Решив этот вопрос в пользу буржуазии, меньшевики тем самым превратили свою экономическую программу в грошевый «клочок бумаги». Интересно отметить, что вожди партии, занятые вопросами «высокой политики», относились к проектам своих экономистов весьма́ холодно и неприязненно.

В рядах эсеров экономические вопросы не пользовались особым вниманием. На 4-м съезде партии с.-р., собравшемся в ноябре 1917 г., после победы Октябрьской революции, некоторые из выступавших деятелей партии склонны были видеть причину краха эсеровщины в игнорировании социально-экономических вопросов. Такие упреки раздавались и со стороны присяжного экономиста партии Прилежаева и со стороны одного из партийных лидеров Утгофа. Последний горестно восклицал: «Народ сделал революцию ради не политических свобод, а социальных реформ, а в этом отношении *нами ничего не сделано*». Далее оратор подчеркивал, что ЦК обращал все внимание на вопросы политики и оста-

влял почти без обсуждения вопросы социальные. [1]

Одних общих ссылок на увлечение ЦК «политикой» было, конечно, недостаточно для объяснения происшедших событий. Здесь следовало бы вскрыть суть этой «политики», ее приспособление к интересам и нуждам буржуазии, но до таких обобщений мысль эсеровских ораторов, конечно, не смогла подняться. Но отмеченный ими факт безразличного отношения к вопросам экономики ни в какой мере не противоречил истине. Характерный момент: третий съезд п. с.-р., на котором стояло несколько докладов, посвященных социально-экономическим проблемам, даже не нашел времени для принятия резолюции по экономической политике.

Одним своим крылом п. с.-р. в вопросах экономической политики почти сливалась с буржуазными организациями. Один из основных докладчиков III съезда, Воронов, взял с самого начала под сомнение возможность осуществления в России программы регулирования промышленной и торговой жизни из единого государственного центра и привлечения к контролю над производством демократии. По мнению Воронова, для проведения этой программы необходимы три условия: а) наличность сильной государственной власти, б) «наличность определенной спайки всего хозяйственного положения», в) наличность действительной, реальной организации рабочего класса. Отметив наличие этих условий в Германии, Воронов стал заверять съезд, что «ни одно из указанных. . . условий не имеется в наличности у нас в России». При отсутствии сильной государственной власти, «которая могла бы взять в свои руки руководство всеми делами, контролировать и регулировать все производство у нас в России не приходится совершенно». Затем «сколько угодно можем негодовать на буржуазию, которая не дает денег на заем свободы, но мы не можем сделать ничего, пока у нас нет реальной опоры в хозяйственном развитии страны». И, наконец: «настоящей организации рабочего класса в России не существует. . . нам приходится признать, что классовой организации в том смысле, в каком она нужна для борьбы с экономической раз-

[1] Отчет о 4-м съезде п. с.-р. — «Дело народа», 1917 г., №№ 220—223.

рухой, у нас еще не имеется» (!). Словом, что немцу здорово, то русскому смерть. . . Не найдя в России необходимых условий для регулирования и организации хозяйственной жизни, Воронов авторитетно признал, что все планы, рассчитанные на ликвидацию «свободной игры сил», «висят в воздухе». . .[1]

К доводам Воронова мог бы присоединиться любой «экономист» из «Горнозаводского дела» или «Речи». Хотя точка зрения, развитая Вороновым, и не являлась преобладающей в партии эсеров, все же это выступление должно быть признано чрезвычайно интересным, так как оно выявило настроения определенной части партии с.-р.

Кроме Воронова, вопросов экономической политики касались (на съезде) Прилежаев, Фирсов-Розенблюм, Коварский. Последним был предложен редакционной комиссии III съезда проект резолюции по экономической политике, собравший 5 голосов из 7. По «недостатку времени» ни в заседании секции, ни в пленуме съезда проект резолюции на голосование не ставился. Тем не менее некоторое представление об экономических лозунгах эсеров можно, на основании этого документа и указанных выступлений, получить, тем более, что к нашим услугам имеется также текущая эсеровская печать.

За исключением Воронова, все докладчики по социально-экономическим вопросам высказались за необходимость государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. С трибуны съезда было указано, что «экономическими условиями и интересами демократии диктуется необходимость перехода к работе народного хозяйства страны по заданию государства, под его контролем и руководством». На государство возлагалась обязанность по проведению в жизнь ряда государственных монополий как в области торговли, так и в наиболее «концентрированных» отраслях промышленности.

Подобные идеи мы находим и в «платформе» эсеров, опубликованной в связи с выборами в Учредительное собрание. Эсеры клялись в своей «платформе» «настаивать на учреждении государственного общественного контроля над производством при участии рабочих организаций» и на про-

[1] Протоколы III съезда партии с.-р., 1917 г.

ведении «государственных монополий на важнейшие отрасли промышленности».[1] В этом же духе высказалась эсеровская печать, требовавшая «сознательного регулирования производства и контроля над ним со стороны демократии», принудительного синдицирования и даже национализации путем в ы к у п а (!) монопольных предприятий.

Докладчик на эсеровском съезде выдвинул, касаясь состава хозяйственных комитетов, принцип равного представительства рабочих, с одной стороны, и капиталистов вместе с демократическими организациями, с другой. При этом была сделана следующая оговорка, характеризующая степень искренности эсеров: «Но это только принцип. Фактически мы не можем провести этот принцип». . . Таких оговорок, выявляющих непоследовательность и противоречивость эсеровской программы, можно, повторяем, найти весьма немалое количество.

Эсеры видели, что Временное правительство «не предполагает осуществить даже то, что давно уже вошло в практику Западной Европы и Америки». Но вместо того, чтобы последовательно и до конца разоблачать классовую ограниченность и бесплодность экономической политики «керенщины», вместо призыва масс к борьбе с правительством, усугубляющим своей деятельностью экономическую разруху, эсеры услужливо отводили от «коалиции» удары и старательно отвлекали внимание масс от настоящих виновников хозяйственной дезорганизации. Недовольство масс эсеры остроумно объясняли тем, что «массы, по большей части, малосознательны и совсем не подготовлены для правильной ориентировки в сложных и запутанных вопросах экономической, внутренней и внешней политики». Если «за полгода разруха не замедлена», то виновна та же «демократия». «С первых же дней революции и до настоящего момента демократия львиную долю своей жизни уделяла вопросам политическим. И весьма мало — экономическим».

Эсеры «центра» («Дело народа») и правые («Воля народа») защищали в б о льшинстве одни и те же экономические лозунги. Разница была л ишь в том, что «воленародцы» относительно м еньше и глуше говорили о «но-

[1] «Что будет отстаивать в Учр. собр. партия соц.-рев.» См. «Дело народа», № 189.

вых путях» экономической политики и с бо́льшим жаром превозносили «достижения» Временного правительства. Если эсеры «центра» склонны были всю вину за убожество социально-экономической политики «керенщины» возложить на «демократию», то «воленародцы» отказывались вообще говорить о неудовлетворительности правительственных мероприятий. По их мнению, все обстояло как нельзя лучше. Что мы здесь не преувеличиваем, можно видеть из следующей характерной цитаты:

«Коалиционная власть ничего не сделала!» Как раз наоборот: коалиционная власть сделала почти все, что требуется программой-минимум социалистических партий,—вот как обстоит дело фактически... Правительство провело настолько решительные реформы, что собственно больше и нечего проводить. В самом деле, чего же можно еще требовать? Разве только социализации фабрик. Но от этого отказываются даже большевики... Ответ прост. Если коренные реформы, проведенные Временным пр-вом, не воплотились целиком в жизнь страны, то потому, что страна еще не вполне созрела для них, потому что она еще не в состоянии усвоить их». В другом месте Питирим Сорокин патетически восклицает: «Но разве всего того, что сделано за эти 4 месяца, не хватило бы в нормальное время на многие годы?!».[1]

Можно ли, при такой позиции эсеров, серьезно говорить о какой-нибудь самостоятельной их линии в вопросах экономической политики. Капитулируя в отношении политической власти перед буржуазией, эсеры, как и меньшевики, фактически уподобляли свою и без того куцую программу «пропавшей грамоте». Решение «проблемы власти» соответственно интересам буржуазии предопределяло отказ эсеров от борьбы за «новые пути» экономической политики и придавало сугубо-академический характер их разговорам о «планомерной организации народного хозяйства». Отказавшись затратить лишнее время на обсуждение резолюций по экономической политике, эсеровский съезд обнаружил известную логичность и последовательность мышления: положительное решение вопроса о коалиции с буржуазией лишало всякой актуальности специальную «экономическую» резолюцию...

[1] «Воля народа», 1917 №№ 91, 120.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ФИНАНСЫ.

Военные расходы. — Налоговая политика. — Внутренние и внешние займы. — Состояние денежной системы.

В 1917 г., после февральских событий, финансовое положение страны, по сравнению с предшествующим военным периодом, резко ухудшилось. Война продолжала поглощать огромные средства, и под бременем военных расходов страна истощала свои последние силы.

Средний военный расход в день

1915 г.		24,1	м. р.
1916 »		40	» »
1917 »	январь — февраль	50,6	» »
	март — апрель	54,0	» »
	май — июнь	61,0	» »
	июль — август	66,6	» »

Февральская революция не освободила страну от «военного бюджета» и тем самым должна была неминуемо привести ее к финансовому краху.

Известное облегчение могла бы доставить стране коренная реконструкция налогового дела. Но к реорганизации налоговой системы Временное правительство приступило с явной неохотой. Прошло свыше 3 месяцев, пока, наконец, при коалиционном правительстве, было принято постановление по вопросу о прямых налогах.

Министр труда Скобелев, намечая в своей известной речи от 13 мая необходимые финансовые мероприятия, договорился до предложения об отчуждении в с е й предпринимательской прибыли. Ленин оценивал выступление Скобелева, как «образчик бьющей на эффект фразы». Опубликованные в июне налоговые законы были, как и сле-

довало ожидать, несравненно скромнее тех проектов, которые выдвигались в речи Скобелева.

12 июня Временное правительство выносит постановление, согласно которому подлежат повышению оклады государственного подоходного налога, установленные законом 6 апреля 1916 г. Доход, не превышающий 1 000 руб., освобождается от обложения подоходным налогом. С доходов, превышающих 1 000 руб. (до 4 000 р.) взимается 1,1%, свыше 4 000 (до 20 000) — 20%, свыше 20 000 — 25% и т. д. Доход, превышающий 400 000 руб., облагается в размере 120 000 руб., с прибавкой к этой сумме по 3 050 руб. на каждые десять тысяч руб. дохода сверх четырехсот тысяч руб.

12 июня также принимается постановление об единовременном налоге. Налогу подлежат лица, привлеченные в 1917 г. к платежу государственного подоходного налога, если доход исчисляется в сумме свыше 10 000 руб. Если сумма единовременного налога вместе с суммами причитающихся с плательщика за 1917 г. как государственных налогов (поземельных, с городск. недвижимых имуществ, промысловых и торгово-промышленных предприятий, подоходный налог на прирост прибыли), так и местных (земский, городской, волостной) сборов с недвижимых имуществ, превышает 90% дохода, то сумма единовременного налога уменьшается соответствующим образом.

Принятое одновременно с постановлением о подоходном и о единовременном налогах постановление о налоге на военную прибыль вносит ряд изменений и дополнений в закон, утвержденный 13/V — 1916 г. Согласно постановлению облагаются одни лишь промышленные организации. Объектом обложения является разница между прибылью в 1916 и 1917 окладные годы и в предшествующий войне период. Для неотчетных предприятий налог составляет 30%, если сумма прироста прибыли не ниже 1 тысячи руб., достигает 60%, если прирост превышает 100 000 руб. Предприятия, обязанные публичной отчетностью, платят минимальную ставку в 40% прироста, причем ставка эта прогрессивно повышается, доходя до 80% (максимум).

Акты 12 июня были безусловно заметным шагом вперед. Но даже сторонники Временного правительства нехотя

признавали, что ставки подоходного налога уступают английским. Значение единовременного налога ослаблялось рассрочкой его на целых три года. Кроме того, обложение единовременным налогом начиналось с такой крупной суммы, как 10 000 руб. В ряде иностранных государств налог на военную прибыль был установлен уже в 1915 г. и охватывал также военную прибыль, вырученную с августа 1914 г., что дало возможность учесть всю прибыл и весь доход за годы войны. По закону же Временного правительства подлежала обложению лишь прибыль за 1916 г. и 1917 гг. Таким образом первые полтора года войны остались за пределами действия нового закона. «Между тем именно в первый период, — верно отмечал проф. И. М. Кулишер, — вследствие чересчур высоких цен на военные поставки и подряды выручепная прибыль была крайне высока». [1]

Мало того. Помимо отмеченных и ряда других дефектов, законы от 12 июня обесценивались также тем, что правительством не было намечено действительно эффективных реальных мер контроля и борьбы с уклоняющимися от уплаты налога. И приходится ли удивляться, что налоги вносились при Временном правительстве крайне слабо! [2]

Интереснее всего, что законы от 12 июня в своем первоначальном виде жили очень и очень недолго.

Вся капиталистическая пресса, все организации буржуазии дружно выступили против налоговой реформы. Они были поддержаны и рядом влиятельных государственных учреждений (Особое совещание по обороне, м-во торг. и пром.). Центральный орган Совета съездов представителей промышленности и торговли настаивал, что ближайшей задачей Временного правительства должен быть пересмотр налоговых мероприятий «в целях приспособления их к действительным экономическим возможностям». В другой статье предлагалось перенести уплату

---

[1] «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917 г., № 33.

[2] Подоходного налога поступило по октябрь включительно всего 164,1 млн руб. Эта сумма была, как правильно констатировал Г. Дементьев, «очень далека от ожидавшихся по сметным предположениям 500 млн руб.», — «Торг.-пром. газ.», 1918, № 51.

дополнительного обложения на будущий год. [1] По мнению экономистов из «Промышленности и Торговли» принцип «ограничения прибылей явно противоречит самому существу капиталистического хозяйства». Промышленники, не имея возможности объявить попросту мифом военные прибыли, старались доказать, что эти прибыли должны остаться, в интересах народного хозяйства (!), в карманах промышленников. «Мы не отрицаем значительного обогащения некоторых отраслей промышленности за время войны, [2] но полагаем, что именно только наличность крупных средств, накопленных благодаря военной конъюнктуре, обеспечит этим отраслям промышленности возможность дальнейшего расширения и успешной борьбы с иностранной конкуренцией в мирное время». [3] Экономистам из Совета съездов вторил проф. И. Х. Озеров: «Такой нормировкой дивидендов предприятий мы искусственно будем прививать микробы бесхозяйственности нашим предприятиям, привьем легкое отношение руководителям в ведении дела. . . У нас разрушают сельское хозяйство (твердыми ценами), теперь хотят оседлать пролетарского коня и раздавить промышленность». [4]

11 сентября Временному правительству была послана докладная записка м-ра финансов «О перенесении на 1918 г. обложения единовременным налогом и о некоторых изменениях в исчислении и взимании налогов: на прирост прибылей, вознаграждения и подоходного».

---

[1] «Промышленность и Торговля» от 8 июля.

[2] Вот несколько цифр, показывающих, какие прибыли получали предприятия в последнем предреволюционном году (1916). Акц. о-во «Соединенные кабельные заводы» заключило год при валовой прибыли в 11 297 464 руб. с чистой прибылью в 10 299 039 р. При основном капитале в 6 млн руб., прибыль составила 160%. При основном капитале «Сормовского акционерного о-ва» в 15 млн руб. чистая прибыль равнялась 10 550 666 руб. Страховое о-во «Волга» получило прибыли 166,7%. Пароходное о-во «Самолет» при акционерном капитале в 2 500 000 руб., получило чистой прибыли 2 940 821 руб. 72 акционерных предприятия, относившиеся, по определению В. Шарого, к «менее бойким и прибыльным», увеличили в 1916 г., по ср. с 1913 г., валовую прибыль на 197,0%, податную прибыль на 113,3%, суммы, выданные в дивиденд, на 100%. И т. д. и т. д. См. «Вестник банков и промышленности», 1917 г., № 13-14; «Вестник финансов», № 31; «Изв. Моск. сов. раб. деп.», № 110.

[3] «Промышленность и Торговля», № 14-15.

[4] «Вестник банков и пром.», 1917 № 13-14.

Записка повторяет чуть ли не буквально жалобы организаций промышленников на дороговизну рабочей силы и сырья, расстройство транспорта, отсутствие оборотных средств, стесненность кредита и пр. Все эти обстоятельства заставляют м-ра финансов поднять вопрос «о необходимости некоторых коррективов». Прежде всего меры должны коснуться единовременного налога, «уплата коего в текущем году представлялась бы крайне затруднительной. Необходимо облегчить положение плательщиков мерою законодательного характера — перенесением единовременного налога полностью на 1918 г. и, притом, на вторую его половину. Таким отдаленным сроком побуждается необходимость подвергнуть пересмотру некоторые постановления». . . Что касается налогов на прирост прибыли и вознаграждения, то м-р финансов предлагает из подлежащих обложению процентным сбором прибылей предприятий, обязанных публичной отчетностью, а также обложенных дополнительным промысловым налогом за 1916—17 операционный год, исключить суммы процентного сбора, а из прибылей первых из указанных предприятий исключить, сверх того, суммы подоходного налога, причитающиеся за 1917 окладной год, и полученную таким образом прибыль принимать для исчисления облагаемого прироста. Из прибылей предприятий, не обязанных публичной отчетностью, и личных промысловых занятий, обложенных раскладочным сбором за 1917 г., должны быть исключены суммы дополнительного промыслового налога, причитающиеся за тот же год. При определении суммы налога на прирост прибылей необходимо исходить из того, что совокупность обложения не должна превышать 50%. [1]

В заседании Временного правительства от 13 октября записка м-ра финансов была одобрена.

Правительство аннулировало свои июньские новеллы, которые были охарактеризованы первым Всероссийским съездом советов раб. деп. лишь как первый шаг в деле переустройства налоговой системы. Увы, и на «первый шаг» у Временного правительства нехватило сил. . .

[1] Архив Окт. рев., Канц. Врем. пр-ва, II отд., д. № 55.

Изменения, внесенные в постановление от 12-VI, вызвали возмущение даже такого «без лести преданного» Временному правительству экономиста, как С. О. Загорский, признавшего «что под давлением торгово-промышленной буржуазии... (разрядка наша — *З. Л.*), финансовое ведомство облегчило бремя, наложенное на крупную буржуазию... В то время как в Англии один налог на военную прибыль дает два миллиарда рублей и налоги повышены вообще в 3 раза, у нас увеличение незначительно, и от этих новых налоговых мероприятий ожидается около одного миллиарда. Теперь эта незначительная сумма будет уменьшена». [1]

Статья Загорского вызвала ответ небезызвестного А. Н. Зака («Податная политика в условиях настоящего времени»), представляющий исключительный интерес. [2] Зак с похвальной откровенностью вскрывает истинную подоплеку «податных июньских новелл», подчеркивая, что они имели лишь характер вынужденного маневра. «С. О. Загорский упускает, между прочим, также из виду те психологические условия, в которых податные июньские новеллы были изданы. Предполагалось, что усиление, выражаясь военным языком, «до отказа» обложения промышленных предприятий приведет к тому, что рабочие перестанут предъявлять предпринимателям чрезмерные требования. Предполагалось, что усиленное обложение промышленности заставит рабочих быть благоразумными и умерить требования. Что же оказалось? Приведенные соображения не оправдались, и в этой части обоснование усиленного прогрессивного обложения промышленности отпадало»... Следовательно, июньские законы имели целью не столько пополнить казну, сколько «образумить», вернее — оглушить рабочих. Нельзя не признать замечание Зака интересным, хотя и несколько запоздалым комментарием к знаменитому «изречению» Скобелева о конфискации 100% прибыли.

Отказавшись от повышения прямых налогов, Временное правительство с большим рвением приступило к осуществлению мер по усилению косвенного обложения. В бе-

---

[1] «День», 1917 г. № 172.
[2] «Торг.-пром. газета», 1917 г. № 218.

седе с представителями печати м-р финансов Некрасов сообщил, что неизбежно резкое повышение косвенных налогов, так как «прямое обложение без того напряжено» (!)[1] Сообщение Некрасова об усилении косвенного обложения находилось в полном согласии с его программным заявлением, что «министерство усматривает залог преуспеяния России в мощном развитии частного торгово-промышленного творчества». Правительство несколько раз повышало железнодорожные тарифы, ввело сахарную монополию, связанную с резким повышением цен на сахар, и пр. Министр финансов Бернацкий в своей «записке», посланной Временному правительству, писал, что «переживаемое грозное время заставляет изыскивать новые источники дохода и среди них, как естественное развитие системы косвенного обложения (разрядка моя — *З. Л.*), следует видеть обращение некоторых видов торговли в монополию казны».[2] Незадолго до Октябрьской революции было намечено введение монополий: чайной, махорочной, спичечной, кофейной. Введение монополий должно было привести к резкому повышению цен на соответствующие продукты. В заседании 23 октября Временное правительство постановило установить монополию на продажу махорки, спичек и кофе.

Обещав в июне некоторое усиление прямого обложения, Временное правительство весьма скоро отказалось, под давлением буржуазии, от реализации декларированных мер. Центр тяжести был, как и до февраля, перенесен в сферу косвенного обложения, наиболее ощутительного для широких трудящихся масс. В налоговой политике ярче, чем в какой бы то ни было другой области, обозначилось подлинное направление политики Временного правительства. Из всех слоев буржуазии только торговая буржуазия могла до некоторой степени пострадать от финансовых мероприятий «керенщины» (монополии).

Что касается внутренних займов, то большие надежды

---

[1] «Торг.-пром. газета», № 218.

[2] Арх. Окт. рев., Канц. Врем. пр-ва, II отдел, д. № 108. — Н. В. Некрасов усиленно подчеркивал в своей речи на Моск. совещ., что вводимые монополии не имеют никакого отношения к «государственному социализму» и ни в коей мере не подрывают «частной хозяйственной инициативы».

*

возлагались на «Заем свободы». В особом циркуляре правительство уверяло, что «выгодные условия займа, высокая цель и значение его успеха в деле укрепления в России гражданской свободы, в особенности же полное доверие к Временному правительству со стороны всех слоев населения дают твердое основание рассчитывать на исключительный успех займа». [1]

Заем не оправдал ожиданий. Правительству пришлось, в виду неудачи кампании, продолжить подписку на заем до созыва Учредительного собрания. На неуспех займа жаловался в экономическом совете директор Госуд. банка И. П. Шипов. Признавая некоторый рост числа подписчиков по сравнению с предыдущим займом, Шипов отмечал, что число это возросло «не настолько, чтобы этот заем стал народным займом. . . Во всяком случае это далеко от тех многих миллионов подписчиков, которые мы замечаем в других странах, реализующих военные займы». [2] В конце сентября в общественном комитете по выпускам «З. свободы» была констатирована «печальная картина неуспеха «Займа свободы». [3] «Заем свободы» почти не дал государству наличных денег. Госбанк производил переучет краткосрочных казначейских обязательств, и реализованные таким путем суммы обращались в «З. с.». Такая операция, сводившаяся по существу к конверсии краткосрочных обязательств, естественно, не способствовала изъятию средств из частных рук. Подобное же положение создавалось финансированием подписки Госбанком путем выдачи ссуд под процентные бумаги. [4] И неуверенность в политической конъюнктуре, и широкие возможности спекулятивной наживы не располагали буржуазию к поддержке займа. Буржуазия предпочитала приобретению облигаций «Займа свободы» помещение денег в промышленные ценности, спекуляцию недвижимым имуществом, покупку различных «материальных благ».

Исключительно непопулярна была идея «Займа свободы» в широких массах рабочих и крестьян. Даже помощь

---

[1] «Вестник финансов», 1917 г. № 13.
[2] Стеногр. засед. эк. совета, № 3.
[3] Валютное управл. НКФСССР, арх. б. Кред. канц., II отд., 2 ст., д. 100.
[4] «Промышленность и Торговля», № 30-31.

меньшевистско-эсеровских советов не помогла. Характерно, что подписка на «Заем свободы» в учреждениях мелкого кредита дала меньше, чем 2-й заем 1916 г. (68 млн руб. и 88 млн руб.). По докладу в «Комитете общественного содействия», «настроение деревни было не везде благоприятно». Наблюдалась агитация против займа приезжих солдат и матросов, — указания на подобные явления имелись в половине отзывов с мест. [1] Шипов в своем докладе также приводил ряд случаев выступлений против «Займа свободы» (Ростов-на-Дону, Царицын, Бахмут, Сызрань).

Вся сумма подписки на заем составляла к середине октября 4,04 миллиарда рублей.

Идея принудительного займа, отвергнутая буржуазией, не встретила сочувствия со стороны Временного правительства. По подсчетам проф. П. П. Гензеля, принудительный заем мог дать казне около 10 млрд руб. Созванное в министерстве финансов совещание высказалось против объявления принудительного займа, мотивировав это тем, что в стране установлено «и без того высокое прямое обложение». [2]

Временное правительство стремилось улучшить свое финансовое положение путем учета 5% краткосрочных обязательств государственного казначейства, сумма которых на 1 марта 1917 г. составляла 7 882 млн руб., на 23 октября 1917 г. — 15 507 млн руб. По справедливому замечанию З. Каценеленбаума, за учетом краткосрочных обязательств скрывалась «вся система финансирования войны при помощи бумажных денег».

С заграничными займами дело обстояло при Временном правительстве также достаточно плохо. Из предоставленного Англией в 1917 г. кредита в 25 млн фунтов стерлингов, России было на деле передано только 9,7 млн фунт. (в лучшем случае, — по некоторым данным значительно меньше). [3] Такая операция, как учет в сентябре и октябре 1917 г. в Японском государственном банке

---

[1] Вал. Управл. НКФСССР, арх. б. Кред. Канц., 1917 г.,
[2] «Вестник Временного правительства», № 71.
[3] Г. Фиск. «Финансовое положение Европы и Америки после войны», М., 1926 г:, стр. 167—168.

казначейских обязательств на сумму в 77 млн долларов, не могла, конечно, удовлетворить Временное правительство, отводившее внешней помощи, в своих расчетах и планах, первостепенное место. Главные помыслы м-ва финансов, мечтавшего о миллиардных займах, были обращены в сторону Америки. И, действительно, после Февральской революции финансовая помощь России со стороны САСШ несколько увеличилась. За время войны (до революции) Россия поместила на американском рынке всего несколько займов на сумму около 125 млн долларов, в то время как Англии удалось получить 1 131 400 000 долларов, Франции — 736 700 000 долл., Канаде — 334 999 000 долл. Усиление финансовой связи с Америкой подготовлялось еще до свержения монархии. За два месяца до революции Н. Н. Покровский писал Барку, что в Америке усилилось течение, считающее выгодным вкладывать капиталы в европейские ценности, и что, в связи с создавшимся положением, целесообразно командировать в Америку специальную финансово-экономическую миссию с целью «возбуждения сочувствия» заинтересованных кругов «к делу помещения денег в русские ценности». [1]

24 марта м-р финансов Терещенко в беседе с представителями печати отмечал, что вступление Америки в число держав согласия создает возможность для благоприятного займа в Америке. [2]

В апреле был принят Американским конгрессом билль об открытии союзникам кредита в 3 миллиарда долларов. Открывая «союзникам» такой кредит, правительство САСШ ставило себе прямой целью успешное завершение войны, а не облегчение общего финансового положения того или иного «союзного» государства. [3] Россией было получено: с 6/VI по 25 сентября — $112^1/_2$ млн долларов, 2 октября — 22,2 млн, 11 окт. — 20 млн, 1 ноября — 31,7 млн, всего 186,4 млн. Фактически Россией было получено меньше на 30 с лишним млн, так как сумма, поступившая 1 ноября, после падения Керенского, оказалась в полном распоря-

---

[1] Валютное Управл. НКФ СССР. Архив б. Кредитн. канц., II отд., 1 стол, д. № 20.

[2] «Дело народа», 1917 г. № 9.

[3] Архив революции и внешней политики, архив М. И. Д., 1917, секр. телегр. поверенного в делах в Вашингтоне Ону.

жении б. посла Бахметева и послужила для его известных контр-революционных махинаций.

Как отметил в экономическом совете директор Кредитной канцелярии фон-Замен, русский кредит в Америке при Керенском «перешел из области частной в государственно-политическую». [1]

Полученные Россией деньги были предназначены преимущественно для оплаты заказов и для покупки финской валюты (136,4 млн долл. — для оплаты заказов, 50 млн долларов — для покупки финской валюты). Кроме того, специально для Румынии было отпущено 5 млн долларов. Несмотря на телеграммы русских агентов (в марте) о возможности «грандиозных займов», суммы, отпускавшиеся России, были не так уж велики по сравнению с теми суммами, которые получали другие «союзники». [2] Финансовая помощь, оказанная Америкой России, была значительно скромнее, чем ожидали в начале революции. В виду специфического назначения кредитов, предоставленные России средства не могли привести к улучшению финансового положения страны. Несмотря на все сделанные м-вом финансов и министерством иностранных дел усилия, не удалось добиться от правительства САСШ предоставления кредитов для сбалансирования бюджета.

В 1916 г. превышение расходов над доходами составляло 13 756 млн руб., в 1917 г. дефицит поднялся до 22 568 млн руб. [3] Свое бесплодие в области налогов и займов Временное правительство возмещало усилением эмиссионной деятельности, задевавшей самые насущные интересы масс.

Выпуск кредитных билетов шел усиленным темпом уже в годы войны. При Временном правительстве темп этот значительно усилился.

---

[1] Стеногр. засед. эк. совета, № 3.

[2] К примеру, к июлю из трехмиллиардного кредита было выдано авансом Англии — 685 млн, Франции — 310 млн. Меньше России получили только Бельгия и Сербия. — Валютное управл. НКФ СССР, Архив б. Кредитной канц., II отд., 1 стол, д. 21.

[3] «Финансы и экономика», 1922 г., № 1, ст. Шмелева.

Выпущено кредитных билетов

С начала войны	Всего	В среднем в месяц
До конца 1914 г.	1 314	238
В 1915 г.	2 670	223
В 1916 г.	3 487	290
В январе и феврале 1917 г.	846	423
Всего до революции	8 317	264
С 1/III до 1/VII 1917 г.	3 105	776
С 1/VII до 1/X 1917 г.	4 235	1 412
Всего после революции	7 340	1 048

Выпуск кредитных билетов в течение 7 месяцев после Февральской революции был только на один миллиард ниже суммы выпуска их за период июль 1914 г. — февраль 1917 г. Яркое представление о состоянии финансов в эпоху «керенщины» дает следующая табличка, сопоставляющая помесячные выпуски кредитных билетов в 1916 и 1917 гг.

	1917 г.	1916 г.
Март	1 031	179
Апрель	476	135
Май	729	167
Июнь	869	248
Июль	1 070	248
Август	1 273	246
Сентябрь	1 892	465
Всего	7 340	1 688

Соответственно потребности в деньгах эмиссионное право Государственного банка расширялось за время войны в 10 раз на следующие суммы (в млн руб.). [1]

[1] А. Финн-Енотаевский писал в «Новой Жизни» (№ 136), что после революции всякий «новый министр начинает или кончает тем, что расширяет эмиссионное право Госбанка».

23/VII	1914	на 1 200
17/III	1915	на 1 000
22/VIII	1915	на 1 000
29/VIII	1916	на 2 000
27/XII	1916	на 1 000
4/III	1917	на 2 000
15/V	1917	на 2 000
11/VII	1917	на 2 000
7/IX	1917	на 2 000
6/X	1917	на 2 000

Номинальный прирост эмиссии все время возрастал. Если за период март-октябрь 1916 г. прирост колебался по месяцам между 2,1% и 6,6%, то в 1917 г. прирост в августе составлял 10,8%, а в октябре — уже 15,5%. Количество бумажных денег, находившихся в обращении, равнялось на 1 марта 1917 г. 9 950 млн руб., на 23 октября — 18 917 млн руб.

Какую роль играло в разные периоды — до и после Февральской революции — обращение кредитных билетов, показывает следующая табличка:

Процентные отношения выпущенных в обращение кредитных билетов к общей сумме военных расходов до и после переворота[1]

	Сумма расходов	Выпуск кредитных билетов	Проц. отношение выпуска к общей сумме
С начала войны до Февр. революции	28 035	8 317	29,6
С 1/III по 1/VII	7 062	3 105	44,0
С 1/VII по 1/IX	5 400	4 235	78,4

Таким образом с начала Февральской революции роль эмиссии возрастает в очень и очень заметной степени.

[1] Большая часть вышеприведенных данных заимствована из докладн. записки министра финансов М. Бернацкого. (Арх. Окт. рев., Канц. Врем. правительства, II отд., д. № 51).

Чтобы печатный станок мог удовлетворить спрос, пришлось провести некоторые «технические» реформы: сперва стали выпускать «думские» деньги, достоинством в 250 и 1 000 руб., а в сентябре стали печатать, по упрощенному способу, т. н. «керенки».

Усиленный нажим на печатный станок обусловливался: ростом военных расходов; ухудшением торгового и расчетного баланса;[1] вялым поступлением налогов и неудовлетворительным размещением займов; повышением контрактных цен и активной денежной поддержкой казною частных предприятий; повышением заработной платы (в большинстве случаев отстававшей, как мы уже указывали, от роста дороговизны).

Сильное давление на курс рубля оказывали «союзники», реагировавшие на крупнейшие события внутренней жизни, соответственно характеру последних, повышением или понижением курса, отвечавшие на каждый удар по буржуазному порядку контр-ударом по рублю. В период, предшествовавший июньскому наступлению, курс рубля неуклонно катился вниз. 17 июня за 10 фунтов стерлингов платили чеком в Лондоне 216—217 руб.; днем же раньше курс составлял 208,25 руб. По распространении сведений о июньском наступлении, курс поднялся 29 июня до 202—204 руб. На июльские события лондонская биржа ответила понижением курса до 223 руб. [2] О давлении союзников на курс рубля сообщал в своей секретной телеграмме (от 23 мая по ст. ст.) поверенный в делах из Парижа, отмечавший падение курса рубля в связи с опасениями, «которые вызывают в здешних деловых кругах неправильно, может быть, понятые проекты социальных и рабочих реформ. . .[3]» Понижающе действовал на курс рубля вывоз буржуазией капиталов из страны. Так, вследствие наплыва русских денег в Финляндию, одно время почти совершенно приостановился размен русских рублей на

[1] За период январь — 23 октября сумма вывоза превысила сумму ввоза на 1 838,3 млн руб. На ухудшение баланса указывает увеличение золотого запаса за границей за март — октябрь на 168 млн руб. (См. «Пром. и Торг.», № 34-35. Табл. «Деят. Госбанка за 8 месяцев»).

[2] «Новая жизнь», 1917 г. № 98; «Биржевые ведомости», 1917 г. № 16421.

[3] Архив революции и внешней политики, секр. арх. М-ва иностр. дел, 1917 г., д. № 510.

финляндские марки. Финляндский экономист Корписсари писал, что многие русские богачи, очевидно не уверенные в личной безопасности у себя на родине, переселяются в Финляндию, переводя сюда и свои капиталы, в предположении, что они в финляндских банках будут находиться в большей сохранности, чем в русском государственном банке. В наших банках знают отдельных русских лиц, предлагавших вклады от 500 000 до 1 000 000 руб. с переводом их на марки. [1]

В феврале 1917 г. курс рубля на лондонской бирже составлял 56,2 коп., в октябре 1917 г. — 27,3 коп. Покупательная сила рубля внутри страны составляла накануне революции 27 коп., на 1 ноября 6—7 коп. [2] За 8 месяцев революции покупательная сила рубля упала в 4 раза, при увеличении денежной массы вдвое.

---

[1] «Банковая и торговая газета», 1917 г. № 18.

[2] «Наше денежное обращение». Под ред. проф. Л. Н. Юровского. Стр. 12.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ДЕЛО.

Организация продовольственного дела. — Закон о хлебной монополии. — Хлебная монополия и снабжение деревни. — Удвоение твердых цен. — Поддержка частной торговли. — Судьба хлебной монополии.

Февральская революция произошла в обстановке невиданной дотоле продовольственной разрухи. Из всего назначенного к заготовке количества хлеба, за период с осени 1916 г. до конца февраля 1917 г., было закуплено всего около 53%, на деле же поступило и того меньше — всего 33%. Цифры говорили уже не о кризисе, а о катастрофе. Шингарев впоследствии вспоминал на продовольственном съезде об этом периоде: «Жутко сказать и страшно вспомнить, что в начале марта были минуты, когда оставалось хлеба на несколько дней в Петрограде и Москве, и были участки фронта с сотнями тысяч солдат, где запасы хлеба оставались лишь на полдня». [1] Вся система мероприятий, предпринятых до революции с целью преодоления продовольственной разрухи, обанкротилась самым явным образом.[2]

Март — первый революционный месяц — значительных перемен к лучшему, по сравнению с предшествующей эпохой, с собой не принес. Поступившего хлеба хватало лишь на то, чтобы удовлетворить потребность армии на 58%, населения — на 41%. В конце марта и в апреле положение резко ухудшилось. В правительственных кругах скверное поступление хлеба объясняли и транспортной неурядицей, и весенним бездорожьем, и началом полевых работ. Все эти обстоятельства были в достаточной степени очевидны, но ими дело отнюдь не ограничивалось. Продовольственные «сводки» сигнализиро-

[1] «Изв. по продов. делу», 1917 г., № 1.

[2] Н. Д. Кондратьев — Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции, М. 1922, стр. 43.

вали необходимость мероприятий, решительно порывающих с колебаниями и классовой ограниченностью дореволюционной продовольственной политики.

В первые дни революции продовольственное дело находилось в ведении продовольственной комиссии Временного комитета Государственной думы и Совета рабочих и солдатских депутатов.

Уже 27 февраля была создана Советом рабочих депутатов продовольственная комиссия, в состав которой были привлечены работники кооперации, городского и сельского хозяйства и проч. Председателем комиссии был избран В. Г. Громан. С согласия Совета была установлена связь с Временным комитетом Государственной думы, делегировавшим в комиссию депутатов Шингарева и Востротина. Первым шагом комиссии были обращения к населению об организации местных продовольственных органов и распоряжение о реквизиции запасов хлеба у торговцев и землевладельцев, имеющих свыше 50 десятин. 10 марта комиссия приступила к разработке проекта хлебной монополии, провозглашенной правительственным актом от 25 марта.

Постановлением Временного правительства от 9 марта был создан общегосударственный Продовольственный комитет, занявший место дореволюционного Особого совещания по продовольствию и продовольственной комиссии. Комитет создавался с целью «выработки общегосударственного продовольственного плана, руководящих принципов и общих мер по продовольственному делу». . .

Представители советов составляли в О. п. к-те меньшинство (14 мест). Остальные места принадлежали представителям: Временного к-та Гос. думы — 4, Всероссийского союза городов — 4, Всероссийского земского союза — 4, Военно-промышленного к-та — 3, торгово-промышленных организаций — 6, кооперации — 7, исполн. комиссии статист. — 1. Состав О. п. к. не позволял ожидать от него каких-либо особенно решительных шагов, но все же и он оказался радикальнее Временного правительства, и последнему пришлось некоторые важнейшие вопросы разрешить за спиной О. п. к. Права и круг деятельности комитета были установлены в крайне расплывчатой форме. Постановление же об образовании

особого министерства продовольствия было вынесено лишь 5 мая.

25 марта было издано «временное положение» о губернских, городских, уездных и волостных продовольственных комитетах. В губернских продовольственных комитетах отводилось: 6 мест городскому и земскому самоуправлению,[1] 2 — Всероссийскому земскому союзу и союзу городов, 1 — Военно-промышленному комитету, 6 — кооперации, 3 — биржевым комитетам, 2 — губернским сельскохозяйственным обществам, по 1 — статистическим (земским и городским) агрономическим, экономическим и санитарным медицинским земским организациям и лишь 10 — советам. Приблизительно по такому же принципу конструировались уездные и волостные комитеты. Наиболее сильно было цензовое представительство в губернских комитетах. Последние обладали наибольшей суммой прав, и уездные и волостные комитеты занимали по отношению к ним положение подсобных органов. В задачи губернских продовольственных комитетов входило: общее руководство продовольственным делом в губернии; исполнение нарядов председателя Общегосударственного продовольственного комитета и представление в центр сведений о положении; содействие организации сельскохозяйственного производства; организация снабжения населения предметами первой необходимости. Губернским продовольственным комитетам предоставлялось: устанавливать порядок и сроки сдачи хлебных продуктов, передаваемых в распоряжение государства; производить учет предприятий, перерабатывающих зерно, и контролировать деятельность этих предприятий; производить общие и частные реквизиции; устанавливать продажные цены на основаниях, утвержденных О. п. к.; устанавливать порядок распределения продовольствия и фуража; организовывать доставку и распределение средств сельскохозяйственного производства и т. д. Уездный комитет имел своей задачей, помимо исполнения поручений губернского продовольственного комитета, определение

[1] Органы городского и земского самоуправления в момент издания «Положения» продолжали существовать на основании старого дореволюционного закона.

наличных запасов в уезде и установление, в соответствии с постановлениями губернских комитетов, порядка распределения продуктов продовольствия и фуража и предметов первой необходимости. Одну из важнейших задач волостных продовольственных комитетов составляла заготовка продовольствия и фуража.

На ряду с вышеуказанными продовольственными организациями на местах существовали всевозможные продовольственные организации и учреждения, законом не предусмотренные. Создавалась чрезвычайная пестрота, мало, понятно, способствовавшая правильной работе. Не отвечало интересам монополии наличие в продовольственных органах значительного количества представителей цензовых элементов. Кроме того, дело страдало от бесконечных организационных перестроек. Отрицательные результаты давала слабость связи между местами и центром.

Ряд правительственных мероприятий имел целью создание прямой непосредственной агентуры центра. 29 апреля было принято Общегосударственным продовольственным комитетом постановление, по которому председателю комитета предоставлялось посылать на места эмиссаров, облеченных теми же правами, что и губернские продовольственные комитеты. Незадолго до своего конца министерство продовольствия назначило особоуполномоченных, присвоив им весьма широкие права и распределив между ними производящие губернии.

25 марта был утвержден закон о хлебной монополии — «о передаче хлеба в распоряжение государства». На основании этого закона весь хлеб продовольственного и кормового урожая прошлых лет, 1916 и будущего урожая 1917 г., за вычетом запаса, необходимого для продовольственных нужд владельца и обсеменения полей, подлежал передаче по твердым ценам в распоряжение государства и мог отчуждаться только последним. Согласно закону 25 марта и инструкции 3 мая 1917 г., хлебные запасы, в случае утайки, подлежали отчуждению по половинной твердой цене. В конце августа м-ву продовольствия было дано право реквизиции утаиваемого хлеба, с понижением установленной цены до 30%.

Объявление хлебной монополии было заключительным

звеном в той цепи мероприятий, которые в крайне бессистемной, беспорядочной, противоречивой форме осуществлялись в дореволюционный период (твердые цены, система реквизиций, плановые перевозки). Официальное обоснование акта 25 марта дал Шингарев на съезде уполномоченных председателя Общегосударственного продовольственного комитета. «. . .Почему сначала продовольственная комиссия, а затем Продовольственный комитет и Временное правительство пришли почти единодушно к мысли о необходимости создания такого закона? . . Война, сама по себе, господа, явление глубоко тяжкое для человечества и в то же время принудительное — и вот эти начала принудительности на войне, захватывающие в свои железные, стальные когти все государственное бытие, приводят с неумолимой логикой к развитию государственного принуждения и к вмешательству во все проявления общественной и хозяйственной экономической жизни. . . На этот же путь с неумолимой логикой событий войны была вовлечена и наша родина». Далее Шингарев отметил следующий момент: сельское хозяйство отчуждало на рынки, как за границей, так и у нас, около 1 200 млн пуд. хлеба; в предстоящий сельскохозяйственный сезон, примерно, такая масса хлеба должна быть заготовлена средствами казны. Уже один этот факт полагал решительный конец какой-либо свободной торговле.

Торговый капитал и землевладение взял продовольственную реформу в штыки. С разных сторон раздавались возмущенные голоса, предсказывавшие стране, отказавшейся от услуг частной торговли, близкую гибель.

Агитация против хлебной монополии захватила различные съезды, общества и пр. В Вольноэкономическом обществе был сделан доклад, в котором возражения против хлебной монополии были увязаны с общим отрицанием регулирующей хозяйственной деятельности. По энергичному выражению автора доклада, монополия — «безумный план взять на учет и под бюрократический контроль государства повседневную экономическую жизнь всех и каждого. . . редкий случай массового психоза. . . угрюм-бурчеевская фантазия». [1] Некоторые крупнейшие

[1] И. Сигов. Аракчеевский социализм, Петроград. Стр. 20.

представители буржуазии договаривались до прямой апологии. . . спекуляции. Хвалебную речь по адресу торговцев, утаивавших в интересах спекулятивной наживы свои запасы, произнес в экономическом совете Бубликов, гневно ополчившийся против всех, кто осмеливался выступать против «прятания продуктов». По словам Бубликова,— торговцы исполнили свой долг перед родиной, они прокормили наши большие города, наши центры, в то время, когда подвоза не было. Теперь мы объявляем всякие запасы общественными преступлениями и, не имея никаких знаний, не имея опыта, дерзко взялись за это дело. «. . .Я должен твердо сказать, что период демобилизации — это есть смерть наших городов. Пусть это твердо помнят те, которые, не имея опыта в торговле, взяли на свою совесть кормление городов и которые, потакая взглядам толпы, что прятание продуктов — это есть покушение на их благосостояние, уничтожили эти запасы. . .» [1]

Первый Всероссийский торговопромышленный съезд в Москве (19 — 23 марта) еще до издания закона 25 марта выступил против «опасного плана введения хлебной монополии» и признал «принципиально необходимым восстановление расстроенной во время войны хлебной торговли». Проект монополии был отклонен подавляющим большинством голосов.

Родзянко доказывал в особом письме к Керенскому необходимость отмены «рискованной меры». [2]

Торговая провинция дружно поддерживала столичных «идеологов» свободной торговли. Жалобы на хлебную монополию поступили от союзов хлеботорговцев, биржевых комитетов и т. п. организаций из Казани, Омска, Шадринска, Никольска-Уссурийского, Елизаветграда и пр.

После опубликования закона о хлебной монополии значительная часть руководящих деятелей торговой буржуазии, продолжая выражать свои сомнения в возможности плодотворных результатов монополии, одновременно пытаются приспособиться к новой ситуации, созданной законом Временного правительства. Радетели свободной торговли уже соглашались «принять» монополию, при усло-

---

[1] Стенографический отчет о засед. эконом. совета, № 5.
[2] «Известия по продовольств. делу», 1917 г., № 3 (34).

вии, если она будет осуществляться их собственными руками. Этот мотив звучит в постановлениях и конференции мукомолов и съезда по хлебной торговле и бюро специалистов при центральном Военно-промышленном к-те. Больше всего недовольства вызвал пункт инструкции 17 апреля, предлагавший продовольственным комитетам при заготовках продовольствия привлекать, в первую очередь, кооперативы и лишь во вторую очередь торговцев.

Съезд по хлебной торговле (Москва) и съезд представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, собравшиеся в мае, не возражая принципиально против монополии, потребовали усиления представительства хлебной торговли в продовольственных органах и привлечения частно-торгового аппарата к закупкам на равных началах с кооперативными и прочими общественными организациями. Особый протест заявили съезды против инструкции 17 апреля. Сходную позицию занял XIV Всероссийский съезд мукомолов (май — Москва). Съездам вторили такие органы печати как «Торгово-промышленная газета» московское «Утро России» и т. п. «Утро России», газета Рябушинского, считало устранение торговцев от хлебного дела чуть ли не главной причиной голода. По мнению газеты, винить нужно «не недочет хлебов, а неумелую политику Временного пр-ва. Указом 25 марта отстранило оно от продовольственного дела весь торговый класс и тем самым лишило фронт и тыл тех нескольких сот миллионов пудов хлеба, что могли закупить несомненные знатоки своего дела. Одновременно закупка хлеба была передана в беспомощные руки всякого рода продовольственных диктаторов». [1]

Домогательства буржуазии, обращенные к органам государственной власти, не оставались без сочувственного отзвука. Прошло немногим более месяца с момента опубликования инструкции 17 апреля, как в качестве защитника хлебных торговцев выступило влиятельное м-во торговли и промышленности. В своем письме к м-ру продовольствия от 29/V ответственный деятель этого министерства Прилежаев, изложив содержание резолюций, принятых съездами по хлебному

[1] «Утро России», 1917 г. № 197.

делу и представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, добавил в заключение: «По поводу означенных пожеланий вышеупомянутых всероссийских съездов считаю, со своей стороны, нужным отметить, что министерство торговли и промышленности всегда придерживалось того мнения, что в интересах правильной организации продовольственного дела надлежало бы в возможно широких пределах использовать существующий в стране торговый аппарат. В соответствии с сим министерство торговли и промышленности не может не разделить высказанные обоими уполномоченными съездами точки зрения относительно необходимости более активного участия торгового элемента в деле заготовки хлебов... В виду сего и принимая во внимание, что означенный закон и инструкция в известной степени препятствуют осуществлению этой меры... главным образом вследствие недостаточности представительств от торговли в местных продовольственных органах и предоставления торговому классу лишь второстепенной роли в деле хлебных заготовок по сравнению с кооперативными и общественными организациями, желательно подвергнуть этот вопрос обсуждению в Общегосударственном продовольственном комитете».[1]

Дальнейшее направление продовольственной политики служило убедительным доказательством того, что голос хлеботорговцев и землевладения не остался «гласом вопиющего в пустыне».

Украсив закон 25 марта своей подписью, Шингарев, проведший хлебную монополию под нажимом слева, в своей дальнейшей деятельности не обнаруживал готовности к действительной защите хлебной монополии от многочисленных покушений, к обеспечению ее успеха, путем всестороннего регулирования народного хозяйства. Очень характерен тон выступления Шингарева по вопросу о хлебной монополии на VII съезде к.-д. Министр убеждал своих товарищей по партии, что это «не полная хлебная монополия», говорил о передаче хлеба в распоряжение государства как о «горькой и печальной мере». Весьма

[1] Ленингр. Центр. ист. архив, м. торг. и пром., 3 отд., 1 ст., д. № 30/5.

любопытны воспоминания С. И. Шидловского, рассказывающего об одной своей беседе с Шингаревым. Шидловский жаловался на недостаточность оставляемого землевладельцам количества хлеба, но был успокоен министром, который заявил, что «совершенно не собирается разрушить частное хозяйство, а про нормы сказал, что, дескать, вы их просто не соблюдайте, если это невозможно, кто, мол, вас там будет проверять».[1]

Интересы хлебной монополии властно требовали мер к регулированию народного хозяйства, к снабжению деревни предметами первой необходимости по твердым ценам. Уже 10 марта продовольственная комиссия Временного комитета и С. р. и с. д. постановила возбудить во Временном правительстве вопрос об организации народного хозяйства и труда. 17 марта Громан представил правительству письменный доклад по этому вопросу. 7 апреля доклад был заслушан в заседании Временного правительства, но без успеха — изложенные в докладе идеи государственного регулирования народно-хозяйственной жизни не встретили сочувствия со стороны государственной власти. Но и Временное правительство не могло открыто, явно игнорировать связь продовольственного дела с остальными отраслями народно-хозяйственной жизни, и еще при Шингареве, несколько дней спустя после опубликования закона о хлебной монополии, обещало крестьянству срочно приступить к разработке вопроса о снабжении деревни предметами массового потребления по твердым ценам. 24 апреля было принято в заседании Временного правительства постановление об учреждении «Комиссии для выяснения вопроса по снабжению населения предметами широкого потребления». Во главе «Комиссии» был поставлен проф. Железнов. Постановление об учреждении «Комиссии» начиналось утверждением, «что такие предметы необходимости, как металлические и кожаные изделия, ткани, чай, керосин, мыло и бумага и т. д., должны быть во всяком случае предоставлены населению по твердым ценам и, по возможности, в достаточном количестве». На «Комиссию» были возложены следующие задачи: а) производство учета потребного для армии

[1] С. И. Шидловский. Воспоминания, т. II, стр. 115.

и населения посезонного количества продуктов широкого потребления; б) установление количества упомянутых продуктов, могущих быть изготовленными посезонно в соответственных отраслях промышленности, а также имеющихся общих запасов этих продуктов для передачи населению; в) выяснение распределительного органа, при посредстве которого представлялось бы наиболее целесообразным передавать продукты последним их потребителям, и г) установление размера возможных твердых цен и порядка их регулирования». [1] «Комиссия» своих задач не выполнила. Практические результаты ее работы были крайне ничтожны. Так, важнейший вопрос о тканях был выяснен и разрешен министерством продовольствия помимо «Комиссии», что вынужден был признать в одном из заседаний комиссии сам ее руководитель. [2]

При Шингареве широковещательные заявления о снабжении населения предметами первой необходимости служили исключительно для успокоения масс и украшения бумаги. Некоторые, очень робкие шаги по данному вопросу были сделаны лишь после того, как во главе продовольственного дела был поставлен нар.-соц. А. В. Пешехонов. [3]

7 июля Временным правительством было принято постановление «О приступе к организации снабжения населения тканями, обувью, керосином, мылом и другими продуктами и изделиями первой необходимости». В составе министерства продовольствия были образованы управление по снабжению предметами первой необходимости (металл, сельскохозяйственные орудия, ткани, кожа, обувь, керосин, мыло и пр.), отдел заготовки и снабжения сахаром, чаем, кофе, табаком, солью и др. Мы уже видели, как было «организовано» снабжение населения тканями и кожей.

Примерно, такого же размаха работа выполнялась от-

---

[1] Архив Окт. рев. Журн. засед. Врем. пр-ва, № 61.

[2] Ленингр. Центр. ист. архив. Дело м-ва торг. и пром., № 28. Протокол засед. комиссии Железнова от 1/VII.

[3] Вступив на пост м-ра продовольствия, Пешехонов поспешил выступить с заявлением, что его приход в министерство не приведет к коренной. . . ломке шингаревской политики. См. «Воля народа», 1917, № 11.

делом по обеспечению сельского хозяйства металлом, орудиями производства и удобрением. Отдел продолжал, по существу, работу, начатую еще до революции. Для нужд сельскохозяйственного машиностроения было отпущено с 1 марта по 1 октября, за 7 месяцев, 1 402 000 пуд. металла. До революции за трехмесячный период, с 1 октября 1916 г. по 1 января 1917 г., поступило на те же нужды 993 000 пуд. [1] Немногим лучше обстояло с отпуском металла на нужды сельского населения. Совершенно прав Н. А. Орлов, возражающий в своей работе против утверждения, что «размах работ отдела был велик. . .» [2] Очень характерна та политика цен, которая проводилась министерством продовольствия. В июле 1917 г. было издано положение, предлагавшее продовольственным комитетам взять на учет все сельскохозяйственные машины и установившее огульную надбавку в 125% на прейс-курант 1913 — 1914 г. Это постановление отвечало интересам заводчиков и складчиков, давая им законное право поднять цены больше, чем вдвое и на ту часть инвентаря, которая расценивалась до того на вольном рынке значительно ниже. 22 августа была установлена новая надбавка в 100—125%. 21 августа отдел снабжения заявил, что возьмет на себя всю заготовку металла и инвентаря на 1918 г. Цены по заготовке на 1918 г. были установлены совместно с представителями заводчиков. Орган Московского продовольственного комитета писал, разбирая политику министерства продовольствия, что «монополия на сельскохозяйственные машины, созданная отделом снабжения, теряет для населения всякий смысл при таких высоких ценах на машины казенного образца». [3]

Работа по снабжению населения керосином, мылом, спичками и пр. дала совершенно ничтожные результаты.

14 сентября была введена сахарная монополия. Продажа сахара для нужд потребления внутри страны, как и ввоз сахара из-за границы и вывоз его за границу, была признана исключительным правом казны. Продажа са-

---

[1] «Промышленность и торговля», 1917 г., № 42-43.

[2] Н. А. Орлов, Продовольственное дело в России во время войны и революции, М. 1919. Стр. 18.

[3] «Изв. Моск. Обл. Прод. К-та», 1917 г., № 7—8.

хара могла производиться, согласно закону, казенным управлением из заводов и складов, казенных лавок, также из кооперативных и частных магазинов, производящих торговлю по поручению казны, на комиссионных началах. Разработка плана снабжения сахаром населения и армии передавалась в министерство продовольствия. Общее заведывание казенной сахарной монополией сосредоточивалось в министерстве финансов по главному управлению неокладных сборов. [1]

В известной своей части сахарная монополия была осуществлена раньше, до революции. 30 октября 1915 г. твердые цены были распространены на закупку сахара для нужд населения; в январе 1916 г. с образованием Центрального бюро по объединению закупок сахара весь сахар поступал в распоряжение бюро.

По признанию Некрасова на Московском совещании, сахарная монополия была продиктована фискальными соображениями и имела целью пополнить тощую государственную казну. Сахарная монополия была детищем м-ва финансов, и как таковую ее и надо рассматривать, не смешивая с попытками снабжения населения предметами первой необходимости по доступным ценам.

14 сентября было подписано постановление об урегулировании крахмального, картофельного и паточного производства. Эта отрасль промышленности была менее влиятельна, чем, скажем, текстильная индустрия, поэтому министерство продовольствия могло здесь решиться на несколько более радикальные меры, чем в деле распределения тканей. По новому закону выработка сырого крахмала, декстрина, крахмального сахара и пр. должна была производиться по планам и под контролем м-ва продовольствия. Готовый продукт поступал в распределение по указаниям и планам м-ва продовольствия, по твердым ценам. Регулирование производства и распределение крахмала для дальнейшей переработки возлагалось на общество крахмально-паточных заводчиков, контроль над которым осуществлялся специальным инспектором министерства продовольствия. Явно недостаточные меры кон-

---

[1] «Вестник Врем. пр-ва», № 169

троля, намеченные в постановлении от 14 сентября, не могли обеспечить министерству продовольствия руководящей роли в крахмальном и картофельно-паточном производстве.

Регулирующая деятельность распространилась также на конфетно-кондитерское дело в связи с кризисом сахарного производства. Из изделий конфетно-кондитерской промышленности допускались к выработке лишь определенные сорта. Министерство продовольствия составляло план выработки по отдельным районам. Выпуск продукции с фабрик и прочих заведений производился лишь с разрешения министерства и его органов. Изделия конфетно-кондитерского производства отпускались продовольственным комитетам по твердым ценам.

При той нерешительности, которую обнаруживало министерство продовольствия каждый раз, когда приступало к решению какого-нибудь вопроса, задевающего интересы предпринимателей, ничего нельзя было и ожидать от него, кроме половинчатых, малозначительных мер. Политика регулирования коснулась лишь некоторых предметов массового потребления, но и в отношении небольшого количества своих объектов она не могла рассчитывать на значительный эффект, поскольку самый процесс производства протекал почти всегда без всякого контроля и надзора.

Деятельность Временного правительства по снабжению населения предметами широкого потребления далеко не соответствовала тем задачам, которые встали во всем своем объеме с момента объявления хлебной монополии. Министерство продовольствия не исполнило данных им обещаний о «справедливом» распределении продуктов первой необходимости.

Две меры, проведенные в августе, окончательно подорвали, ослабили, обескровили хлебную монополию, и от нее осталась одна лишь тень.

27 августа Временное правительство, не взирая на противодействие Пешехонова, даже не посоветовавшись с Общегосударственным продовольственным комитетом, подняло твердые цены на хлеб на 100%. Если считать увеличение расходов на подвоз, то крестьянству нехлебородных губерний предстояло покупать хлеб с надбавкой к суще-

ствующей цене до 200%. [1] Постановление о повышении твердых цен было проведено, несмотря на то, что правительством в марте, при повышении «риттиховских цен» (в среднем — на 60%, сравн. с сентябрьскими ценами франко-станция), было торжественно заявлено, а затем 5 августа было подтверждено, что цены на хлеб до 1918 г. останутся без изменений. Что повышение твердых цен не могло усилить подвоза хлеба, видно было из опыта Тульской и Астраханской губ., где после произведенного еще раньше «самочинного повышения твердых цен совершенно прекратилось поступление хлеба».[2]

Очень хорошо доказывал бесплодность этой меры еще на майском совещании уполномоченных председателя Общегосударственного продовольственного комитета товарищ министра Зельгейм:

«Общегосударственный продовольственный комитет и продовольственная организация исходят из того непреклонного предположения, что установленные сейчас и действующие твердые цены — действительно твердые цены, что их не может и не должно поколебать ничто, поэтому и для урожая 1917 г. эти цены должны действовать обязательно, безусловно. . . Какие бы отдельные частные неудобства ни вытекали, может быть, из того, что в том или ином отдельном случае принятые твердые цены не соответствуют чьим-либо интересам, кажутся почему-либо несправедливыми — все это одна сотая, одна тысячная того зла, которое может наступить, если мы опять теперь на ходу захотим внести какие-либо поправки в твердые цены, т. е. перестанем их считать твердыми».

Увеличение твердых цен не могло привести их в соответствие с рыночными ценами. Сопоставление твердых цен

---

[1] По справке «Новой жизни» (№ 145) в Германии за время войны при остром недостатке хлеба цена его увеличилась в 2—2½ раза; в России же до войны ржаной хлеб стоил не дороже 3 коп., а после удвоения твердых цен — 22 коп.

[2] «Новая жизнь», № 116. — Делегация ЦИК в Общегос. прод. к-те обвиняла в своей декларации Прокоповича в нарушении правил Общегос. прод. к-та. М-во прод. провело после и своего акта 27 авг. ряд чрезвычайных мер, не обсудив их предварительно совместно с к-том.

с «вольными» весны 1917 г. давало следующую картину: [1]

Хлеба	Число случаев сопоставления	Число случаев, когда установленные твердые цены		
		выше	ниже	равны
Пшеница	25	14	11	0
Рожь	32	16	16	0
Ячмень	20	3	17	0
Овес	44	10	34	0
Итого	121	43	78	0

Осенью, после удвоения хлебных цен, картина была еще разительнее.

Хлеба	Число случаев сопоставления	Число случаев, когда установленные твердые цены		
		выше	ниже	равны
Пшеница	28	1	27	0
Рожь	33	1	32	0
Ячмень	19	0	19	0
Овес	44	1	43	0
Итого	124	3	121	0

Прокопович во временном совете республики в заседании от 16 октября говорил, что удвоение цен привело к улучшению хлебозаготовок: в 1916 г. за сентябрь было заготовлено только 19 млн пуд. хлебных продуктов, в этом

[1] Кондратьев, стр. 157.

году — до 50 млн. Утверждение Прокоповича опровергается тем фактом, что улучшение погрузки началось еще со второй половины августа, до того как закон был издан и получил широкую известность.

Цифры погрузки для нужд фронта и населения
(в млн пуд.)

1917 г.	Наряд	Погрузка	Процент
Июль	63,1	20,2	32,0
Август 1—15	27,2	5,9	21,8
Август 16—31	27,2	10,2	37,5
Сентябрь 1—15	28,4	9,5	33,5 [1]

Увеличение хлебозаготовок было обусловлено обычным усилением сбыта в начале осени и стремлением помещиков поскорее продать свой хлеб, не дожидаясь разгрома имения.

Постановление от 27 августа, вынесенное под нажимом Государственной думы и после совещания с банками и торговцами, означало прорыв всей системы твердых цен, делало их крайне неустойчивыми и превращало их в объект закулисных сделок с заинтересованными кругами. Повышение твердых цен требовало увеличения эмиссии на $1^1/_2$ миллиарда рублей лишь для того, чтобы оплатить увеличение стоимости $^1/_2$ млрд пуд. хлеба, потребляемого армией.[2] Временное правительство, пасуя перед землевладельцами и торговцами, фактически срывало провозглашенную им хлебную монополию.

Удвоение твердых цен не было единственным ударом по монополии. Одновременно последовал другой удар, не менее ощутительный. В конце июля управление общих дел м-ва продовольствия разослало во все губернские продо-

[1] «Рабочая газета», № 193.

[2] Удвоение цен послужило причиной отставки Пешехонова, по мнению которого акт 27 авг. грозил увеличением расходов казны на 2 млрд руб. «Народное слово», № 76.

вольственные комитеты циркуляр о необходимости привлечь к заготовкам, сверх собственных, кооперативных и общественных организаций, еще и торгово-промышленные организации и фирмы.[1] Формально этот циркуляр как будто и не означал нового поворота в продовольственной политике: ведь и закон от 25 марта предусматривал участие торгового капитала в деле заготовок. Но телеграмма от 27 августа, подписанная Керенским и товарищем министра продовольствия Зельгеймом, доказывала с полной ясностью, что продовольственное ведомство идет «в Каноссу». Одного сопоставления текстов мартовского закона и августовской телеграммы достаточно, чтобы убедиться в том, что в августе министерство продовольствия отступало на всех важнейших участках продовольственного фронта. В самом деле: в марте ясно говорилось о необходимости предпочесть в деле заготовок государственный и кооперативный аппарат частно-торговому; телеграмма же Керенского недвусмысленно настаивала на привлечении организаций местной торговли, мукомолов и отдельных солидных фирм «на ряду (разрядка наша. — *З. Л.*) с кооперативами».

Манипуляция с твердыми ценами, поворот «лицом» к хлеботорговцам и землевладению срывали не только хлебную монополию в том широком разрезе, в каком она трактовалась в акте 25 марта, но сводила на нет и монополию хлебной торговли.

Буржуазные организации, одобряя августовские «новеллы», не довольствовались, однако, достигнутыми успехами и развивали программу мероприятий, имевшую конечной целью полную ликвидацию хлебной монополии.

Широкая буржуазная пресса с удовлетворением отмечала привлечение к продовольственному делу торгового капитала. Официозная «Торгово-промышленная газета» в одном из своих октябрьских номеров сообщала, что привлечен уже ряд торговых организаций, как, например, комитет торговли при Всероссийском съезде советов средней и мелкой промышленности. «Правда, деятельность таких торговых организаций связана некоторыми нормами,

[1] «Вестник Врем. пр-ва», № 120 .

чуждыми природе... например, твердыми ценами, но, несомненно, условия момента сгладят и эти острые углы, потребуют устранения или, по крайней мере, усечения существующих ограничений с заменой их другой, более соответствующей требованиям дела обстановкой».[1]

Дезорганизация хлебной монополии производилась не только такими актами, как удвоение цен и привлечение частно-торгового аппарата, но и мелкими выпадами, в роде выступления Некрасова на Московском государственном совещании. Министр финансов жаловался, что продовольственные органы отнимают у государства на свое содержание около 500 миллионов рублей. В действительности же расходы государства составляли меньшую сумму, так как деньги, затрачиваемые на содержание продовольственного аппарата, покрывались за счет покупателя хлеба, что совершенно отчетливо зафиксировано в «Инструкции об исчислении отпускных цен». «Отпускные цены исчисляются на пуд нетто, включая стоимость тары, франко — место отпуска... и должны включать, кроме цены, уплачиваемой продавцу, все накладные расходы продовольственных организаций и определенную надбавку на покрытие организационных расходов (разрядка моя. — *З. Л.*)».

Как раз отнесение организационных расходов на счет потребителей вызвало на продовольственном съезде резкий протест советской делегации, определившей принятый способ финансирования как «косвенное обложение в самом худшем его виде...»

Очень важна была позиция банков. Последние фактически уклонялись от финансирования монополии. В конце сентября состоялось под председательством м-ра финансов Бернацкого и с участием м-ра продовольствия Прокоповича и представителей банков совещание по вопросу об организации продовольственного дела. Представители банков заявили об отказе от финансирования продовольственных операций правительства, мотивируя этот отказ сокращением вкладов в некоторых из банков. При этом было также сделано заявление о необходимости реорганизации постановки продовольственного дела в смысле более широ-

[1] «Торг.-пром. газета», № 227.

кого привлечения к нему представителей торговли. Поняв, куда клонит заявление банков, Прокопович указал в своем ответе, что он предполагает реорганизовать постановку продовольственного дела именно в указанном смысле. [1]

Само собой разумеется, что августовские мероприятия м-ва продовольствия не могли улучшить продовольственное положение страны. Кризис продолжал развиваться. В упомянутой речи Прокоповича были приведены жуткие цифры, говорившие об исключительном обострении продовольственной разрухи. На Северном фронте осталось зернового фуража лишь на $1^3/_4$ дня, а муки на 15 дней. На Западном фронте — зернового фуража на $3^1/_2$ дня, муки — на 11 дней, на Юго-западном фронте — зернового фуража — на 1 день, муки — на 6 дней. [2] Фуражных запасов в среднем хватало только на 1-2 дня.

Программа, нарисованная Прокоповичем на самом пороге Октябрьской революции, отличалась необычайным убожеством. Конечно, ни слова не было сказано о продовольственной политике как о составной части системы регулирующих мероприятий государства, охватывающих все отрасли народного хозяйства. «Философия» продовольственного дела свелась к одному очень нехитрому положению: после увеличения твердых цен утайка продовольственных запасов не может быть ничем оправдана, и в борьбе с крестьянами, утаивающими свои хлебные за-

---

[1] «Вестник Врем. пр-ва», № 179, «Речь», № 226.

[2] Статист. сборник «Россия в мировой войне» приводит сходные данные:

Обеспечение в днях:

	Мука	Овес и ячмень	Сено	
Северный фронт	15	$1^3/_4$	5	
Западный »	$10^1/_2$	5	$3^1/_2$	Разница незначительна,— картина та же.
Юго-западный фронт	9	$^2/_3$	18	

пасы, необходимо применить воинскую силу. Таким образом под продовольственную систему подводились два «кита»: частная хлебная торговля и «вооруженная сила». . . Угроза «вооруженной силой» в устах правительства, не останавливавшегося ни перед чем, чтобы сохранить мир с капиталистическими и помещичьими кругами, еще раз в очень резкой и откровенной форме подчеркивала антикрестьянский характер «керенщины».

Хлебная монополия была с самого начала обречена на бесславный крах, поскольку Временное правительство не в состоянии было решительно выступить против притязаний частно-торгового аппарата и землевладения.

Противоречивость и беспомощность правительственной политики достигла в продовольственном деле своего апогея. Введение хлебной монополии было актом, обусловленным всем ходом событий в предреволюционный период. Вводя твердые цены, устанавливая право реквизиций, определяя порядок плановых перевозок, царское правительство создавало важнейшие предпосылки хлебной монополии. При полупараличе транспорта, при недостатке необходимых товаров, при огромном росте государственного потребления монополия торговли хлебом была единственным способом борьбы с тяжелым продовольственным кризисом. Полного преодоления продовольственной разрухи не сулила и монополия, — никакая продовольственная политика не в состоянии была преодолеть затруднения, связанные с расстройством транспорта и бестоварьем. Но Временное правительство своей политикой сделало недостижимым и тот относительный эффект, который могла дать реформа. Официально провозглашая, с одной стороны, необходимость хлебной монополии, правительство, с другой стороны, делало все, чтобы эту монополию подорвать. Фактически уклонившись от организации снабжения деревни необходимыми товарами, правительство усилило позицию элементов, возбуждавших крестьянство против монополии, и лишило себя одного из наиболее важных средств осуществления монополии. История с удвоением цен и расширением функций частно-торгового аппарата продемонстрировала наглядно, в какую сторону шло развитие продовольственной политики Временного правительства. Трудно спорить о результатах монополии, так как

в результате объединенных усилий буржуазии и Временного правительства монополия была сведена на-нет, не успев обнаружить своего действия.

Чрезмерная чуткость правительства к требованиям хлеботорговцев и землевладельцев имела две основных причины. Большое значение имела консолидация сил всех слоев крупной буржуазии и землевладельцев в борьбе против растущих сил революции. Но этим моментом дело не исчерпывалось. Последовательное проведение хлебной монополии влекло за собою регулирование всех основных отраслей народного хозяйства. Этот факт, как мы уже видели, не могло обойти своим вниманием и Временное правительство. Следовательно, одним своим концом монополия ударяла и по интересам промышленно-финансовой буржуазии, решительно восставшей, как известно, против всяких попыток государственного регулирования ее хозяйственной деятельности.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС.

Первые мероприятия Временного правительства. — Постановление об охране посевов. — Положение о земельных комитетах. — Вопрос о запрещении земельных сделок. — Борьба с земельными комитетами. — Законопроект С. Маслова. — Деятельность главного земельного комитета. — Аграрные программы к.-д., меньшевиков и с.-р.

Попытка Столыпина предотвратить аграрную революцию путем перевода сельского хозяйства России на путь «прусского развития», как известно, имела лишь частичный успех, и противоречия, не разрешенные революцией 1905 г., в основном дожили до 1917 г., определив собой ряд важнейших сторон послефевральской истории. Война, усугубившая крестьянское разорение и обострившая противоречия в сельском хозяйстве, дала аграрной революции мощный толчок. Ввергнув страну в состояние тяжелого хозяйственного кризиса, война поставила на очередь с особой остротой вопрос о подъеме крестьянского хозяйства, как об одном из главных условий хозяйственного оздоровления страны. Этот вопрос мог быть разрешен только решительной, беспощадной экспроприацией помещичьего землевладения, служившего в значительной своей части, до самой революции, источником полукрепостнических отношений.

В первой декларации Временного правительства мы не находим ни одной строки, посвященной аграрным отношениям, ни одного слова, которое содержало бы хоть намек на занимаемую правительством позицию по данному вопросу.

Одно из первых заявлений нового м-ра земледелия Шингарева носило успокоительный для землевладельцев характер. Отмечая широко распространившиеся слухи о предстоящей, якобы, конфискации помещичьей земли, Шингарев подчеркивал неосновательность и губитель-

ность этих слухов и обещал проведение мер, которые дадут землевладельцам уверенность в сохранности для них урожая.

Когда через две недели после февральского переворота в Казанской губ. произошли крестьянские беспорядки, Временное правительство стало весьма решительно на путь репрессий.

17 марта Временное правительство утвердило специальное воззвание, в котором нашел отчетливое выражение страх перед попытками крестьянства решить земельный вопрос революционным путем. Вместе с тем правительство, получив первое предостережение от крестьян, сочло для себя полезным заговорить о грядущей земельной реформе и о необходимости подготовки ее. Убеждая крестьян в необходимости отложить решение земельного вопроса до созыва Учредительного собрания и в недопустимости «насилия» и захватов, Временное пр-во заявило о своем решении приступить к работе по собиранию материалов, учету земельных запасов, выяснению условий землепользования и т. п. Воззвание служило исчерпывающим доказательством того, что дальше подготовительных работ правительство итти не собирается.

Аграрная политика Временного правительства не ограничивается лишь одним призывом крестьянства к спокойствию. К борьбе со «стихией» призывается такое «спасительное» учреждение как примирительная камера: в конце марта правительство поручает м-ру земледелия разработать совместно с министром юстиции проект учреждения на местах примирительных камер.

Аграрные отношения составляют предмет забот и не только министерства земледелия, но и министерства внутренних дел. 8 апреля Львов предложил телеграфно губернским комиссарам подавлять всеми мерами, вплоть до вызова военных команд, аграрные волнения.

Постановление Временного правительства от 11 апреля об «охране посевов» разрешало продовольственным комитетам передавать принудительным путем незасеянные земли в аренду другим земледельцам, причем арендная плата поступала владельцам земли. Эта мера диктовалась тяжелым продовольственным положением страны и необходимостью увеличения посевной площади. Заодно Вре-

менное правительство рассчитывало устранить одно из крайне раздражавших крестьян явлений наименее болезненным для помещичьего землевладения путем. Постановлением от 11 апреля почти полностью исчерпывалась творческая деятельность правительства в области арендных отношений (постановление о порядке аренды в Прибалтийском крае не имело реальных последствий).

21 апреля Временным правительством было постановлено издать положение о земельных комитетах. В основе положения лежало утверждение, что земельный вопрос может быть разрешен только Учредительным собранием. На Главный земельный комитет было возложено: 1) общее руководство собиранием и разработкой необходимых для земельной реформы сведений и подготовительными к ней действиями, 2) составление общего проекта земельной реформы. Г. з. комитету было предоставлено право сообщать м-ру земледелия и Временному правительству проекты ограничения и аннулирования ранее изданных законов, в случае, если последние мешают правильному развитию сельскохозяйственной жизни или раздражают население своей несогласованностью с новым государственным строем, или грозят затруднить планомерное решение земельного вопроса в Учредительном собрании. В задачи губернских и уездных земельных комитетов, между прочим, входило: разрешение вопросов, споров и недоразумений в области земельных и сельскохозяйственных отношений, в пределах действующих законоположений и постановлений Временного правительства, учреждение в случае необходимости посреднических и примирительных камер. Губернские и уездные земельные комитеты получили право издания обязательных постановлений, но, опять-таки, в пределах «действующих законоположений». Губернские и уездные земельные комитеты организовывались, согласно положению, повсеместно. Организация же волостных земельных комитетов ставилась в зависимость от инициативы местного населения или уездных комитетов.

Членами Главного земельного комитета являлись: министр земледелия и его товарищи, председатель, управляющий делами и 25 лиц — по приглашению правительства, по одному представителю от губ. зем. комитетов, 6 — от

Всероссийского крестьянского союза и Всероссийского совета крестьянских депутатов, по 3 — от Временного комитета Гос. думы, Всероссийского кооперативного союза, Всероссийского Совета рабочих депутатов, 5 — от крупнейших научных эконом. обществ, по 1 — от соц.-рев., нар. соц., трудовиков, меньшевиков, большевиков, кадетов, прогрессистов, октябристов, центра, националистов и независимых правых. Характерней всего, что в числе 25 членов Гл. зем. к-та, назначенных Временным правительством, значились 2 эсера, 1 трудовик, 1 нар. социалист, остальные — кадеты и сочувствующие. Положение о Главном земельном к-те служило верным залогом того, что с этой стороны Врем. правительству можно было не ждать крупных неприятностей.

В состав губ. зем. комитетов входили: 4 представителя от губ. земск. собрания, 1 — от городской думы губ. города, по 1 — от каждого уездного земельного комитета, не более 3 — от эконом. отдела губ. земского управления, 1 член окружного суда, мировой судья, 1 — от м-ва земледелия.

Уездный комитет составляли: 4 представителя от уездн. земского собрания, 1 — от городской думы, по 1 — от каждого волостного земельного комитета, земский агроном и статистик, мировой судья. В волостной земельный комитет делегировалось 5 представителей волостного земского собрания.

Изучая структуру земельных комитетов, мы замечаем, что чем большей властью облечен данный комитет, тем менее демократичен его состав.

Положение о земельных комитетах не могло внушить крестьянству особенное доверие к их деятельности. Учитывая это обстоятельство, сами земельные комитеты как в центре, так и на местах пытались видоизменить свой состав, расширяя несколько представительство крестьянства. Так, II сессия Главного земельного комитета постановила внести следующие поправки в положение: исключить пункт о назначении председателя, управляющего делами, и 25 членов; вместо 6 представителей крестьянского союза и Совета крестьянских депутатов ввести 15 представителей от Всероссийского Совета крестьянских депутатов; вместо 9 представителей от Временного комитета

Государственной думы, Всероссийского Совета р. и с. д., Всероссийского кооперативного союза, привлечь 12 представителей от ВЦИК и Совета Всероссийских кооперативных съездов; изъять пункт о привлечении представителей группы центра, националистов и независимых правых, предоставив право Г. з. к. привлекать представителей некоторых партий, помимо точно перечисленных в положении, по его собственному усмотрению, и проч. и проч. Что касается губ. к-тов, то сессия решила дополнить их состав 5 представителями от губ. совета крест. депутатов и представителями Советов рабочих и солдатских депутатов по одному от каждого. В уездные земельные комитеты постановлено было ввести 3 представителей от уездного совета крестьянск. депутатов и по одному представителю от Совета рабочих и солдатских депутатов.

В некоторых губерниях отступления от положения 21 апреля осуществлялись явочным порядком. Большой интерес представляло выступление делегата Костромской губ. на II сессии Гл. зем. к-та. Делегат жаловался, что «при таком положении эти (земельные. — *З. Л.*) к-ты не только не будут способны кого-нибудь успокоить, но, наоборот, создадут сразу абсолютное недоверие к органам проведения реформы и этим самым толкнут на такое решение земельного вопроса, которое нам нежелательно — просто на погромы и захваты. . . Создать губ. зем. к-т по положению о нем у нас значило бы или не создать ничего или создать такой орган, о котором в губернии сложилось бы мнение, что господа засели и правят, и поэтому на местах с ними считаться нечего, должен каждый действовать сам. И нам пришлось создать своеобразное организационное собрание с участием представителей И. К. С. к. д., Совета р. и с. д., представителей партий и затем остальной состав по положению». [1]

---

[1] Труды II сессии Гл. зем. к-та. Петроград. 1917 г.

О неавторитетности Гл. зем. к-та в крестьянских массах говорил на I сессии б. депутат Государственной думы М. Е. Березин. В связи с предложением А. Г. Хрущова о посылке на места уполномоченных Гл. зем. к-та Березин заявил, что «это необходимо, но конструкция Гл. зем. к-та сейчас такова, что я не знаю, насколько это будет хорошо. Желательно, чтобы у крестьян было доверие к этим посылаемым отсюда уполномоченным . . .».

В зависимости от степени близости к крестьянским массам наибольшую революционность обнаруживали, конечно, волостные земельные комитеты. Деятельность волостных земельных комитетов попортила немало крови тем деятелям Главного зем. к-та, которые считали своим прямым долгом стоять на защите шингаревского положения. Председатель Главного земельного комитета в своей вступительной речи на III сессии Главн. зем. к-та с горечью констатировал «зловредную» деятельность волостных земельных комитетов, одновременно сделав комплимент работе губернских и уездных комитетов, в которых главное место занимали эсеры: «В большинстве случаев, деятельность губернских и уездных земельных комитетов была весьма плодотворна. К сожалению, этого нельзя сказать о волостных земельных комитетах». [1] О «незаконной» деятельности волостных комитетов говорилось и на II сессии, на которой, к примеру, представитель Новгородской губ. отметил, говоря о волостных комитетах, что «некоторые из них несомненно выходят за пределы тех полномочий, которые предоставлены волостным комитетам». [2]

Отступления от положения 21 апреля на местах станут вполне понятными и естественными, если мы вспомним, что в положении шла речь об ограничении деятельности земельных комитетов рамками «существующих законоположений и постановлений Временного правительства». Постановления Временного пр-ва были таковы, что, по существу, на земельные комитеты была возложена «высокая» роль охраны старых царских законов, в основном оставшихся незыблемыми.

Критикуя положение о земельных комитетах, официальный орган Главного земельного к-та писал: «Дело в том, что положение 21 апреля довольно уклончиво и неопределенно говорило, какие права у земельных комитетов по руководству местными земельными делами. Говорилось, что комитеты издают обязательные постановления, что они могут приостановить действия владельца земли, если они клонятся к обесценению ее, что могут просить Гл. земельный к-т вовсе изъять такую землю из

---

[1] «Русские ведомости», № 195.
[2] Труды II сессии.

распоряжения владельца. Оставалось недосказанным одно — что хозяйственные земли поступают, значит, в ведение и под надзор земельных комитетов и что упорядочение на местах земельных и хозяйственных дел—право и обязанность комитетов.[1] Положение ни в каком смысле не предусматривало передачи земель комитетам, — здесь можно было говорить не о «недосказанности», а о совершенно определенной, отчетливо выраженной позиции Временного правительства.

Постановление Временного правительства об учреждении земельных комитетов было принято в условиях растущего крестьянского движения. Но правительство осталось верно себе: никакой ломки старых социальных отношений, заботливо охраняемых при помощи дореволюционных законоположений!

Чувствуя шаткость своей позиции, правительство пыталось в своем воззвании по поводу учреждения земельных комитетов убедить крестьян, что оно в своей аграрной программе исходит также из интересов. . . армии: «Пусть будут наши доблестные воины. . . уверены в том, что в их отсутствии и помимо их участия никто на их родине не станет решать вопрос о земле».[2] Что здесь было сплошное лицемерие, не трудно было догадаться: в том-то и дело, что сохранение революционных форм землевладения, с оставлением в руках помещика главного орудия его мощи, означало как раз решение аграрного вопроса (пусть для данного момента) в интересах крупного землевладения. Об антикрестьянском направлении аграрной политики Временного правительства говорили многочисленные циркулярные телеграммы, требовавшие возвращения захваченных крестьянами земель их «законным» владельцам. Суля крестьянам журавля в небе («земельная реформа в Учредительном собрании»), Временное пр-во на деле всячески боролось против покушений на помещичье землевладение.

Враги аграрной революции не дремали. Это должен был признать в одной из своих статей будущий эсеровский

---

[1] «Известия Гл. зем. к-та», № 4-5, ст. Н. Озерецковского.
[2] Труды II сессии.

министр земледелия С. Л. Маслов. «Правительство все еще медлит, медлит и медлит. А, между тем, промедление тут становится убийством для дела: на местах идет распродажа за бесценок лесов, идет их хищническая вырубка, доходят вести о двадцатирублевой поденной плате рубщикам и пильщикам леса. Из Саратовской и других губерний юга идут вести о спешной и широкой продаже иностранцам-капиталистам частновладельческих земель и т. д. Насколько можно, население исправляет эту непонятную (*так ли это уж непонятно? — З. Л.*) медлительность революционного правительства — оно запрещает вырубку леса, запрещает сплав, ставит кое-где специальные лесные караулы, мешает фактической смене владельцев. . .»[1] Верно констатируя положение дела на местах, Маслов по-эсеровски затуманивал вопрос. Правительство не медлило с изданием соответствующих законоположений, а вообще не было расположено издавать таковые.

В начале мая в составе Временного пр-ва появились меньшевики и эсеры. Уже с первых шагов их деятельности стало ясно, что *в основном* направление аграрной политики остается неизменным. Ничего другого и нельзя было ожидать от Черновых и Скобелевых, *подчинивших* всю свою политику идее коалиции с буржуазией и оставивших *нетронутым* старый государственный аппарат, действовавший под диктовку помещичье-буржуазных элементов.

Пункт 5-й декларации пр-ва от 6 мая гласил: «Предоставляя Учредительному собранию решить вопрос о переходе земель в руки трудящихся и выполняя для этого подготовительные работы, Временное пр-во примет все необ-

---

[1] «Дело народа», № 34.— Не лишено интереса, что Совет съездов лесной промышленности и торговли доказывал в записке, представленной Временному правительству, целесообразность и необходимость . . . хищнического истребления лесов. Совет съездов писал, что для устранения резкого топливного кризиса необходимо «снятие всех существующих ограничений рубки леса, предусмотренных действующим законом, кроме ограничений, касающихся лесов защитных, водоохранных и пр. . . Перед лицом страшного топливного кризиса опасение об истощении лесных запасов должно отойти на второй план, ибо последствия топливного кризиса неизмеримо опаснее, чем временное истощение лесных запасов».

АОР. Дело канц. Врем. пр-ва, 164/19.

ходимые меры, чтобы обеспечить наибольшее производство хлеба для нуждающейся в нем страны и чтобы регулировать землепользование в интересах народного хозяйства и трудящегося населения». Откладывая решение основного вопроса до Учредительного собрания, пр-во в то же время заговорило об интересах «трудящегося населения». Но при этом правительство умудрилось преподнести свое обещание в весьма уклончивой формулировке, дававшей адвокатам помещичьего землевладения повод при каждой попытке регулирования землепользования «в интересах трудящегося населения» поднимать крик об «ударе по народному хозяйству». Да и вообще указанное обещание, как и ряд других обещаний, данных в декларации, осталось на бумаге. Поэтому никак нельзя рассматривать упоминаемое нами обещание Временного пр-ва как признак серьезного перелома в аграрной политике. Это была лишь неискренняя словесная уступка «социалистическому» крылу кабинета.

Сущность аграрной политики Временного пр-ва была великолепно разоблачена историей с запрещением земельных сделок. Различные организации и съезды настойчиво добивались издания закона о запрещении операций по купле-продаже земли. Этой мерой имелось в виду прекратить широко распространившуюся спекуляцию землями, перепродажу владений иностранцам, дробление поместий и проч.

Временное пр-во покорно внимало голосу таких организаций и учреждений, как Временный комитет Государственной думы, комитет съездов представителей акционерных обществ, земельные банки и т. п., и всячески тормозило движение законопроекта о запрещении сделок. 17 мая министр юстиции Переверзев сделал было распоряжение старшим нотариусам о воспрещении актов на землю, впредь до распоряжения. 7 июня Переверзев по телеграфу разъяснил, что распоряжение о сделках не распространяется на установление и переход залоговых прав. Кроме того, министром были допущены сделки в отношении земель, приобретенных горнозаводскими предприятиями. Начавшееся отступление было завершено телеграммой тов. министра юстиции Демьянова, сообщавшей о полной отмене майского акта.

В начале июля II сессия Главного земельного комитета подвергла резкой критике аграрную политику Врем. пр-ва. Сессия констатировала, что происходящая на местах ломка земельного уклада выявляет стремление крестьян к новым земельных «правоотношениям». Наблюдаемые при этом осложнения являются следствием отсутствия соответствующих норм и указаний со стороны центральной власти. Правительственная власть совершенно «отстала от жизни, не снабдив до настоящего времени комитеты ни одной общей мерой, не издав ни одного общего закона». [1] На сессии говорилось о враждебном отношении правительства ко всяким попыткам ломки аграрных отношений. Когда проект регулирования арендных отношений, выработанный советом Главного земельного комитета, рассматривавший определение арендных цен как функцию земельных комитетов, встретил ряд резких возражений со стороны провинциальных работников, т-щ м-ра земледелия Н. И. Ракитников многозначительно заметил, что Временное пр-во постарается и этот проект ухудшить. [2] По свидетельству видного члена Гл. зем. комитета эсера Н. Я. Быховского, черновские законопроекты застревали в пр-ве, ибо утверждению их мешали «представители тех слоев, которым принятие этих законопроектов невыгодно». [3]

Правительственная декларация 8 июля содержала ряд пунктов и по аграрному вопросу. В декларации заявлялось, что ближайшими «мероприятиями Временного пр-ва будут:

«1. Полная ликвидация разрушительной и дезорганизующей деревню прежней землеустроительной политики.

«2. Меры, обеспечивающие полную свободу Учредительного собрания в деле распоряжения земельным фондом страны.

«3. Упорядочение земельных отношений в интересах государственной обороны и продовольствия страны, путем расширения и укрепления сети организуемых государ-

---

[1] «Новая жизнь», № 93.

[2] Действительно, Юридическое совещание, в состав которого входили такие столпы кадетской партии, как Маклаков, Набоков, Гессен, рассмотрев законопроект, потребовало «существенной переработки» его.

[3] «Новая жизнь», № 109.

ством земельных комитетов с точно определенными законом правомочиями в области решения текущих вопросов сельскохозяйственной политики, не предрешающих основного вопроса о праве собственности на землю, как входящего лишь в компетенцию Учредительного собрания.

«4. Устранение путем такого закономерного регулирования поземельных отношений той серьезной опасности, которую представляют для государства и для будущей аграрной реформы земельные захваты и тому подобные самочинные местные способы разрешения земельных нужд, противоречащие принципу общегосударственного плана будущей земельной реформы».

Главный принцип аграрной политики Временного пр-ва остался нерушимым: вопрос о праве собственности на землю попрежнему отнесен к компетенции Учредительного собрания. Вопрос о земельных комитетах изложен весьма туманно и неопределенно. Наиболее определенно и отчетливо, конечно, выражено отношение правительства к «земельным захватам» — здесь у правительства имелась прямая и достаточно откровенная линия. [1]

Чернову удалось провести через Временное пр-во лишь незначительную часть своих законопроектов. Пресловутый вопрос о запрещении актов на землю не мог быть, при всей настойчивости и упорстве правительства, совершенно снят с «повестки дня», особенно после «революционной волны стихийного взрыва 3—4 июля» (Ленин). Правительство вынуждено было, скрепя сердце, пойти на уступки и издать закон об ограничении сделок. Подписанный 12 июля закон был далеко не то, чего требовали многочисленные организации крестьянства в своих резолюциях, декларациях и пр. В угоду землевладельцам эти требования были значительно урезаны, но и в таком виде закон вызвал бурю протестов разных землевладельческих органи-

---

[1] Министр иностранных дел Терещенко имел полное основание утверждать в своей информационной телеграмме русским послам за границей (Париж, Лондон и пр.), что правительственная декларация 8 июля «составлена в весьма умеренных тонах, совершенно не оправдывающих опасений князя Львова . . . в декларации нет ни пункта о демократической республике, ни радикальных мер по земельному вопросу до Учредительного собрания» (разрядка моя — *З. Л.*).

Архив рев. и вн. политики, секр. арх. МИД, д. 357—361/77.

зацией. Последние ясно и открыто признавали, что их страшит не подрыв «суверенных прав» грядущего Учредительного собрания (это был официальный мотив противников аграрной революции), а покушение на «исконные» права собственности. Всероссийский союз земельных собственников, дабы придать больший вес своим утверждениям, даже привлек на свою сторону, не чувствуя всего юмора своей аргументации, авторитет. . . «основателя германской с.-д. партии Лассаля». Союз недвусмысленно намекал, что Учредительное собрание может стать на ту точку зрения, «которая разделяется всеми народами Европы и Америки и неоднократно была выражена в революционных декларациях Франции», т. е., проще говоря, может высказаться в защиту «священной собственности». Всероссийскому союзу вторили соответствующие организации на местах. Так, например, симбирский союз сельских хозяев призывал обратиться к примеру Великой Французской революции и взять за основу политической деятельности выдвинутые ею принципы, признававшие, что «цель всякого политического общества — сохранение естественных и неотъемлемых прав человека». «Эти права — свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению... Запрещение земельных сделок. . ., нарушая эти неотъемлемые права, будет иметь самые ужасные и экономические и политические последствия». [1] Землевладельцы оценили появление закона о сделках как «начало конца», как «прорыв фронта». Комитет съездов представителей акционерных обществ грозил, что запрещение сделок «отзовется самым неблагоприятным образом на всех кредитных отношениях, обеспеченных недвижимостями».

Действие закона было ослаблено половинчатостью и двусмысленностью его содержания. Согласно закону 12 июля «совершение крепостных актов по сделкам об установлении или переходе права собственности, залога или иного вещного права на внегородские земли, занятые сельскохозяйственными и лесными угодьями, должно в каждом отдельном случае разрешаться местными губернскими земельными комитетами с утверждением м-ра земледелия». Таким образом, закон был построен на компро-

[1] АОР, канцелярия Врем. пр-ва, д. 58.

миссе — он был направлен не к полной отмене сделок, а лишь к ограничению их. Суханов справедливо иронизировал в «Новой жизни» по поводу этой победы Чернова, указывая, что по существу «самая возможность сделок новым законом прямо санкционируется».[1] Недостатки закона были отмечены и органом Гл. зем. комитета. «Закон 12 июля не дает еще общей запретительной нормы для земельного оборота, он не говорит: «Сделки, по общему правилу, запрещаются, но в виде изъятия разрешаются на таких-то условиях». . . При всей своей важности закон об ограничении земельных сделок редактирован неудачно — в этом нужно сознаться, и это делает его еще более спорным».[2] Несмотря на все лазейки, которые были заботливо оставлены крупному землевладению, закон послужил одной из главных причин отставки Г. Е. Львова, этого представителя капиталистического землевладения во Временном пр-ве. В своем заявлении Временному правительству Львов, между прочим, писал: «Будучи сторонником перехода земли в руки трудового крестьянства, я тем не менее нахожу, что земельные законы, внесенные м-ром земледелия на утверждение Временного правительства, неприемлемы для меня не только по их содержанию, но и по существу всей заключающейся в них политики. Министерство земледелия, в сущности, стремится поставить Учредительное собрание перед фактом уже разрешенного вопроса».

За две недели до издания акта 12 июля Временным правительством было принято постановление «О приостановлении действий некоторых узаконений о крестьянском землевладении и землепользовании, а также об устранении землеустроительных комиссий». 19 июля был упразднен комитет по землеустроительным делам. Постановлением 28 июня приостанавливались: 1) выдача актов, удостоверяющих право личной или семейной собственности на надельную землю в тех случаях, где таковая признана старым законодательством (подворное участие в обществах, не производивших общих переделов, подворное

---

[1] «Новая жизнь», № 74.

[2] «Известия Гл. зем. к-та», № 7-8, ст. «О применении закона 12 июля».

участие в обществах с коренным подворным владением, усадебные участки в общине и досрочно выкупленные участки), 2) возникновение вновь права личной или семейной собственности на надельные земли в порядке чересполосного укрепления или землеустройства, землеустроительные действия по положению 29 мая 1911 г. Постановления 28 июня и 19 июля были направлены против «столыпинщины», которая уже до революции замедлила свое победное шествие. Сильный удар столыпинскому «землеустройству» был нанесен крестьянским движением, обрушившимся не только на помещиков, но и на хуторян. Проект правил «об организации уборки сенокоса и распределения сена», предусматривавший передачу в распоряжение государства всех торговых излишков, рассмотрен был лишь после того как была закончена уборка урожая трав. Тщетны были старания Чернова добиться правительственной санкции законопроекта, по которому рубка леса допускалась исключительно с разрешения земельных комитетов. Не встретил поддержки правительства и законопроект об упразднении комитета каспийско-волжских рыбных промыслов и передачи всех прав и обязанностей этого комитета астраханскому губ. земельному комитету. 29 июня во Временное правительство был внесен законопроект о передаче земель в ведение земельных комитетов. Законопроект пролежал без движения свыше месяца, и только в начале августа он был поставлен на обсуждение. Правительство проект отклонило, предложив министру земледелия представить его в переработанном виде. На следующий же день исправленный проект был вновь внесен в правительство, но последнее не удосужилось рассмотреть вопрос вторично. Законопроект о реконструкции земельных комитетов вовсе не был рассмотрен.

16 июля Чернов издал инструкцию земельным комитетам. Согласно этой инструкции, те земли, которые остались необработанными, подлежали передаче земельным комитетам на предмет распределения, но в первую очередь их обязаны были взять на учет продовольственные комитеты. Арендная плата, по инструкции, поступала в карман землевладельцев и определялась по добровольному соглашению сторон, при посредстве земельных комитетов. Инструкция никого не могла удовлетворить и

лишь усугубляла неприглядную картину земельных отношений. В Главном земельном комитете правильно отмечалось, что черновский акт неизбежно «внесет сумятицу на местах, так как спутывает все отношения продовольственных и земельных комитетов». В инструкции звонкая фраза сочеталась с расплывчатостью формулировок, допускавших различные толкования. «Комитеты могут далеко итти в удовлетворении справедливых требований трудового крестьянства, но при непременном условии, чтобы это не вело к расстройству народного хозяйства и растрате производительных сил и гибели высокоинтенсивных хозяйств». Как намеревалось правительство толковать эту инструкцию, показывает циркуляр «социалистического» министра внутренних дел Церетели от 18 июля, адресованный комиссарам и общественным организациям и требовавший решительной борьбы с земельными захватами и попытками «превышения власти» со стороны земельных комитетов.[1] Одновременно был издан приказ м-ра продовольствия А. В. Пешехонова, предлагавший губернским, уездным и волостным продовольственным комитетам «для спасения родины и революции» принять самые энергичные и решительные меры «к недопущению и прекращению... самовольных и незаконных действий со стороны населения», не выносить ни в коем случае постановлений и резолюций, «дающих повод населению к проявлению насильственных и преступных действий против землевладельцев». За неисполнение указанных требований министр грозил привлечением виновных к ответственности. В заключение министр продовольствия предлагал объявить населению, что «за самовольные и незаконные действия, препятствующие землевладельцам правильно вести хозяйства, виновные, помимо возмещения причиненных убытков, подлежат строгой ответственности» (уголовной).[2] Комитеты получили «предметный урок» по вопросу, как далеко можно им «итти в удовлетворении справедливых требований трудового крестьянства». Многочисленные репрессии и аресты деятелей земельных комитетов на местах, принявшие массовый характер после

[1] «Вестник Врем. пр-ва», 1917 г., № 107.
[2] «Вестник Врем. пр-ва», 1917 г., № 114.

июльских событий, довершили картину. Аресты производились под самыми различными предлогами. Постановления земельных комитетов, выходившие за «законные» пределы, не только отменялись в положенном инстанционном порядке, но и служили удобным поводом для уголовного преследования деятелей земельных комитетов.

Как иллюстрацию можно привести случай, происшедший в Торопецком уезде Новгородской губ. В середине июня представители 16 волостей сообщили в один голос в заседании уездного земельного комитета о надвигающемся аграрном движении, вызываемом тяжелыми условиями аренды и отсутствием каких бы то ни было правил по регулированию отношений между землевладельцами и крестьянами. Результатом этих сообщений явилось издание обязательного постановления уездного земельного комитета от 19 июня. Как нарушающее «действующие законоположения», обязательное постановление было высшей инстанцией отменено. Но это показалось недостаточным деятелям юстиции, и в начале сентября против Торопецкого земельного комитета было возбуждено уголовное преследование. Этот факт вызвал протест министерства земледелия, жаловавшегося в письме к м-ру юстиции на полную дезорганизацию, вносимую деятельностью судебных властей в работу земельного ведомства. [1] Сообщения о случаях, подобных описанному, поступали в министерство земледелия, Всероссийский Совет крестьянских депутатов и прочие организации с разных концов страны.

В своем обращении к Временному правительству Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов (в конце августа) уделил значительное место описанию тех кар, которые обрушились на голову борющегося крестьянства. «Наступает новый хозяйственный год, надвинулись осенние запашки, а законодательных норм все еще нет, и взамен укрепления авторитета земельных комитетов правительство расшатывает его все учащающимися арестами и репрессиями, якобы за превышение власти, которое явилось прямым последствием бездействия центральной власти. Эти аресты и репрессии фор-

[1] АОР, министерство земледелия, управление делами Гл. зем. к-та, д. 4/II ч.

мально основываются на некоторых статьях уложения о наказаниях, например на 341 и 269 «устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (142), из которых две последние. . . были включены в закон столыпинским правительством после 1905 г. для подавления аграрного движения». Далее Исполнительный комитет отмечал, что борьбой с аграрным движением занялись не только отдельные местные агенты м-ва юстиции и внутренних дел, но и главнокомандующий, в своем последнем приказе вменивший в обязанность комиссарам вмешиваться в отношения между землевладельцами и наемными рабочими, собственниками и арендаторами, предписавший отбирать у крестьянства уже работающих в их хозяйстве военнопленных. [1]

Министерство юстиции, выступившее в поход против нарушителей «освященных веками» земельных отношений, не ограничило сферы своего воздействия одними земельными комитетами, а решило начать бой и против министерства земледелия. В своей докладной записке министерство юстиции, явно намекая на инструкцию Чернова от 16 июля, пишет, что вина падает не только на земельные комитеты, но и на центральную власть, отдельные циркуляры которой прямо вводили комитеты в заблуждение относительно их прав и обязанностей. Как известно, положение о земельных комитетах предоставило земельным комитетам право издания обязательных постановлений. Министерство юстиции решительно выступает против этого права земельных комитетов, заявляя, что «истолкование п. 4 ст. VII положения в смысле права земельных комитетов издавать обязательные постановления по любым вопросам сельскохозяйственных земельных отношений было равносильно ограничению права распоряжения частной собственностью». [2]

Крестьянство отвечало на действия правительства усилением аграрного движения, принявшего к концу лета, после некоторого затишья из-за полевых работ, чрезвычайно широкие размеры. Правительство, убедившись в бесплодности политики угроз и уговоров, решительно

[1] «Известия Всероссийск. Совета крест. депутатов», 1917, № 93.
[2] «Новая жизнь», 1917, № 119.

и твердо встало на путь вооруженного насилия. В наиболее «опасных» губерниях были созданы особые комитеты, имевшие задачей «принятие неотложных мероприятий по ликвидации возникающих на местах недоразумений и ограждение порядка и законности в среде земельных отношений». Но посылка карательных отрядов лишь подливала масла в огонь. Не могло дать положительные для правительства и землевладельцев результаты и постановление от 7 сентября о подчинении земельных комитетов судам по административным делам. Не способствовало, конечно, спаду волны и новое воззвание Временного правительства от 26 сентября, твердившее в стиле всех предшествовавших деклараций правительства о недопустимости «нарушения существующих форм землевладения».

В декларации от 27 сентября даны обещания расширить круг деятельности земельных комитетов, но, по обыкновению, эти обещания изложены в крайне неопределенных выражениях: «Непосредственное упорядочение земельных отношений должно быть возложено на земельные комитеты, в ведении которых, в порядке, имеющем быть установленным особым законом, но без нарушения существующих форм землевладения, могут быть (могут, а не должны.—*З. Л.*) передаваемы земли сельскохозяйственного назначения, в целях наиболее полного их использования для спасения народного хозяйства от окончательной разрухи». [1]

В середине октября положение было так остро, крестьянское движение разлилось таким широким и бурным потоком, что Временное правительство вынуждено было приступить к обсуждению законопроекта м-ра земледелия

---

[1] Разбирая данную декларацию, «Известия Всероссийск. Совета крест. депутатов» (№ 124) писали: «Конечно, это слишком мало сравнительно с требованиями народных масс, и мы уверены, что сама действительность докажет, что именно в интересах спасения народного хозяйства более расширить права зем. к-тов по части изъятия частновладельческих земель». Значит, необходимо бороться за передачу всех земель зем. к-там? На этот вопрос следует ответ в великолепном эсеровском стиле: «. . . в виду окончания осеннего посева и близости открытия Учред. собр., вопрос о передаче всех земель земельным комитетам теперь потерял свою остроту на некоторое время».

С. Л. Маслова «об урегулировании земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений». Законопроект предусматривал, в целях удовлетворения крайней земельной нужды, образование временного арендного фонда. Передаче в арендный фонд подлежали следующие земли: находившиеся не менее 3 лет в течение последнего пятилетия в арендном пользовании, казенные и бывшие удельные; обрабатывавшиеся за последние пять лет всецело крестьянским инвентарем, изъятые из распоряжения владельцев или арендаторов в виду грозящего обесценения их или оставления без обработки; находившиеся в арендном пользовании по прекращении арендных договоров; добровольно передаваемые владельцами в арендный фонд. Кроме того, законопроектом также допускалось причисление к землям арендного фонда частей сельскохозяйственных имений, обрабатываемых средствами владельцев, при условии крайней земельной нужды в трудовых хозяйствах, не пользующихся наемным трудом, и возможности изъятия означенных частей имений без значительного ущерба для производительности хозяйств. Законопроектом запрещалось зачисление в арендный фонд садов, виноградников, хмелевиков, земель, отведенных под посев сахарной свекловицы и технических растений. Арендный фонд поступал в ведение земельных комитетов. Арендная плата должна была поступать через земельный комитет владельцу земли. Земельным комитетам предоставлялось аннулирование кабальных договоров и понижение арендной платы, в случае несоответствия ее по размерам доходности земли. На земельные комитеты возлагались обязанности учета земель сельскохозяйственного значения, наблюдение над передвижением прав и над хозяйственным ведением дела.

Масловский законопроект вызвал резкую отповедь Ленина, заявившего, что проект создан «для успокоения начавшегося крестьянского восстания, путем ничтожных уступок, сохраняющих главное за помещиками». [1]

Как явствует из текста законопроекта, зачислению во временный арендный фонд подлежали земли, которые фактически и до составления законопроекта находились в

---

[1] Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 292.

*

аренде у крестьян. Изъятие части помещичьих земель, обрабатываемых владельцами, обусловливалось возможностью произвести эту операцию без ущерба для помещичьего хозяйства. Не трудно понять, что при соответствующем толковании этого пункта не удалось бы отторгнуть от помещичьего имения и одной десятины земли. Арендная плата оставлялась за помещиками. Зачисление земель в арендный фонд поручалось земельным комитетам, составленным по шингаревскому закону 21 апреля. Словом, законопроект серьезного облегчения крестьянству не сулил и для тушения «пожара» не годился. Нельзя не согласиться с П. Н. Першиным, когда он, сравнивая масловское изделие с законами 11 апреля и 12 июля, утверждает, что предложенный Масловым законопроект, поскольку он имеет в виду лишь те земли, которые уже находятся в пользовании крестьян, едва ли идет значительно дальше указанных законов. «Постановление продажи и залога является более радикальной мерой в регулировании экономического оборота». [1]

Законопроект Маслова рассматривался во Временном пр-ве 17 октября, был признан нуждающимся в дополнительной разработке и был препровожден в особую правительственную комиссию для переработки. Комиссия изменила и без того куцый законопроект к худшему: изъяла содержавшееся в проекте указание на необходимость «удовлетворения крайней земельной нужды», по вопросу о распределении земельного фонда дала формулировку, выгодную для зажиточных элементов крестьянства, и т. п. 24 октября обсуждение законопроекта возобновилось, но уже «истекло время ораторов»: решение аграрного вопроса было перенесено на улицу. . .

Лишь 10 октября было издано правительством «обработанное» Юридическим совещанием постановление об охране лесов и их рубке, согласно которому к участию «в деле надзора за сохранением и правильным использованием на нужды страны» лесов подлежали привлечению «также» губернские и уездные зем. комитеты.

Возникает естественный вопрос: как реагировал на дея-

---

[1] П. Н. Першин, «Очерки земельной политики русской революции», Москва, 1918 г., стр. 117.

тельность м-ва земледелия Главный земельный комитет, что противопоставлял он той политике, которая проводилась правительством?

Временное правительство создало такую схему организации Главн. зем. комитета, которая обеспечила вполне «корректное», лояльное отношение комитета к правительственной политике. Мы уже отмечали партийные симпатии членов комитета, непосредственно назначаемых правительством. Председателем комитета был назначен проф. А. С. Посников, весьма умеренный либерал, член 4-й Госуд. думы, председатель ее финансовой комиссии, член фракции прогрессистов. Уже первая его вступительная, лукавая и двусмысленная, речь показала, кому вверено руководство комитетом. Посников счел удобным в первой же речи выступить против методов насильственного разрешения аграрной проблемы. Он предупреждал членов Главн. зем. комитета, что безвозмедное отчуждение земель заденет не только «исконных» землевладельцев, но и множество лиц, сделавшихся землевладельцами путем покупки земли. Отчуждать у таких лиц безвозмездно землю так же несправедливо, как отнимать ее у тех, кто потратил значительные средства на улучшение своих владений. Более 80% земельной собственности заложено в Дворянском, Крестьянском и др. частных акционерных банках, а также в банках взаимного кредита, и конфискация земель ударит, в первую очередь, по держателям закладных листов. Профессор не постеснялся мотивировать недопустимость конфискации земель интересами. . . сирот, на средства которых очень часто, мол, приобретались закладные листы. Вообще Посников старался всячески создать впечатление, что от земельной революции пострадает, в первую голову, «мелкий люд». Кроме того, он взял под свою защиту аграрную программу «партии народной свободы», отметив, что «принцип трудового землевладения, провозглашенный кадетами, вообще совпадает (! — *З. Л.*) с лозунгами других партий».

Главный земельный комитет был связан с местными комитетами, в частности с волостными, где голос крестьянства звучал весьма явственно. Но «радикализм» Главн. зем. комитета был такой марки, что близко стоявший к комитету и хорошо знакомый с его деятельностью Першин

вынужден был в свое время признать, что в комитете «господствовала тенденция считаться, если не со старыми законами, формально не отмененными, то, по крайней мере, с общей политикой революционного правительства». [1]

Главный земельный комитет, как и Временное правительство, настаивал на том, что земельный вопрос может быть разрешен только в Учредительном собрании. До созыва последнего комитет считал возможным проведение только переходных, паллиативных мер. Требования комитета отражали его дряблость и трусость, неспособность эсеровского ядра к-та на решительное выступление против антикрестьянской политики правительства.

Комиссия законодательных предположений приняла 12 июня весьма неудовлетворительный, допускавший различные толкования, законопроект о передаче земель в ведение земельных комитетов. Законопроект этот, в виду чрезмерной его «революционности», не был даже поставлен на обсуждение совета Главного земельного комитета.

29 июня совет утвердил проект правил об упорядочении земельных отношений. Проект давал земельным комитетам право определять, в каких размерах, кому и на каких условиях должны быть предоставлены в возмездное пользование и обработку следующие категории земель: 1) отдававшиеся или отдаваемые владельцами в аренду; 2) земли из состава сельскохозяйственных имений, фактически поступившие в пользование местного населения; 3) земли, которые не будут в ближайшее время надлежащим образом обработаны. На II сессии Главного земельного комитета проект подвергся резкой критике со стороны провинциальных делегатов. Сессия пошла дальше совета Главного земельного к-та и постановила дополнить постановление Врем. пр-ва от 21 апреля следующим пунктом: «В ведение земельных комитетов, впредь до разрешения Учредительным собранием земельного вопроса, поступают на основаниях, указанных в имеющих последовать постановлениях Временного пр-ва и инструкциях Главного земельного комитета, все земли сельскохозяйственного пользования, леса и воды местного хозяйственного значения. Комитетам предоставляется право устана-

[1] Першин, цит. раб.

вливать и регулировать порядок хозяйственного пользования названными угодьями». Сессия тут же сделала шаг назад, многозначительно добавив, что «комитеты не должны, однако, принимать таких мер, которые могли бы воспрепятствовать как распределению земель между трудовым населением на основаниях, которые будут установлены Учредительным собранием, так и сохранению хозяйств, представляющих экономическую и культурную ценность».[1] Несмотря на эту оговорку, создавшую благоприятную почву для самых широких отступлений от начал, провозглашенных законопроектом, последний, несомненно, выгодно отличался от того жалкого компромисса, который исходил от совета Главн. зем. комитета. Постановление сессии не встретило сочувствия у членов Временного правительства. Вместо того чтобы повести открытую массовую кампанию в защиту своих требований, Главный земельный комитет попытался обойтись без правительственной санкции, путем хитроумного, казуистического толкования действующих законов. Особая комиссия III сессии Г. з. к-та приняла инструкцию, которая несколько расширяла права земельных комитетов в результате ловкой юридической операции, произведенной над старыми законами. Ясно, что такой способ решения проблемы не мог дать существенных результатов — правительство не замедлило бы настоять на более точном и правильном понимании действующего права.[2]

Отсутствие у Г. з. к-та воли к решительной ломке аграрных отношений, с одной стороны, неспособность и нежелание мобилизовать силы для борьбы с защитниками помещичьего землевладения в правительстве, с другой, приводили представителей местных комитетов к выводу, что Г. з. к-т «не стремится к скорейшему регулированию земельных отношений» (заявление делегата Новгородской губ.).[3] Такие же голоса раздавались и в совете Главного земельного комитета. В заседании, состоявшемся 16 октября на самом пороге Октября, проф. А. Н. Челинцев, руководитель отдела с. х. экономии и политики,

---

[1] «Изв. Гл. зем. к-та», 1917, № 2-3.
[2] Першин, цит. раб.
[3] Труды II сессии.

с горечью заявил: «Возьмите, например, Харьковский (земельный.—*З. Л.*) комитет, там работают люди серьезные, трезвые, не демагоги, и они спрашивают, когда же Гл. зем. к-т даст им помощь и когда они перестанут брать на себя ответственность. А Гл. зем. к-т уже опоздал в своей помощи (разрядка моя.—*З. Л.*)»[1]

Деятельность Г. з. к-та в области регулирования земельных отношений выявила всю его оппортунистичность и «бескостность». Не более значительна и ценна была его деятельность по разработке проекта реформы для Учредительного собрания. На III сессии комитета, собравшейся в последних числах августа, С. Л. Маслов сообщил о том, что решено было создать при Г. з. к-те 6 комиссий, из которых 2 еще не приступили к работе (из позднейших материалов мы узнаем, что первое заседание комиссии о водах произошло только 9 октября). Из комиссий, приступивших к работе, по словам Маслова, кое-какие результаты успела дать только комиссия по распределению земельного фонда. «Все остальные комиссии ограничились только составлением и выработкой плана и некоторыми предварительными мнениями по некоторым вопросам».[2] Местные земельные комитеты, не имея руководства со стороны Главного к-та, чувствовали себя бессильными что-нибудь сделать в отношении подготовки реформы. Представитель Костромской губ. резонно жаловался на сессии Г. з. к-та: «Я бы еще сказал относительно другой задачи, той основной, которой мы пока не в силах проводить в жизнь. Это по основам подготовки земельной реформы. До сих пор мы не имели никакого руководящего указания из центра; мы не в состоянии, я прямо скажу, взяться за работу».[3] Такое же признание сделал в середине октября такой авторитет (в данном вопросе) как А. В. Пешехонов, меланхолически констатировавший, «что проект земельной реформы далеко, ведь, не закончен, даже к составлению его, по-настоящему, не приступлено».[4]

Интересно остановиться на работе комиссии по распределению фонда, той самой комиссии, которая, по заявле-

---

[1] Ленингр. Центр. Ист. архив, Гл. зем. к-т. 1917 . Д. II.
[2] «Изв. Гл. зем. к-та», № 7-8.
[3] Труды II сессии.
[4] «Народное слово», 1907, № 111.

нию Маслова, в отличие от других комиссий, обнаружила кое-какую творческую деятельность. Среди вопросов, обсужденных этой комиссией, особенно выделялся по своему значению вопрос о ликвидации частного землевладения. Комиссия признала, что сельскохозяйственные земли частного владения должны быть переданы трудовому населению. Изъятия из этого правила могут быть допущены для владений и частей владений, за которыми будет признана особая народно-хозяйственная ценность. К подобным исключениям относятся, по определению комиссии, в числе других, владения показательного характера, отличающиеся существенно повышенной, против общего уровня хозяйств данной местности, производительностью. Эти владения поступают в заведывание органов государства или местного самоуправления с того момента, когда государство или местное самоуправление признают возможным принять соответствующие хозяйства в свое хозяйственное управление. Хозяйства оставляются до момента передачи их государству или органам местного самоуправления в хозяйственном распоряжении их настоящих хозяев (владельцев или арендаторов) на такие сроки и на таких условиях, которые обеспечивали бы поддержку ведущегося хозяйства в виде, отвечающем его назначению. По смыслу этого постановления комиссии реформа не затрагивала, во всяком случае для ближайшего периода, значительного числа помещичьих хозяйств. Что касается всей остальной массы частновладельческих хозяйств, то, по проекту комиссии, за помещиками оставалось право на обеспечение землей по трудовой норме и право на владение усадьбами. Это означало сохранение очагов контрреволюции в деревне.[1]

Итак, Главным земельным комитетом было очень немного сделано по подготовке аграрной реформы. А то, что было сделано, говорило об очень бережном отношении к помещичьим хозяйствам.

Необходимо отметить еще одну сторону деятельности Гл. зем. к-та. Он весьма внимательно следил за мероприятиями местных комитетов и призывал их к порядку

---

[1] Труды комиссий по подготовке зем. реформы. Вып. I. О крупном землевладении.

каждый раз, когда они выходили «за пределы законности», т. е. когда они, по-просту говоря, пытались так или иначе упорядочить аграрные отношения в интересах крестьянства. [1]

Обзор деятельности Временного правительства не оставляет сомнений в антикрестьянском характере ее. Апелляция к «полномочному» Учредительному собранию лишь скрывала расчеты правительства на более благоприятную для сделки с помещиками ситуацию. Несерьезность и неискренность утверждений о невозможности реформы без подготовительной работы подтверждается пассив-

[1] Приводим два-три примера, характеризующие эту сторону деятельности Г. зем. к-та. Когда Осташковский уездный зем. комитет издал ряд распоряжений, которые, по выражению официального документа Гл. зем. к-та, «могли бы быть признаны правомерными лишь при передаче всех земель в полное распоряжение земельных комитетов», Гл. зем. к-т поторопился напомнить Тверскому губ. к-ту об ограниченности прав земельных комитетов и предложил ему немедленно отменить распоряжения Осташкова. Гл. зем. к-т требовал отмены постановлений местных земельных комитетов и в случае менее серьезных «нарушений» закона. Так, Борисоглебский зем. к-т постановил понизить на 75% арендную плату по договорам, заключенным в 1916 г. Т-щ председателя Гл. зем. к-та, узнав об этом постановлении, сообщил Борисоглебскому к-ту, что «арендные договоры, заключенные при старом порядке, ни одним постановлением Временного правительства не были объявлены лишенными законной силы».

Архив. Октябрьской рев., м-во земледелия, 1917 г., управление делами Главн. зем. комитета, д. 4/II ч.

За две недели до Октябрьской революции управление делами Главного земельного к-та отправило длиннейший и нуднейший циркуляр Херсонскому губернскому земельному к-ту, возбудившему недовольство центра своим обязательным постановлением о регулировании земельных отношений. В циркуляре было дано понять херсонцам, что «обязательное постановление должно быть составлено в соответствии с действующими законами и не должно преступать пределов полномочий, предоставленных к-там специальными узаконениями». Главный земельный к-т потребовал изъятия из постановления пункта, провозглашавшего передачу всех земель арендного с. х. пользования в земельный комитет и опротестовал воспрещение передачи аренды другому лицу, ограничение количества земли, оставляемой у землевладельцев, средней запашкой за 1916—17 г. и т. п.

Ленингр. Центр. Ист. архив., Гл. зем. к-т., 1917, д. 1.

ностью и медлительностью органов, на которые эта работа была возложена. В условиях массового движения правительство не могло уклониться от проведения некоторых «временных» мер, но последние провозглашались законом или по миновании надобности в них (закон об уборке сена) или преподносились в малоудовлетворительном для крестьянства виде («шингаревское» положение о земельных комитетах). Несравненно большую последовательность и активность правительство обнаруживало в борьбе с крестьянским движением (деятельность м-ва внутр. дел, юстиции, военных властей).

Смысл аграрной политики Временного правительства может быть вскрыт только в свете тех программных и тактических положений, которые были выдвинуты в 1917 г. основными политическими партиями, определявшими в той или иной степени политику «керенщины».

«Партия народной свободы», объединившая в период «керенщины» вокруг своих лозунгов все активные элементы крупной буржуазии и капиталистического землевладения, приняла на своем восьмом съезде в 1917 г. постановление о принудительном отчуждении частновладельческих земель (сверх трудовой нормы) и о передаче земель «сельскохозяйственного пользования» трудовому земледельческому населению. Это положение прошло не без сопротивления части делегатов. Кадетский «златоуст» Маклаков выступил с резкой критикой «культуры трудового участка», которая, по его образному выражению, «так относится к культуре крупных хозяйств, как трехдюймовое орудие к 42-дюймовому крупповскому. . .» Таким же апологетом крупного помещичьего землевладения выступил Родичев, усиленно и небезуспешно убеждавший своих товарищей, что интересы помещиков «не могут быть признаны несправедливыми». Князь Евгений Трубецкой обвинял съезд в уступках «анархическим» течениям, «которым если дать волю, то ведь они растащат по бревну Россию». Требуя отклонения принципа принудительного отчуждения частновладельческих земель, Маклаков высказался за подоходный налог по системе Генри Джорджа,

а Родичев за «прогрессивно-принудительный налог», без точного определения его формы.

Маклаков и Родичев остались в меньшинстве. Но принятые съездом «главные основания земельной программы» говорят о том, как далеки были кадеты от желания «обидеть» помещиков. От принудительного отчуждения освобождались: помещичьи усадьбы, сады, виноградники, огороды и т. п. В местностях, где не наблюдалось недостатка земли «для нормального обеспечения малоземельного и безземельного земледельческого населения», тем землевладельцам, которые вели хозяйство собственным инвентарем, оставлялось количество земли в ы ш е трудовой нормы. Программа устанавливала также специальную «предельную норму», но и эта норма объявлялась необязательной, если «подлежащие учреждения» признавали необходимым сохранить данное хозяйство в прежнем его виде. VIII съезд высказался в принципе за ограничение землепользования трудовой нормой и против использования земли в качестве источника постоянного рентного дохода. Но действительное отношение кадетов к «трудовому принципу» сказалось в выступлении докладчика по аграрному вопросу Черненкова, дипломатически заявившего, что, «проводя трудовой принцип, едва ли, однако, возможно толковать его столь ригористически, чтобы допускать для каждого только такое количество земли, какое он может обработать исключительно своим трудом». [1] О чем свидетельствуют все эти оговорки? О том, что только «тяжелые обстоятельства» революционной эпохи принудили кадетов присоединиться к «трудовому принципу» и что они всячески стремились обеспечить себе возможность его нарушения в пользу капиталистического землевладения.

Согласно новой программе, помещики должны были получить за свои земли выкупные свидетельства, причем государство должно было принять на себя погашение всей выкупной суммы и уплату известной доли процентов по выкупным свидетельствам. Остальная часть подлежащих ежегодно уплате процентов должна была покрываться крестьянством в виде особого налога с предоставляемых ему земель. Что эта реформа имела определенное сходство со

[1] «Вестник партии народной свободы», № 1917 г., № 19.

знаменитой выкупной операцией 1861 г., не отрицали и сами кадеты. Полтавский делегат, критикуя предложенный съезду проект аграрной реформы, безоговорочно признал, что пункт проекта, трактующий вопрос о выкупе, напоминает реформу 1861 г. Косвенно вынужден был признать преданность кадетов «старым заветам» и проф. А. А. Корнилов, состоявший председателем аграрной комиссии центрального комитета. Корнилов уверял своих соратников, что «всякий человек, серьезно желающий обрабатывать отводимый ему участок земли, не только не откажется уплачивать за этот участок, при гарантированной ему прочности владения, умеренный процент, но с радостью и без труда будет его уплачивать. Ведь если так разорительны были для крестьян после реформы 1861 г. выкупные платежи, так это потому, что они установлены не по умеренной оценке земель, а по оценке отпускаемой на волю души. . .» [1] Руководитель аграрной комиссии не постеснялся высказаться за повторение операции 1861 г., лишь осторожно оговорив необходимость «умеренной оценки». Представление о тяготах, какие кадеты намеревались взвалить на крестьянство, дают весьма скупые подсчеты буржуазных экономистов (А. Зак и др.), определивших сумму платежей в. . . 5—9 млрд руб.

Интересная обстановка создалась при обсуждении поправки нежинского делегата Сапежко о том, что оценка земли должна понижаться «пропорционально меньшей задолженности и большим размерам». Вначале съезд разделился на две равные части: 56 человек — за, 56 — против. Перебаллотировка дала 71 голос за поправку, 68 — против нее. Результаты баллотировки вызвали возмущенные реплики со стороны таких кадетских авторитетов, как кн. Евг. Трубецкой и Черненков (докладчик по аграрному вопросу), и под их нажимом съезд постановил поставить поправку на голосование в третий раз. [2] При новой перебаллотировке за поправку было подано 70 голосов, против — 64, 5 делегатов воздержались. Формально победила

---

[1] А. А. Корнилов. Почему нельзя отдавать новые наделы бесплатно. «В. п. н. с.», 1817, № 3.

[2] Поправка голосовалась три раза, а не два, как ошибочно указывает в своей работе «Помещики в 1917 г.» О. Чаадаева.

та часть делегатов, которая считала слишком рискованным для партии, в условиях победоносной революции, ратовать за полное удовлетворение аппетитов крупного землевладения. Но роль последнего в партии была так значительна, страх перед всяким ограничением принципа частной собственности был так велик, что принятие незначительным большинством поправки еще не означало фактического признания ее руководящими кругами партии. Сознание этого факта чувствовалось и на съезде, один из участников которого выступил с решительными возражениями против предложения просить ЦК о детализации и разработке указанной поправки. Оратор требовал, чтобы поправка была сохранена в первоначальном виде, так как поручение центр. к-ту детализировать принцип поведет к тому, что «этот принцип будет торжественно провален...»

Сами кадеты понимали, что обстановку, сложившуюся после Февральской революции, нельзя признать подходящей для реализации указанной программы, глубоко враждебной интересам крестьянства. Только спад революционной волны мог поднять шансы,— думали кадеты,— на возможность навязать стране их «лозунги». Отсюда родился знаменитый тезис о том, что земельная реформа может быть проведена только Учредительным собранием. Совершенно естественно, что созыв последнего, в ожидании «лучших» времен, всячески оттягивался. Чрезвычайно неприязненно были встречены кадетами даже такие половинчатые акты, как закон о запрещении земельных сделок, как масловский законопроект о регулировании земельных отношений и т. п.

Столкнувшись лицом к лицу с революционной действительностью, встав перед необходимостью разработать аграрную программу не для прекрасного, подернутого мечтательной дымкой, «завтра», а для реального, прозаического, будничного «сегодня», социалисты-революционеры вынуждены были понемногу и постепенно ликвидировать тот утопизм, которым была пропитана их программа. Так, в 1917 г. эсеры фактически отказались от лозунга, который с давних пор считали главным «гвоздем» своей программы. Здесь идет речь о знаменитом эсеровском лозунге «права всех на землю». Формально вожди партии продолжали еще козырять этим утопическим «правом», и, напри-

мер, Виктор Чернов не преминул произнести «здравицу» в честь этого лозунга на майском съезде советов крестьянских депутатов. Но под прикрытием подобных «здравиц» в партии производилась энергичная ревизия старых принципов. В каком направлении шла эта ревизия, явствует из отчета о заседании комиссии Главного земельного комитета по перераспределению земельного фонда, посвященном рассмотрению вопроса о контингенте хозяйств и лиц, подлежащих обеспечению землей. Народный социалист Рыбников, сделавший доклад по данному вопросу, резко высказался против принципа «право на землю». Доклад вызвал возражения со стороны товарища министра земледелия эсера Ракитникова, отстаивавшего ту мысль, что «этической санкцией земельного переворота может быть лишь равное право всех на землю». Далее: «единственный возможный ответ на вопрос: кто имеет право на получение земли из государственного или общенародного фонда, будет: всякий, желающий возделывать ее личным трудом. . . Поэтому при распределении земельного фонда нужно считаться не с правом тех или других категорий населения на получение земли, а с порядком удовлетворения заявленных притязаний на землю». Изложение этого порядка явно шло в разрез с провозглашенным принципом, и кадет Кауфман не без удовольствия признал, что эсеры и н.-с. не так далеки друг от друга, как это может казаться с первого взгляда, так как в области практического осуществления реформы Ракитников не осмеливается требовать, чтобы земля досталась всем на одинаковых условиях. С.-р. Быховский пытался подорвать аргументацию Кауфмана утверждением, что центр тяжести лежит именно в принципиальной стороне реформы, но к Кауфману присоединился крупнейший эсеровский специалист по аграрному вопросу С. Л. Маслов, охарактеризовавший «право на землю» как «философский принцип, вовсе не обязательный для партии эсеров». На фоне этих выступлений черновская фраза о том, что «все, кто хочет работать, имеют равное право», может расцениваться лишь как характерный агитационный прием.

Отказ или специфическая «конкретизация» старых лозунгов не только свидетельствовали о крахе эсеровского утопизма, но и вскрывали, выявляли подлинную социаль-

ную природу эсеров, как партии зажиточной, кулацкой верхушки крестьянства. В этом отношении большой интерес представляет позиция эсеров по чрезвычайно важному и актуальному вопросу «о полукапиталистических хозяйствах». Этот вопрос рассматривался в августе и сентябре 1917 г. в комиссии по перераспределению земельного фонда при Главном земельном комитете. При активном участии эсеров комиссия высказалась против применения общих норм отчуждения к «полукапиталистическим хозяйствам» и признала, что отрезки от таких хозяйств возможны только сверх двойной потребительно-трудовой нормы для данной местности. Чтобы несколько смягчить отступление в этом пункте, касающемся зажиточных крестьянских хозяйств, от обычных «уравнительных» лозунгов эсеровской «социализации» и оградить себя от обвинения в консервировании капиталистических элементов в сельском хозяйстве, комиссия остроумно признала «неправильность» применения в данном случае термина «полукапиталистическое хозяйство» и высказалась за необходимость, отбросив этот термин, говорить о «крупных крестьянских хозяйствах с применением наемного труда». Застрельщиком этой «терминологической революции» выступил С. Л. Маслов, по мнению которого «могут быть лишь или трудовые или капиталистические хозяйства. Хозяйства же, называемые здесь полутрудовыми или полукапиталистическими, представляют особую группу хозяйств, в которых наемный труд аналогичен наемному труду в ремесленных предприятиях, они составляют особую категорию, не капиталистическую по существу». Маслов в своих «изысканиях» пошел дальше и провозгласил, что наемный труд, выдвигаемый как признак «полутрудовых» хозяйств, есть не более, как «внешний нехарактерный признак». (!) [1]

Пункт о выкупе земель не был формально включен эсерами в их программу. Но есть достаточно оснований предполагать, что при том ужасе, в которой приводила эсеров перспектива разрыва с буржуазией, они, в конечном итоге, капитулировали бы и в этом вопросе. Симптомов этого «поворота» было более чем достаточно. В конце мая эсеров-

---

[1] Труды комиссии по подготовке земельной реформы. Вып. III. О крупно-крестьянских хозяйствах.

ская «Воля народа» доказывала необходимость разработки данных о задолженности частного землевладения, приводя при этом следующие соображения:

«Разработать эти данные необходимо, так как те демократические и социалистические партии, которые не отрицают необходимости считаться с вопросом о выкупе в настоящее время, стремятся к выработке системы градаций, т. е. понижения скалы выкупной оценки в зависимости от размеров имения». Далее следовал такой довод: «Закладные листы правительственных и земельных банков, обращаясь в виде денежных знаков, широко распространены в публике не только в России, но и за границей, и на покупку их затрачиваются зачастую трудовые сбережения народа. . .» [1] На 4-м съезде партии эсеров Е. Ратнер обрушилась на пресловутого Маслова за то, что в законопроекте его шла речь «о возможности выкупа». [2]

Социалисты-революционеры считали необходимым, в полном согласии со всеми буржуазными партиями и группировками, возложить решение аграрного вопроса исключительно на Учредительное собрание и всячески противодействовали попыткам ликвидации помещичьего землевладения революционным путем. Эсеры, несомненно, понимали, какое впечатление должна производить подобная тактика на крестьян, но никакие опасения не могли повлечь решительного поворота в области тактики, поскольку эсеры не мыслили возможности самостоятельной, независимой от буржуазии политической линии. Для успокоения взбаламученного крестьянского моря эсеры решились выдвинуть лишь следующие «временные меры»:

«1. Переход всех земель в ведение земельных комитетов, которые заботятся о поддержании сельскохозяйственного производства на возможно высоком уровне, о развитии общественной и артельной обработки земли и о возможно равномерном и правильном распределении земли между отдельными трудовыми хозяйствами.

2. Планомерное и целесообразное распределение земельными комитетами рабочих сил между хозяйствами.

3. Учет всего живого и мертвого инвентаря и распо-

---

[1] «Воля народа», 1917 г., № 27.
[2] «Дело народа», 1917 г., № 223.

ряжение им в целях наилучшего использования его.

4. Урегулирование рубки леса в интересах народного хозяйства, установление на лес и лесные материалы твердых цен и прекращение хищнической и спекулятивной вырубки.

5. Взятие на учет и, в случае надобности, в общественное заведывание уездных или губернских земельных комитетов тех культурных хозяйств, которым грозит разрушение или обесценение, как вследствие корыстных действий владельцев, так и по к.-л. другим причинам». [1]

Кроме всех этих мер, эсеры также требовали приостановления земельной мобилизации.

Главное место в эсеровской программе «временных мер» занимала передача земель в ведение земельных комитетов. В этом лозунге сказывалось как стремление эсеров удержать под своим влиянием массы крестьянства, так и намерение их создать организации, которые помогли бы им «предотвратить частичные захваты». [2] Но буржуазия предвидела, в какую опасную силу могут вырасти массовые крестьянские организации, и решительно воспротивилась расширению их полномочий. Эсеры много по этому поводу шумели, но степень их настойчивости была слишком недостаточна, чтобы преодолеть сопротивление буржуазии. В пылу полемики между крайне-правой «Волей народа» и «Делом народа» в эсеровской прессе было отмечено, что Чернов, в бытность его министром земледелия, почти ничего не сделал для реализации указанного лозунга. По утверждению Огановского, Чернов даже изъял пункт о передаче земель в ведение земельных комитетов из проектов закона о регулировании земельных отношений, внесенного им во Временное правительство. [3]

Другой тактики нельзя было ожидать от эсеров, пуще всего опасавшихся задеть основы существующего порядка. Выступая с оценкой своих «временных мер», эсеры откровенно признавали, что «меры эти не могут быть построены на иных основах, чем основы су-

---

[1] Протоколы III съезда партии соц.-революционеров.
[2] Там же. Из выступления С. Л. Маслова.
[3] «Воля народа», 1917 г., № 128.

ществующего права. Поэтому все законопроекты должны быть строго согласованы с существующими и неотмененными правовыми институтами, должны быть совершенно ясны и определенны, не вносить в декларативной форме таких принципов, которые не признаны существующим законодательством». [1]

При таком толковании «временных мер» совершенно непредотвратима была капитуляция эсеров и по тем вопросам, решение которых они считали обязательным до созыва Учредительного собрания.

После крушения «керенщины» эсеры пытались свалить с себя на Временное правительство вину за бесплодность аграрной политики. Бывший товарищ м-ра земледелия Ракитников с «серьезным видом» доказывал, что по «плачевным результатам правительства коалиции никак нельзя судить о тактике партии в аграрном вопросе. Эту тактику надо изучать на съездах, конференциях, в работах земельных комитетов, бывших в большинстве случаев эсеровскими, а не в мерах коалиционного правительства. . .» [2] В этом утверждении все с начала до конца неверно. Во-первых, эсеры не могут уклониться от ответственности за деятельность правительства, которое пользовалось их той или иной поддержкой на протяжении всей своей жизни. Во-вторых, как мы видели выше, непосредственное изучение «чисто-эсеровских» документов лишь подтверждает взгляд на эсеров как на прямых пособников Временного правительства.

Эту же ответственность за аграрную политику «керенщины» в полной мере разделяют и меньшевики.

На августовском съезде меньшевиков была принята по аграрному вопросу резолюция, в основу которой была положена масловская «муниципализация земли». Аргументация, развитая автором резолюции (Маслов), не дала ничего нового. Обветшалый вид аргументации не был случайностью, так как Маслов исходил из убеждения, что

---

[1] «Воля народа», № 90. Аналогичное заявление сделал в самом начале революции Кондратьев, доказывавший на страницах «Дела народа» (№ 4), что «государство впредь до решения аграрного вопроса не должно нарушать принцип частной собственности в его корне».

[2] «Дело народа», № 215.

*

после революции у власти не станут не только социалисты, но даже и «демократы», и что поэтому полностью сохранили свою силу старые доводы против национализации, высказанные на Стокгольмском съезде. [1]

Съезд признал, что земли, которые подлежат использованию «живущим на местах населением», должны находиться в распоряжении крупных областных органов местного самоуправления. Согласно принятой резолюции, формы и способы пользования землей в различных районах предоставлялись решению тех же органов. Что касается общинной и мелкоземельной частной собственности, то она «ниже уровня, определяемого в каждом районе сообразно экономическим условиям этих районов, не отчуждается. Но для уничтожения возможности перехода ее в руки скупщиков и ростовщиков право покупки этой земельной собственности принадлежит только крупным и мелким органам самоуправления и государству». Вопрос об отчуждении помещичьих земель меньшевики прямо связывали с проблемой «выкупа». Рожков по вопросу о выкупе доказывал в своем докладе, что «не удастся просто отмахнуться от этого вопроса, главным образом в виду огромной задолженности частновладельческой земли. Игнорирование этого долга привело бы страну к страшному финансовому кризису. Поэтому говорить о полной безвозмездности отхода земли в руки государства не приходится». В положительном смысле решал вопрос о выкупе автор меньшевистской аграрной программы Маслов, требовавший, чтобы землевладелец получил «необходимые средства для безбедного существования». [2]

Резолюция августовского съезда решала вопрос следующим образом: во-первых, прокламировалось отчуждение частновладельческих земель «без выкупа», во-вторых, устанавливалась необходимость покрытия всех долговых обязательств за отчуждаемые земли путем специального прогрессивно-поимущественного налога.

Отрицание резолюцией «выкупа» носит весьма и весьма условный характер. Вслед за Рожковым съезд отказался

---

[1] «Партийные известия», изд. ОК. РС-ДРП, 1917 г. № 4—5.
[2] П. Маслов, «Что делать с землей? 1917 г.

«говорить о полной безвозмездности отхода земли. . .» Слои буржуазии и отчасти мелкой буржуазии, связавшиеся с помещичьим землевладением путем покупки «закладных листов», могли быть вполне довольны меньшевиками, сулившими «покрытие всех долговых обязательств». Таким образом, меньшевики решились задеть интересы помещичьего землевладения, но буржуазная собственность представлялась им «святой» и неприкосновенной.

Как и эсеры, меньшевики не допускали возможности решения аграрного вопроса до Учредительного собрания и немало потратили чернил (и не только чернил — вспомним деятельность министра Церетели) для протестов «против анархических захватов земли и всяких других способов самочинного разрешения вопроса». Подобно партии с.-р., меньшевики пытались подменить лозунги аграрной революции программой «временных мер». Майская конференция меньшевистских и объединенных организаций РС-ДРП признала, что «земельная реформа может быть совершена только Учредительным собранием и что в настоящее время возможно только временное, до проведения этой реформы, регулирование отношений землепользования местными демократическими учреждениями (земельные, продовольственные комитеты)». В числе «временных мер», выдвигавшихся меньшевиками, значилось: издание декрета Временного правительства о запрещении частных сделок на землю и леса без разрешения земельных комитетов; направление «деятельности земельных комитетов в сторону принудительного регулирования арендных отношений и отношений найма»; передача продовольственными комитетами всех незасеянных земель в руки местного крестьянства для их обработки, с временным использованием необходимого для обработки частновладельческого инвентаря. [1]

Деятельность меньшевиков по аграрному вопросу была проникнута тем же страхом перед крестьянской революцией, той же боязнью нарушить «существующие формы землевладения», тем же стремлением укрыться под «благодатной сенью» полумер, что и деятельность эсеров.

---

[1] Всеросс. конфер. меньшевистских и объединенных орган. РС-ДРП: Изд. ОКРС-ДРП. Пгр. 1917 г.

Отношение «социалистов» к земельному вопросу интересно проверить на деятельности м-ва юстиции. Это министерство с самого начала революции оказалось в руках «социалистов» и возглавлялось ими почти на всем протяжении революции вплоть до самых последних дней «керенщины». Это министерство требовало самой свирепой расправы с земельными комитетами и по своим методам борьбы с массовым крестьянским движением могло сравниться лишь с министерством внутренних дел, которое также в течение долгого времени возглавлялось «социалистами».

Разбирая общие итоги аграрной политики Временного правительства, даже такой далекий от большевизма человек, как бывший редактор покойного журнала «Экономист» Лутохин, вынужден был признать, что «за все время существования Временного правительства деревня ничего не получила от него».[1]

Характер земельной политики Временного правительства определялся в значительной степени тем блоком, который составился между буржуазией и помещиками, охваченными общим чувством страха перед массовым рабочим и крестьянским движением. Революционное решение аграрной проблемы невозможно было без мобилизации широчайших масс, которые одни только способны были сломить сопротивление помещиков. Но массы были для буржуазии «зверем из бездны», одинаково опасным и для помещичьей и для буржуазной собственности. Нельзя забывать, что ликвидация помещичьего господства происходила в России в эпоху развитого империализма, когда обострение классовых противоречий достигло своего апогея, когда в двери уже стучалась социалистическая революция. В таких условиях буржуазия считала чрезвычайно рискованным всякое потрясение «священной собственности».

Признавая неизбежность некоторой «прирезки земли», буржуазная пресса прямо заявляла, что «промышленники могут стоять лишь на точке зрения возмездного отчуждения земли, считая всякий иной способ недопусти-

---

[1] «Записки института изучения России», Прага, 1925 г. Ст. Д. Лутохина.

мым нарушением права собственности».[1]

По расчетам П. Маслова, задолженность кредитным учреждениям со стороны частного землевладения составляла три с половиной миллиарда рублей.

Эта справка делает понятными ту тревогу и исключительную активность, которую обнаружили в земельном вопросе банки, выступившие в качестве страстных и решительных защитников помещичьих привилегий.

Позиция буржуазии и ее партий объяснялась, конечно, в громадной мере, боязнью нарушения интересов земельных банков и держателей закладных листов. Но кроме этой боязни действовали еще другие чувства и соображения.

Ведь в действительности буржуазия высказалась не только за ликвидацию задолженности, но и за прямое вознаграждение помещиков. Совершенно очевидно, что мы имеем дело, в данном случае, не столько со стремлением обеспечить интересы земельных банков, сколько с последовательной защитой частной собственности.

Во многих случаях наблюдалось блокирование союзов земельных собственников с городской буржуазией. Совет всероссийских земельных собственников работал в тесном контакте с советом съездов представителей промышленности и торговли и пользовался поддержкой банков, в особенности земельных. Подобная же картина наблюдалась в провинции.

---

[1] «Горно-Зав. дело», 1917 г., № 17.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Законодательство о профсоюзах. — Отношение правительства к фабр.-зав. комитетам. — Вопрос о 8-часовом рабочем дне. — Законодательство об охране труда. — Распределение рабочей силы. — Буржуазия и рабочий вопрос. — Меньшевики о рабочем законодательстве.

Политика Временного правительства по рабочему вопросу заслуживает особого внимания. Не считая короткого периода существования отдела труда при министерстве торговли и промышленности, во главе ведомства труда стояли ответственные деятели меньшевизма (Скобелев, Кузьма Гвоздев), претендовавшие на непосредственное представительство интересов рабочего класса.

Анализ основных, главных актов правительства по рабочему вопросу покажет нам, можно ли действительно отделить рабочую политику Временного правительства от политики, проводившейся им во всех других отраслях государственной жизни, имелись ли какие-либо серьезные основания для претензий меньшевистских министров.

5 марта в заседании Временного правительства было постановлено учредить при министерстве торговли и промышленности отдел труда. Этот отдел просуществовал недолго, уступив вскоре место м-ву труда. При отделе труда, а затем при м-ве труда, функционировал Особый комитет, имевший задачей предварительное обсуждение законодательных мероприятий в области рабочей политики. Особый комитет состоял из 8 представителей Сов. раб. деп., 8 — предпринимателей, 2 — Всероссийских земского и городского союзов, 2 — Центрального военно-промышленного комитета. Рабочая делегация оставалась неизменно в меньшинстве Кратковременный опыт работы заставил члена комитета, Панкова высказать в заседании к-та уверенность, что во всех принципиальных вопросах рабочая делегация всегда будет оставаться в меньшинстве,

Даже покладистый Гвоздев взмолился к комитету, чтобы последний считался с рабочими, хотя бы «как со стороной». [1]

В первую очередь был поставлен на обсуждение Особого к-та проект закона о профсоюзах. Промышленники прилагали все усилия, чтобы ограничить права профсоюзов, путем создания сложной процедуры регистрации и пр. Представитель петроградского общества заводчиков и фабрикантов Грауман протестовал против допущения в члены профсоюзов иностранных подданных. При этом представитель промышленников высказывал опасение, что «наши молодые неокрепшие союзы могут быть захвачены германскими союзами для ущерба русской промышленности». Ничего более умного для обоснования своего предложения промышленники не могли придумать. Промышленники настаивали на передаче функций регистрации судебным органам, в то время как рабочая делегация считала необходимым возложить эти функции на органы самоуправления.

Под давлением промышленников был выработан проект, ставивший ряд препятствий деятельности профсоюзов. На ряду с этим проектом был представлен проект Совета рабочих депутатов, связывавший вопрос о профсоюзах с более общим вопросом о свободе коалиций. Проект Совета содержал пункты о ненаказуемости стачек, бойкотов, выставления стачечных постов, о запрещении замены бастующих воинскими частями, о гражданской ответственности предпринимателей в случаях, когда забастовка вызывается действиями администрации предприятия. В советском проекте предлагался упрощенный порядок регистрации союзов. Проект Совета не был даже допущен к обсуждению. Законопроект о профсоюзах, выработанный Особым комитетом, дальнейшего движения не получил. 12 апреля был издан подготовленный м-вом юстиции закон о собраниях и союзах. Законом устанавливалась общая свобода собраний и союзов. Права юридических лиц союзы приобретали при регистрации их органами судебной власти. Большое значение имел вопрос о порядке регистрации, так как способ решения этого вопроса в значитель-

[1] Арх. Истпрофа ВЦСПС, прот. засед. Особого к-та, № 4.

ной мере определял реальную ценность закона в целом. В законе указывалось, что «порядок регистрации обществ и союзов имеет быть определен особым постановлением». Это постановление, изданное 21 июля, обставляло регистрацию множеством формальностей, крайне затрудняло приобретение союзами прав юридического лица. Постановление от 21 июля встретило резкое осуждение со стороны профессиональных организаций. Всероссийский совет профсоюзов требовал коренного изменения закона и предлагал профсоюзам временно, до решения Всероссийского съезда союзов, воздержаться от регистрации. [1]

Одним из первых актов Временного правительства по рабочему вопросу было издание 23 апреля положения о «рабочих комитетах в промышленных предприятиях». Согласно положению, задачами рабочих комитетов являлись: 1) представительство рабочих перед администрацией заведения по вопросам, касающимся взаимоотношений предпринимателей и рабочих (о заработной плате, рабочем времени и т. д.), 2) разрешение вопросов, касающихся внутренних взаимоотношений между рабочими заведения, 3) представительство рабочих в их сношениях с правительственными и общественными учреждениями, 4) забота о культурно-просветительной деятельности рабочих заведения и о других мероприятиях, направленных к улучшению их быта. По закону от 23 апреля организация фабрично-заводского комитета являлась необязательным актом. «Взаимному соглашению» предпринимателей и рабочих предоставлялось решение таких серьезных и чрезвычайно важных с принципиальной стороны вопросов, как взаимоотношения фабзавкомов и администрации предприятий, порядок освобождения членов фабзавкома от работы, время выборов и пр. Положение весьма красноречиво обходило молчанием вопрос об участии комитетов в производстве. В мае отношение правительства к фабзавкомам было ярко запечатлено в речи Скобелева, решительно заявившего, что «роль фабрично-заводских коми-

[1] При изучении истории закона о профсоюзах мы пользовались материалами архива Истпрофа ВЦСПС (протоколы засед. Особ. к-та, неопубликованная статья б. секретаря этого к-та Е. Николаевой).

тетов кончилась». 28 августа был издан Скобелевым циркуляр, на основании которого воспрещались заседания комитетов в рабочее время, и управляющие предприятиями получали право производить вычеты за пропуск рабочего времени. 29 августа появился еще более откровенный циркуляр м-ра труда, запрещавший вмешательство фабрично-заводских комитетов в вопросы найма и увольнения, предоставленные исключительному ведению владельцев предприятий, за исключением случаев, когда взаимным соглашением установлен другой порядок приема и увольнения. Насильственные меры со стороны рабочих по вопросу о найме и увольнению рассматривались циркуляром как «уголовно-наказуемые деяния». Циркуляры от 28 и 29 августа свидетельствовали о солидарности м-ва труда с главным комитетом объединенной промышленности, что и было вполне справедливо констатировано в одной из резолюций третьей Петроградской конференции фабзавкомов. Политика Временного пр-ва в отношении фабзавкомов была сплошным потворством требованиям предпринимательских организаций.

Вопрос о восьмичасовом рабочем дне обсуждался в Особом комитете, в ряде комиссий, но до законодательного акта дело не дошло. Буржуазия настояла на своем. Правда, в начале революции состоялось соглашение между Петроградским обществом заводчиков и фабрикантов и Петроградским Советом рабочих депутатов о введении 8-часового рабочего дня.[1] Но зафиксированное в официальном документе согласие буржуазии на ограничение рабочего дня отнюдь не соответствовало ее действительным намерениям и настроениям. Без признания 8-часового рабочего дня буржуазии не удалось бы возобновить работу на своих предприятиях. Это был временный маневр, предпринятый в надежде, что в самом ближайшем будущем создастся обстановка, удобная для расторжения договора. Как авторитетно разъяснил председатель совета съездов представителей промышленности и торговли Н. Н. Кутлер, «8-часовой рабочий день вводился как счетная единица для того, чтобы установить нормальную заработную плату: за 8-часовую работу

[1] Мелкая промышленность не была затронута соглашением.

плата была обыкновенная, за дальнейшую работу плата устанавливалась повышенная... но очень скоро произошло изменение: рабочие, которые сначала охотно шли на сверхурочные работы, стали от них отказываться. 8-часовой рабочий день сделался сроком действительной продолжительности работ. По особым условиям настоящего момента представлялось бы целесообразным не только не узаконить в настоящее время окончательно 8-часовой рабочий день, но, напротив, принять требование, чтобы это фактически осуществленное требование рабочих было заменено другим: чтобы рабочий день был установлен более продолжительный» (подчеркнуто мною. — *З. Л.*).[1]

Какую реальную ценность имело «согласие» петроградских промышленников на введение 8-часового раб. дня, показывают те комментарии, которые мы находим в циркуляре Петроградского об-ва зав. и фабрикантов от 14 марта: «Введение 8-часового дня в то время, как все силы всех классов России должны быть напряжены до высшей степени для победоносного окончания войны, грозящей не только территории России, но и только что приобретенной свободе, предполагает, что, подготавливаясь к использованию в будущем наилучшим способом «трех восьмерок», рабочий класс приложит ныне все усилия к повышению интенсивности своего труда в течение установленного восьмичасового рабочего дня и сам пойдет навстречу необходимости работать и большее время, дабы не оставить солдат без боевого снаряжения, а гражданина без необходимых в обыденном быту предметов».[2]

Совещание представителей всех петроградских торгово-промышленных организаций, состоявшееся 16 марта с участием А. И. Коновалова, признало, что еще не настало «время проведения в жизнь восьмичасового рабочего дня». Как видим, не успели еще обсохнуть чернила на

---

[1] Стенограмма засед. эк. совета, № 6.

[2] Все циркуляры Петрогр. о-ва зав. и фабрикантов цитируются нами по делу Архива Истпрофа ВЦСПС.

подписанном промышленниками договоре, как уже началась организованная кампания против 8-часового рабочего дня. Буржуазия единодушно требовала, как было зафиксировано в резолюции третьей конференции юга России, установления продолжительности рабочего дня «как в феврале 1917 года».

Промышленники, отстаивая увеличение рабочего дня, не останавливались на полдороге. Они не довольствовались доказательствами непригодности восьмичасового дня в чрезвычайных условиях военного времени, а приводили один аргумент за другим в защиту своей мысли о неприменимости ограниченного рабочего дня в российских условиях вообще, независимо от особых условий военного времени.[1]

Богатый материал для характеристики политики Временного правительства можно найти в области законодательства об охране труда.

Закон об ограничении ночного труда женщин и подростков обесценивался тем положением его, согласно которому допускалась, до окончания войны, ночная работа женщин и подростков «в тех предприятиях или отраслях производства, в которых это отступление вызывается нуждами обороны».

Не «отставало» от прочих законов «керенщины» и положение об инспекции труда. Конечно, в законе говорилось не о выборе инспекторов пролетарскими организациями, а о назначении их правительством «на общих основаниях». Закон создавал прямую преемственность между старой и новой инспекцией, поскольку обязывал назначать первых участковых инспекторов труда в первую очередь из числа лиц, уже прослуживших в течение года в качестве фабричных инспекторов или окружных горных инспекторов. Рабочим закон бросал обглоданную кость: им предоставлялось право работать при инспекторах в роли ассистентов, не имевших никакого самостоятельного значения. Инспекция труда находилась, по закону, в ведении «палат труда», созданных на паритетных началах (представители предпринимателей обычно поддерживались чиновничьей частью «палат»).

---

[1] Ср., напр., ст. в «Торг.-пром. изв.» (орг. о-ва зав. и фабр. Моск. пром. района), 1917 № 2; «Пром. и торг.», 1917 № 12-13.

Докладывая в экономическом совете о позиции, занимаемой министерством труда по вопросу о страховании от безработицы, П. Н. Колокольников предупреждал, что «в данном случае приходится отступать от тех начал, на которых вообще должно было бы быть построено страхование от безработицы (разрядка моя.—*З. Л.*), как в виду спешности этого дела, так и в виду того, что само страхование приходится вводить как раз в то время, когда уже сразу необходима выплата крупной суммы премий страхуемым». [1] «Отступление от начал» характеризует все рабочее законодательство «керенщины». Чрезвычайно значительными дефектами страдает закон Временного правительства о страховании рабочих на случай болезни. Вместо того, чтобы подвергнуть ликвидации царские «страховые законы», правительство занялось наложением заплат. Закон от 25 июля увеличил круг страхуемых, но некоторые категории наемного труда, как рабочие казенных предприятий, железнодорожники, торговые и конторские служащие, сельскохозяйственные рабочие, домашняя прислуга, попрежнему оставались вне рамок «страхового закона». Пособия определялись в размере от $^1/_2$ до $^3/_4$ заработной платы и выдавались лишь в течение 26 недель. Страховые взносы не были полностью переложены на предпринимателей: если по царскому закону рабочими вносилось $^3/_5$ «страховых сумм», то законом Временного правительства рабочие и предприниматели обязывались вносить по равной доле. Деятели м-ва труда приводили в оправдание такого порядка самые курьезные доводы. Касаясь требования рабочих о возложении взносов полностью на предпринимателей, отдел социального страхования утверждал, что интересы дела требуют отклонения подобного требования. «В случае возложения всех взносов в кассу на владельцев оказалось бы, что кассы, преобразованные на началах полного самоуправления, распоряжаются средствами, составленными исключительно из взносов владельцев. При таких условиях может явиться опасение, что кассы будут недостаточно бережливо относиться к расходованию своих средств. Эти опасения тем более основательны, что уже и ныне, когда

[1] Стенограмма засед. эк. совета, № 4.

средства кассы образуются главным образом из взносов рабочих, замечается стремление больничных касс расходовать эти средства на цели, часто имеющие мало общего с задачами касс».[1] Предприниматели могли быть вполне довольны такой мотивировкой закона. . . Вводя в кассах самоуправление рабочих, Временное правительство заботливо освобождало представителям предпринимателей место в ревизионных комиссиях. Также было сохранено представительство предпринимателей в страховых присутствиях и страховом совете. Первый съезд больничных касс московского района (5—10/X) отмечал в своей резолюции, что «предоставив больничным кассам право брать организацию медицинской помощи в свои руки без согласия владельцев предприятия, закон существенно ограничил для больничных касс возможность использовать это право».

Составляя закон об охране материнства, м-во труда больше прислушивалось к голосу предпринимателей, чем рабочих. Гвоздевское ведомство не решилось внести какие-либо существенные изменения в старый, дореволюционный закон. Ведомство, конечно, видело недостатки старого закона. «Денежная помощь по случаю родов, оказываемая участницам больничных касс. . . в течение двух недель до родов и 4-х недель после родов, не может быть признана достаточной. Срок этот, в особенности четырехнедельный срок помощи после родов, является слишком коротким, не обеспечивающим восстановления здоровья роженицы и не гарантирующим элементарных условий нормального развития ее ребенка». Старый закон был настолько несовершенен, что Россия отставала в данном отношении даже от таких стран как Сербия (зак. 1910) и Венгрия (зак. 1907). Вместо того чтобы перечеркнуть старый закон и составить новый на других совершенно основаниях, м-во труда ограничилось предложением увеличить срок, в течение которого обязательно выдается пособие по случаю родов, на две недели. Размеры денежного пособия по случаю родов устанавливались, согласно проекту м-ва труда, в пределах от половины до полного заработка, причем право на денежное пособие предоставлялось лишь

[1] «Вестник м-ва труда», 1917, № 1-2, стр. 48.

тем работницам, которые состояли членами больничных касс не менее трех месяцев.

Препровождая свой проект на рассмотрение Временного правительства, руководители м-ва труда доводили до сведения правительства, что проект встретил решительный отпор со стороны рабочей группы Совета по делам страхования рабочих. [1] Но важен ли отзыв рабочей организации, если, как отмечается в докладной записке м-ва, «с а м» заведующий отдела труда Совета съездов промышленности и торговли Леонов санкционировал проект м-ва труда. Это стремление использовать «авторитетное» мнение деятеля Совета съездов, в противовес отзыву рабочей организации, чрезвычайно убедительно характеризует позицию министерства, находившегося в руках меньшевиков. [2]

По признанию самих руководителей министерства труда, внимание ведомства отвлекалось работой по улаживанию конфликтов и регулированию рынка труда, разработка же вопросов социального законодательства была отодвинута на задний план.

Закон о биржах труда был опубликован только во второй половине августа. Биржи управлялись паритетными комитетами. Протест рабочих в Особом комитете против «паритетной» организации биржи был оставлен без последствий. В ряде случаев рабочие отказались послать своих представителей в комитет бирж. К Октябрьской революции в стране насчитывалось всего 27 бирж труда, считая также те биржи, которые были в свое время организованы земско-городской организацией. [3] Характеризуя мероприятия Временного правительства по организации бирж труда, проф. Г. Г. Шиттау в своей работе констатирует, что правительство «не озаботилось учетом живой силы в форме профессиональной переписи со специальным учетом

---

[1] Рабочая группа Совета, критикуя в частности пункт об обязательности трехмесячного членства в больничных кассах (для получения пособия), в своей записке от 27 сентября отмечает, что «это такая галиматья, которая едва ли нуждается в опровержении».

АОР. Канц. Вр. пр-ва. Д. 477.

[2] Архив Окт. рев. канц. Врем. пр-ва. Дело 468. Докладная записка за подписью Колокольникова и Моносзона (Шварца).

[3] Сб. «Два года диктатуры пролетариата 1917—1919». Ст. А. Аникст, стр. 25.

безработных, не выработало наиболее рационального типа самой биржи труда, не устанавливало принципов, на которые могли бы они опираться в своей деятельности, не обеспечило необходимых для того средств». Многие статьи положения «настолько ничтожны и бессодержательны, что на них нет даже смысла останавливаться». [1] В июне при м-ве труда был организован центральный комитет по распределению рабочей силы, к обязанностям которого относилось установление правил пользования трудом рабочих, составление плана распределения наличной рабочей силы, выработка мер по привлечению к труду безработных. При чрезвычайной чуткости Временного правительства к запросам предпринимателей, при неспособности к решительным и коренным мерам в интересах народного хозяйства, деятельность центрального комитета по распределению рабочей силы была неизбежно обречена в л у ч ш е м случае на бесплодие.

Как ни был сплошь да рядом закон Временного правительства по рабочему классу, правительство не довольствовалось одним законодательным творчеством и не отказывалось пользоваться помощью таких аргументов как «инфантерия, кавалерия. . .» В июле был принят знакомый уже нам закон о военноуполномоченных. В Донецкий бассейн были отправлены казачьи части, которые оставались там, несмотря на самые решительные протесты рабочих организаций.

Правильная и четкая оценка рабочего законодательства Временного пр-ва была дана в резолюции второй Московской конференции фабрично-заводских комитетов. В резолюции подчеркивалось, что те законы, которые проведены правительством, в одной части не удовлетворяют рабочих, в другой — причиняют им огромный вред и служат причиной законного возмущения.

При той позиции, которую занимали меньшевистские руководители министерства труда по отношению к буржуазии, рабочее законодательство не могло быть иным. Именно давлением буржуазии объясняется, как мы уже могли убедиться, тот факт, что вплоть до Октябрьской революции в стране не было введено, в законодательном по-

---

[1] Г. Г. Ш в и т т а у, Революция и народное хозяйство. Гл. 8-я.

рядке, 8-часового рабочего дня. Выступления министерства труда против рабочих организаций были прямо связаны с борьбой, которую вела буржуазия против покушений на старую фабричную конституцию.

Почти все съезды, конференции, совещания промышленников выражали в специальных резолюциях свое резко-отрицательное отношение к попыткам «постороннего» вмешательства во внутреннюю жизнь предприятий. Например 3-я конференция промышленников Юга, обсудив вопрос «об условиях, при которых возможно существование промышленности», в числе этих «условий» фиксировала следующее: 1) прием и увольнение рабочих и служащих— исключительное право предприятий; 2) внутренний распорядок на заводах и рудниках всецело устанавливается администрацией предприятия. Предприниматель полновластен, волен распоряжаться на предприятии как ему угодно, а потому «вмешательство Советов раб. деп., комитетов или каких бы то ни было других организаций в область управления предприятиями, руководства, надзора за предприятиями или контроль не допускается».[1] В Москве, в заседании общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, по обсуждении условий, в которых должна протекать жизнь текстильных предприятий в ближайшем будущем, признано необходимым «немедленное установление на местах полномочных правительственных, административных и служебных органов, имеющих действовать на точных основаниях существующих законов, дабы прекратить анархическое вмешательство всевозможных частных, классовых и политических организаций в хозяйственную жизнь страны».[2] Замечательный в своем роде ответ дало правление Богословского горного округа (Урал) на запрос министерства труда: правление «является хозяином завода, а поэтому, что хочет, то и делает».

---

[1] «Торг.-пром. газета», 1917 г. № 221. — На конференции были представлены: углесоюз, горносоюз, антрацитсоюз, металлургсоюз, союз рудопромышленников, представители предприятий по добыче каменной и выварочной соли, представители фиговой промышленности и союзов фабрикантов Харьковского, Екатеринославского и Ростовского районов.

[2] «Промышленность и торговля», 1917 г. № 34 — 35.

Одной из основных причин забастовки московских рабочих-кожевников, начавшейся 16 августа и продолжавшейся более двух месяцев, был отказ предпринимателей допустить участие фабрично-заводских комитетов в делах найма и увольнения рабочих.

Предприниматели неоднократно выражали свое недовольство даже малоудовлетворительным с точки зрения рабочего класса законом Временного правительства о рабочих комитетах. Упоминавшаяся уже нами конференция промышленников Юга, на которой программа буржуазии была сформулирована чрезвычайно резко и отчетливо, потребовала изменения «закона о фабрично-заводских комитетах, вносящих крайнюю дезорганизацию в деятельность предприятий». Скобелевскому циркуляру, ограничивавшему права фабзавкомов, предшествовал циркуляр союза объединенной промышленности, изданный 22 августа. В последнем циркуляре доводилось до сведения промышленников, что рабочие комитеты не имеют права контроля над наймом и увольнением служащих и рабочих. Собрания комитета предлагалось допускать только в нерабочее время. В циркуляре весьма решительно заявлялось, что предприятия не обязаны платить членам комитетов за работу, выполняемую ими по их выборной должности.[1]

Промышленники бешено сопротивлялись всяким «нововведениям» в области охраны труда. Социальное страхование объявлялось непосильной для народного хозяйства роскошью. Особенно настойчивую борьбу вели промышленники против намерения м-ва труда предпринять что-нибудь в деле страхования от безработицы. 12 сентября Кутлер предложил промышленникам обратить внимание м-ва торговли и промышленности на несостоятельность и несвоевременность законопроекта о страховании от безработицы. Фон-Дитмар многозначительно указывал на всероссийском торгово-промышленном съезде, что министерство труда разрабатывает законы о страховании от безработицы в то время «как у нас непочатое море дел».

Хозяйские окрики фон-Дитмаров не оставались без результатов. На своей всероссийской конференции меньшевики, в угоду буржуазии, приняли резолюцию о не-

[1] Архив Октябрьской рев., ф. VI, д. № 1/2.

допустимости «радикальной реформы в области рабочего законодательства», повторив в 1001 раз сакраментальную меньшевистскую фразу об опасности «изоляции рабочего класса путем противопоставления его классовых интересов общенародному делу». Деятели гвоздевского ведомства не допускали ни на минуту мысли о возможности разрыва с буржуазией, встречавшей самые невинные акты в области рабочего законодательства бурными протестами и угрозами. Меньшевики готовы были итти на любую уступку, лишь бы сохранить благосклонность Рябушинских, Гужонов и иже с ними. Известный меньшевик Пумпянский, желая направить на путь истины «несчастных» рабочих, лишенных, якобы, «продуманного руководства», глубокомысленно поучал их, что «злоупотребление политическим влиянием момента в виде попытки диктовать свои условия, совершенно не считаясь с отношением предпринимателей, явилось бы роковой политической ошибкой». . . [1]

К счастью, рабочий класс предпочел «роковую политическую ошибку» капитулянтскому благоразумию меньшевиков. Только выжив из Мраморного дворца Гвоздевых и Моносзонов, пролетариат смог обеспечить условия для рабочей политики, направленной к последовательной и четкой защите его классовых интересов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономическая политика докоалиционного периода имела в своем «активе» несколько полумер, отнюдь не свидетельствовавших о способности правительства к серьезной и последовательной борьбе с хозяйственным распадом. Временное правительство первого состава не пошло дальше таких актов, как отмена ограничений при основании акционерных обществ и создание явно мертворожденного совещания по развитию производительных сил. В области финансовой политики закон о прямых налогах, впоследствии аннулированный, был издан через месяц с лишком после ухода первого правительства. По земель-

[1] Журн. «Дело», 1917 г. № 3—6, ст. Л. Пумпянского. «Рабочий вопрос и революция».

ному вопросу при Шингареве были опубликованы закон о земельных комитетах, возбудивший, как мы уже отмечали, сильное недовольство крестьянства, и постановление о принудительной аренде. О запрещении земельных сделок правительство не хотело и слышать. Опубликовав закон о хлебной монополии, правительство ничего не сделало для обеспечения крестьянского населения предметами первой необходимости, если не считать создания «железновской комиссии», собравшейся только 20 мая, после ухода правительства первого состава.

Правительство коалиции, являвшее ярчайший пример капитуляции мелкобуржуазных партий перед крупной буржуазией, не раз сулило в своих декларациях расширение и углубление регулирующей деятельности государства. Во исполнение этих обещаний были созданы некоторые новые регулирующие органы, реорганизованы старые, опубликованы законы о ряде монополий, усилено прямое обложение и т. п. Мы видели в своем месте, что получилось из всех этих мероприятий Временного правительства. Регулирующая деятельность государства протекала крайне вяло и нерешительно. Вмешательство в производственный процесс не было даже декларировано. Не было введено контроля над банками, т. е. не было создано одного из главнейших условий организации народного хозяйства. Монополия торговли минеральным топливом была проведена после долгих оттяжек и в крайне неудовлетворительной форме. Кожевенная монополия коснулась лишь отдельных сортов кожи. Некоторые монополии были объявлены с фискальной целью и не имели прямого отношения к политике планомерной организации народного хозяйства. Торговля тканями только частично подверглась воздействию государственных органов. Хлебная монополия была подорвана капитуляцией перед частной торговлей, политикой цен и пр. Крайне несовершенный закон о запрещении земельных сделок был пределом тех уступок, которые были сделаны крестьянству в области земельных отношений. Очень много фимиаму было воскурено меньшевистскими политиками деятельности министерства труда, но обзор мероприятий, осуществленных этим министерством, показал нам, что оно не составляло исключения из общего правила.

Хозяйственный кризис, созданный войной, до революции в немалой мере усугублялся деятельностью царского правительства. Февральская революция не повлекла за собой коренного сдвига в сфере экономической политики. Временное правительство сводило в действительности на-нет все официально декларированные под давлением масс меры по организации хозяйственной жизни страны. Даже скромная регулирующая деятельность государственной власти в Германии и Англии была для Временного правительства всех составов непревзойденным образцом. За 8 месяцев своего существования Временное правительство лишь углубило разруху и ускорило распад хозяйственной системы.

Буржуазия стала после Февраля у власти, но отказалась использовать свою власть для осуществления задач буржуазно-демократической революции, для борьбы с хозяйственной разрухой хотя бы по тем образцам, которые были созданы в годы войны Англией и Германией. Экономическая политика российской буржуазии в 1917 г. характеризовалась исключительным убожеством, предельным бесплодием, творческой немощью. Можно допустить, что, при наличии устойчивого буржуазного правительства, которое обладало бы всей «полнотой власти», российская буржуазия решилась бы вступить на путь более или менее последовательной государственно-капиталистической организации хозяйства. Но и такая перемена позиции буржуазии не сулила бы народному хозяйству исцеления от его многочисленных недугов. Крах хозяйственной системы в 1917 г. создал положение, при котором нельзя было итти вперед, «не идя к социализму».[1] При той степени развала, до которой дошло народное хозяйство России, борьба с хозяйственной разрухой требовала решительного «вторжения в частную собственность», широкого и планомерного перераспределения хозяйственных ресурсов, радикальной перестройки производственного аппарата и пр. Плодотворная борьба с хозяйственной разрухой возможна была лишь вопреки и против интересов

[1] Ленин, Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 208.

буржуазии. Поэтому интересам хозяйственного развития страны противоречили не только политика прямого саботажа, проводившаяся буржуазией, но и программа, выдвинутая мелкобуржуазными партиями (м-ки и эсеры), видевшими спасение в установлении «организованного капитализма».

Единственный выход из экономического тупика был указан большевиками, обусловливавшими успешность борьбы с хозяйственным развалом победой диктатуры пролетариата. Программа, выработанная нашей партией, требовала: ликвидации империалистической войны, как основного источника хозяйственной дезорганизации; планомерного урегулирования производства и распределения; установления действительного рабочего контроля (в противовес фиктивному государственному контролю «керенщины»); национализации и централизации банков; национализации ряда синдикатов и принудительного синдицирования; отмены коммерческой тайны; отказа от уплаты государственных долгов; коренного преобразования всей налоговой системы в интересах трудящихся; немедленной конфискации всей помещичьей, удельной и церковной земли; организации обмена между городом и деревней, опирающейся на кооперативы и продовольственные комитеты. В этих мерах еще не было социализма «с сегодня на завтра», но в них уже был указан путь к социализму, были намечены первые шаги к нему. На VI съезде партии отмечалось (доклад т. Милютина), что рабочий контроль являлся «только первой брешью, которую мы пробивали, чтобы дать возможность рабочим ближе и непосредственней войти в область регулирования и управления производством». [1] Подвергая уничтожающей критике бесплодную и гибельную для народного хозяйства экономическую политику Временного правительства, партия воспитывала массы на понимании того, что осуществление предложенных ею насущных мер, имеющих переходный характер и не предполагающих еще немедленного искоренения частной собственности, невозможно без захвата пролетариатом власти. Но при «действительно революционно-демократическом государстве» государственно-

[1] Протоколы VI съезда РСДРП (б.). 1919. Стр. 134.

монополистический капитализм облегчал переход к непосредственной социалистической организации народного хозяйства и «неминуемо» означал «шаг к социализму». [1] Под углом зрения социалистической революции партией рассматривались все социально-экономические проблемы. Партия сохранила верность своему старому лозунгу национализации земли, но, как констатировал Ленин, в условиях нарастающей социалистической революции, «и национализация земли в аграрной программе неизбежно приобретает иную постановку. Именно: национализация земли есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и прямой «шаг к социализму».[2] Призывая массы к социалистической революции, партия учитывала (в отношении экономических предпосылок) не только небывалый развал хозяйства, порождавший острое недовольство масс и возбуждавший их к борьбе, но и ту стадию развития, в которой находилась российская экономика, приобревшая уже накануне войны характер монополистического капитализма.

Народное хозяйство России накануне Октябрьской революции нуждалось в «хирургическом вмешательстве», которое избавило бы его от паразитического нароста, угрожавшего жизни организма. Пролетариат блестяще справился в Октябре с этой операцией. Анти-крестьянская политика Временного правительства обеспечила пролетариату революционного союзника в лице крестьянства.

Госуд. [illegible]
Истор[illegible]
[illegible]
[illegible]

[1] Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 207.
[2] Там же, стр. 145.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	3
Гл. I. Распад народного хозяйства в 1917 г.	5
Гл. II. Регулирование промышленности	47
Гл. III. Финансы	109
Гл. IV. Продовольственное дело	124
Гл. V. Земельный вопрос	145
Гл. VI. Рабочий вопрос	184
Заключение	196

= 40 lb.